

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№10 (108), 2022

*Россия
и Запад:
глубинный
разлом.
Часть 2*

*Русский
чертёж*

Содержание:

- 3** Александр ПРОХАНОВ.
Русский чертёж
- 6** Александр СЕКАЦКИЙ.
О помешательстве государств и народов
- 26** Константин ЧЕРЕМНЫХ.
Истина и блеф
(окончание, начало в № 9 за 2022 год)
- 42** Александр РУДАКОВ.
Великий Индиктион: автономное время Русской цивилизации
- 48** Владимир ТИМАКОВ.
Неизвестная граница двух миров
- 56** Вардан БАГДАСАРЯН.
Ценностно-смысловая матрица новой идеологии России: принципы и образы
- 64** Максим КАЛАШНИКОВ.
Расковать Русскую Мечту!
- 70** Александр ЕЛИСЕЕВ.
Общинная «линия» Русского чертежа
- 73** Михаил КИЛЬДЯШОВ.
Служите друг другу
- 76** Дмитрий МЕЛЁШИН.
Как сломать хребет западной деструктивной пропаганде?
- 92** Алексей КОМОГОРЦЕВ.
Старые волки в новой школе: гностические корни трансгуманизма
- 106** Библиотекарь
- 107** Хронология мероприятий клуба
- 108** 70 лет кадету Алёше
(юбилейная подборка стихов Алексея ЯКОВЛЕВА-КОЗЫРЕВА)

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** №10 (108), 2022 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Заместитель главного редактора — Андрей КОБЯКОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
По вопросам распространения: телефон +7(910) 421 92 07
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 08.02.2023

Отпечатано в ООО «Типография «Печатных Дел Мастер»

Тираж 700 экз. Заказ № 230494

/ Александр ПРОХАНОВ /

Русский чертёж

Русская монархия триста лет обдирала лапотный народ, живший под соломенными крышами, и скопила несметные богатства: золото, бриллианты, дворцы. С падением монархии золотой запас царской империи уплыл за границу и там бесследно растаял. Деньги, добытые кровью и потом русского народа, пошли на вскармливание «цивилизации банкиров».

Советский народ, начиная своё огромное красное дело, был бос и гол. В непосильных трудах он создал невиданную цивилизацию, наполнил государственную казну неисчислимыми богатствами. С крушением Советского Союза эти богатства утекли из страны, и «золото партии» стало добычей всё той же «цивилизации банкиров».

Либеральная гайдаровская Россия, отобрав у народа нефть, алмазы, железные и медные руды, превратив русские недра в свои триллионные состояния, перевела их на Запад, где они после введения санкций канули в ненасытном чреве мировых банкиров.

Трижды русский народ обдирали до нитки. Трижды самая богатая в мире страна оставляла свой народ у разбитого исторического корыта. Сегодня, после крушения ельцинского государства, Россия мучительно выбирает форму своего исторического бытия. И не станет ли эта форма очередной драгой, выгрызающей из русского народа его жизненную твердь?

«Образ будущего» — это не каприз футурологов, не прихоть поэтов, не мечта фантазёров. Этот образ должен быть создан сегодня, сейчас. Ибо здание, построенное на руинах ельцинского государства, должно исключать крушение. Новая создаваемая нами общность должна включать в себя могучую составляющую, имя которой «Государство проектов».

Именно таким государством был Советский Союз. Советское государство было способно сконцентрировать в своих руках громадные ресурсы и рывками, через великие проекты, создать невиданную индустрию, одержать победу

в кромешной войне, выйти в космос и сложиться в небывалое многонациональное цветущее единство. Государство было монополистом народной жизни и исключало «поле свободы», то поле, в котором рождаются народные инициативы, новации в науке и культуре, экспромты, позволяющие заблудившемуся государству находить новые пути, окольные русла в историческом лабиринте.

Отсутствие этого «поля свободы», отсутствие творческой инициативы в народе привело к стагнации советского государства и в конечном итоге к его гибели. Победившие в 1991 году либералы отшвырнули всё советское, демонизировали государственную идею, объявили либеральную стихию, в том числе рыночную, экономическую, той средой, которая сама по себе рождает социальные формы, обеспечивающие цветение и развитие. Утратив государственную идею, разбазарив накопленные государством ценности, ельцинская Россия лишилась громадного количества промышленных отраслей, научных направлений, культурных обретений. Породила узкую прослойку безнравственных миллиардеров, окунула народ в нищету, а само государство погрузилось в хаос. Поле абсолютной свободы породило аномальное неравенство, разрушило общество, сделало Россию сырьевой базой Запада, утвердило «культуру осквернения» и рассматривало народ не как творящую историческую силу, а как угрюмую ненавидящую массу, желающую вернуть себе принадлежащую ей собственность. Это ельцинское государство, несущее в себе множество изъянов и трещин, рухнуло в одночасье, когда русские танки стали появляться в окрестностях Харькова, Киева и Одессы.

Каким будет теперь государство Российское? Какой дом построит себе российский народ среди ураганов современной истории?

У новой России будет новое мощное проектное государство, способное осуществлять грандиозные проекты развития, будь то Арктика, космос, искусственный интеллект, новые

источники энергии. Опыт этого уникального проектного государства, каким был Советский Союз, зафиксирован не только в научных трудах советских экономистов и управленцев, в памяти ещё живых советских стариков, управлявших великими заводами и отраслями. Он хранится как драгоценность в памяти обычных советских людей, тех, что ещё живы, кто вдохновляет своим таинственным свечением новые поколения. Именно эти новые поколения водружают красные советские знамёна на танках, штурмующих на Украине оплот нацистов.

Наряду с этим «государством проектов», государством проектного централизма появится «поле свободы», где каждый человек будет носителем свободы творчества, станет создавать свои фирмы и предприятия, свои художественные и интеллектуальные школы, свои развлекательные и спортивные центры, плодить свои утопические, пусть и не достижимые сегодня фантазии. В недрах этого поля неизбежно возникнут гении, сверходарённые люди, использующие полученную свободу себе во благо. Возникнут миллиардеры, владельцы крупных частных компаний, обеспечивающих хозяевам рыбок в благосостоянии и социальный успех. Этической нормой, при которой будет жить это «поле свободы», станет формула «свобода одного работает на благо всех».

Между «государством проектов», с его централизмом, плановостью и «полем свободы», существует противоречие и конфликтная среда, где воля централистского государства соприкасается с волей отдельного творца. Эта конфликтность может превратиться в катастрофическое противоречие, порождающее революции и гражданские войны. Поэтому между проектным государством и «полем свободы» должен существовать регулирующий нормирующий орган,

умягчающий все противоречия, снижающий остроту конфликтов, исключаящий вопиющее социальное неравенство, останавливающий культуру осквернения и распада — плод извращённой психики пресыщенного индивидуума.

«Государство проектов» и «поле свободы» суть два сообщающихся сосуда. Социальные энергии перетекают из одного в другой, регулируемые структурой, призванной соблюдать баланс этих энергий.

Итак, образ будущего складывается из централистского «государства проектов» и поля индивидуального творчества, а также из регулирующей их отношения государственной структуры. Но чем же такое российское государство будет отличаться от современного Китая? И не является ли оно запоздалым воплощением китайского опыта, той моделью, которую предложил Китаю великий Дэн Сяопин? Эта модель остаётся китайской, а её духовным содержанием является вся бесконечность китайской культуры, традиций, быта, уклада, поэзии, глубинных китайских кодов, неизменных во всей тысячелетней китайской истории, перетекающей из одной империи в другую, из одного царства в другое, — то глубинное наполнение, которое в сегодняшнем Китае зовётся Китайской Мечтой.

Русская Мечта одухотворяет эту триаду русского будущего. Русская Мечта — это вековечное стремление русского народа к идеальному бытию, совершенству, справедливости, духовному творчеству, исключающему насилие, неравенство, осквернение. Эта мечта, в своём возвышенном воплощении именуемая Царствием Небесным, в каждом историческом периоде приобретающая свои конкретные исторические формы, эта мечта в эру современных управленческих и экономических теорий, цифровых технологий, ослепительных прозрений — как заря, по направлению к которой движется сегодняшнее государство Российское.

Церковь с её идеалом Царствия Небесного, с её начертанными на стенах храмов божественными фресками входит в эту русскую триаду как драгоценная хранилища великих заветов, соединяет бесконечное русское прошлое с бесконечным русским будущим. Ковчег, на котором русская история движется из прошлого в будущее, и есть государство Русской Мечты.

В недрах государства Русской Мечты рождается экономика Русской Мечты, культура Русской Мечты, политика Русской Мечты, гражданин Русской Мечты, лидер Русской Мечты. У России есть такой лидер. Пусть он создаст чертёж нового государства Российского.

***«Государство проектов» и «поле свободы»
суть два сообщающихся сосуда. Социальные
энергии перетекают из одного в другой,
регулируемые структурой, призванной
соблюдать баланс этих энергий. Русская
Мечта одухотворяет эту триаду русского
будущего. Русская Мечта — это вековечное
стремление русского народа к идеальному
бытию, совершенству, справедливости,
духовному творчеству, исключающему
насилие, неравенство, осквернение.***

/ Александр СЕКАЦКИЙ /

О помещательстве государств и народов

Империя на подъёме и империя в упадке — в сущности, обычное дело, сколько такого было в истории. Обретение пассионарного заряда и последующий упадок пассионарности — одна из возможных причин такого положения вещей, известная нам благодаря Льву Гумилёву. И о культурах-цивилизациях, которые зарождаются, чтобы развернуть и реализовать свой прасимвол, а затем, достигнув преклонного возраста, дряхлеют, и тогда ничто уже не в состоянии их спасти, мы тоже знаем. Интуиция Шпенглера всё ещё остаётся одной из самых точных объяснительных схем истории. В конце концов, ещё Платон сравнивал государство с душой, сравнивал продуманно и последовательно, так что обе сущности поочерёдно, в порядке передачи эстафеты, поясняли друг друга.

Пояснения, конечно, не всегда были корректны, но то, что некоторые социальные единства — народы, государства, те или иные общности способны иметь отдельные черты и характеристики субъекта, не вызывает сомнений. Акторно-сетевая теория Латура окончательно легитимировала подобный способ рассмотрения: раз уж избранные вещи вроде вакуумных насосов и дверных доводчиков успешно выступают в роли актантов, будучи деятелями в рамках некоей специфической деятельности, то о долгосрочных единствах коллективного тела социума нечего и говорить: тогда государства и народы вполне могут быть рассмотрены в качестве субъектов второго порядка.

Конечно же, некоторые вопросы навсегда останутся этически неразрешимыми. Можно ли вменять в вину целому народу жестокость, чёрствость, коварство, неблагодарность и прочие грехи того же рода? Или народ всегда мудр, и лишь отдельные его представители, прежде всего, политики и то, что называется государством (правда, в таких случаях его именуют «режимом»), могут расцениваться как нечто пре-

ступное? Кстати, теперь в таких случаях ещё принято говорить о «преступлениях перед собственным народом». Прошли времена, когда аргументация Макиавелли казалась убедительной и естественной, когда флорентиец, оправдывая неприглядные действия государя — его цинизм, жестокость, вероломство, — апеллировал при этом к «народу» примерно следующим образом: властелин есть существо мстительное, легко выходящее за рамки морали и христианского милосердия, и хуже государя в этом отношении оказывается только народ... Читателю оставалось лишь улыбнуться про себя и мысленно пожать плечами — возразить было нечего. Сейчас на этом месте срабатывает даже не внешняя, а внутренняя цензура: как — замахнуться на народ, на людей! Однако обойти эту цензуру несложно, достаточно лишь заменить народ на «правлящий класс» или на «государство». Кстати, репутация «государства», напротив, существенно упала, и сегодня число желающих расписывать его доблесть едва ли превосходит число желающих обличать непосредственно народ. Можно сказать, что характерная для античности оппозиция полиса и демоса поменяла свои знаки на противоположные. Так, полис (государство) был источником всех гражданских достоинств и предметом апологии большинства античных философов. Демос и его нравы, напротив, становились, как правило, объектом обличения (Платон, Фукидид, Плутарх). Теперь же народ есть безупречный суверен, а вот государство — нередко узурпатор. В этом уместно обвинять даже самое демократическое правление: так, американские политологи, нередко затрагивающие вопрос о глубинном государстве, высказываются о нём критически (мне, например, неизвестна положительная оценка собственного глубинного государства).

Но нас сейчас интересует не проблема моральной или нравственной вменности, а другие аспекты

и другие параллели между телесно воплощённым индивидом (собственно субъектом) и квазисубъектом, актором, действующим на арене истории. Это аспекты бытия-во-времени — возраст и возрастные изменения, в каком-то смысле это конкретизация интуиции Шпенглера, но не на уровне культуры-цивилизации, а на уровне более непосредственно данного единства, как раз государства. Но не всякого, поскольку государство государству рознь. Контрактное государство, имеющее характер сделки (договора), это достаточно слабо выраженный самостоятельный актор, собирательное единство, под крышей которого действуют классы, корпорации, партии и прочие «вакуумные насосы». Иное дело *органическое государство*, оно существенно ближе к субъект-деятелю, поскольку в равной мере воплощено и в институтах, и в олигоценциях, содержит не единственное правовое поле, а несколько, даже целый веер, при этом предусмотрены и механизмы сборки подданных в единстве воли. А значит, мы имеем значительно больше оснований приписывать такому деятелю черты и характеристики телесно воплощённого человеческого индивида.

Допустим, возраст. Если уж в концепции Шпенглера — Гумилёва возраст этноса и, соответственно, культуры-цивилизации является одной из ключевых характеристик, то в отношении империи тем более следует присмотреться к этому параметру.

Имеется встроенный механизм обновления, для которого и задействуется наследственная монархия. В случае России самый яркий пример — это смена царя-батюшки (Алексея Михайловича) царём-детинушкой, Петром, само правление которого получило вполне справедливое название «Россия молодая». Однако если подобный механизм отсутствует и следы дряхления не выводятся из социального организма, с этим самым организмом происходит что-то вроде старческой

Попробуем суммировать свидетельства той удивительной вспышки исторического безумия, которую принято называть перестройкой. Это, несомненно, многогранное явление, соединяющее в себе черты революции, смены эпох, крушения цивилизации, не сумевшей совладать с вызовами истории, — и всё же немало соображений могут быть извлечены из анализа клинической картины, из сопоставления безумия в классическом психиатрическом смысле и маразма советской державы в смысле куда более метафорическом.

деменции. И лучшим тут примером тоже является Россия — гибель советской империи.

Попробуем суммировать свидетельства той удивительной вспышки исторического безумия, которую принято называть *перестройкой*. Это, несомненно, многогранное явление, соединяющее в себе черты революции, смены эпох, крушения цивилизации, не сумевшей совладать с вызовами истории, — и все же немало соображений могут быть извлечены из анализа клинической картины, из сопоставления безумия в классическом психиатрическом смысле и маразма советской державы в смысле куда более метафорическом. Оставим пока в стороне даже анализ причин, то есть того, что привело к этой катастрофе планетарного масштаба: всему, конечно, есть свои исторические политические и социально-философские объяснения. Возьмём просто несколько характерных проявлений-феноменов в интересующем нас ключе.

1. Предельная форма отчуждения от государства к восьмидесятым годам — черта, характерная уже для всех живших тогда поколений. Государство действительно представлялось чем-то вроде самостоятельного существа — грозного, могущественного, совершенно никак не зависящего от твоей воли, да и собственно от воли людей, имеющих человеческий облик. Оно

держит ядерный щит и карающий меч, помогает борющемуся народу Мадагаскара — далёкому, надо сказать, народу, но ведь и собственный народ был так же далёк от него, от этого государства, имеющего и другие персонификации — «партия и правительство», «советский народ», притом что настоящий народ ощущал себя кем угодно, но только не тем «советским народом», о котором пелись песни и гимны и рассказывались мифы.

Главное отличие позднего советского государства от империи сталинских времен заключалось в этом изменившемся обстоятельстве. То, сталинское, государство было несравненно более опасным и кровожадным — но оно находилось рядом, к нему действительно были причастны и оперуполномоченные НКВД, и секретари первичных парторганизаций, и все социальные лифты работали на полную мощь. Дряхлое, выжившее из ума брежневское государство было где-то очень далеко, и в силу этого изначально глуховато и подслеповато. Оно действительно являлось как бы ничьим, и хотя миф о всеприсутствии КГБ был достаточно широко распространён, в глубине души народ не слишком верил в это, что и подтвердилось сразу же, на первом же этапе катастрофы (перестройки), когда ни коммунисты, ни чекисты не изъявили ни малейшей готовности защищать режим, это якобы «своё» государ-

ство, которое в действительности оказалось для них столь же далёким, как и для рядового советского обывателя.

2. Сам же советский народ и, в особенности, его интеллектуальная элита, интеллигенция, в условиях отсутствия контакта с собственным государством осуществляли пробные контакты с иными государствами — с Америкой, с Западом как таковым, с провинцией Касталией из романа Германа Гессе «Игра в бисер», с Российской империей прошлого века и с прочими довольно смутными фантомами — у каждого из них находились свои верные рыцари...

Оба эти симптома хорошо вписываются в клиническую картину шизофрении: психиатры обычно говорят об отчуждении от ближнего круга в пользу дальних химерных ассоциаций, и сегодня такую характеристику, как «склонность к образованию сверхценных идей (идей фикс)», никто не отменял. Заметим, что сама по себе склонность к далёким идентификациям есть просто шизотенденция, совсем не обязательно ведущая к шизофрении — к социальной шизофрении в частности. Поэтому продолжим присматриваться к картинке феноменов интересующего нас государственного помешательства.

3. Всеобщее лицемерие может показаться чем-то не совсем уж безобидным, но, скажем так, не самым худшим. Та же советская версия Российской империи знавала и настоящие волны внутреннего террора, и невероятную жестокость, массовый голод и другие лишения. На этом фоне тридцатилетний брежневский консенсус вроде бы не похож на паранойю или невротизацию. Но лицемерие обладает разъедающим действием: оно достигает определённой концентрации и просачивается во все уголки социума вплоть до колыбельных песен.

Именно это и произошло в Советском Союзе, где пришёл в негодность даже уровень простого детского импринтинга. Обратимся

к известной иллюстрации из этологии, уже изрядно затасканной со времён Конрада Лоренца. Цыплята, утята и некоторые другие птенцы определяют маму как первый движущийся предмет, который они видят. При обычном ходе вещей таким предметом как раз и является мама-утка, так что механизм импринтинга успешно работает.

Но ведь никто не мешает экспериментатору заменить чем-нибудь или кем-нибудь маму-утку и посмотреть, что получится. Ну и посмотрели, было проделано немало экспериментов, и выяснилось, что на роль «мамы» подходит достаточно широкий круг движущихся, как бы живых предметов. Перед вылупившимися утятами протягивали подушку, и утята принимали её и в дальнейшем считали мамой (этологи, правда, не пришли к единому выводу насчет минимального времени экспозиции). Перемещали таким же образом чучело коршуна, и тогда коршун, естественный враг уток, становился для утят мамой...

Если внести соответствующие поправки на формат актора, на то, что это помешательство квази-субъекта (то есть органического государства, в отличие от служебного государства, имеющего простую контрактную форму), параллель с чучелом коршуна, конечно, напрашивается: в одряхлевшей державе не осталось буквально ничего живого, ничего такого, на что мог бы откликнуться «младенческий импринтинг». Для октябрят, пионеров и прочих юных ленинцев, для подрастающего поколения в целом находились только пустые слова, в которые абсолютно никто не верил, за которыми не стояло никакого дела, никакого призвания, ничья личная ответственность. То есть по сумме признаков эта «мама» была дохлой курицей, которую принято было именовать грозным орлом, — но научить орлят летать эта дохлая курица, конечно, не могла.

Стоит заметить, что в 20–30-е годы при всей жестокости режима дело выглядело иначе, и имприн-

тинг работал, чего не учли, в частности, аналитики Третьего рейха, полагавшие, что на фоне размаха сталинских репрессий немецкая оккупация покажется не такой уж и обременительной. И просчитались они практически во всём, включая и беспрецедентный размах партизанского движения.

Но для 80-х годов подобный расчёт, увы, был бы совершенно верным. Лживая и выдохшаяся риторика не имела никакого доступа к сердцам, в том смысле, что никто не принимал её близко к сердцу: ни октябрят, ни комитетчики. Множество слов было сказано о перекрытии всех социальных лифтов, о беспросветной геронтократии, о том, что гипотетическое наличие искренних убеждений было скорее помехой, тормозом для продвижения по карьерной лестнице (и попадания в номенклатуру). Всё это суть фрагменты общей картины государственного безумия — тихого (вплоть до кризиса перестройки) помешательства. Говоря в терминологи-

гии «Розы мира» Даниила Андреева, уицраор России Жругр III пребывал в глубоком маразме.

4. Отсутствие пригодных для импринтинга идентификаторов, — поскольку в этой части у дряхлого государства не осталось буквально ничего живого, — не отменяет нужды в первичных идентификаторах, тут Фрейд был прав. И тогда далёкие химерные идентификации, своего рода призраки, заменяют место матери, отца, кого-нибудь из предков-покровителей; поговорка «свято место пусто не бывает» вполне подходит для нашего случая.

А случилось так, что начиная с конца 60-х уже никто не мог всерьёз воспринимать лозунги, выцветшие ещё до того, как они были написаны, какие-нибудь «планы партии — планы народа». Но раз так, то начинается невольный поиск того, что хотя бы «движется» и подаёт признаки жизни, пусть даже и очень странной жизни; начинается поиск цветных подушек, которые кто-либо, возможно, проносит мимо, — ну или проплывающих

вдали облаков, если уж ближе нет ничего живого. Они и заполняют пустующее святое место, если больше некому и нечему.

Нужно слегка потрудиться, чтобы вспомнить все те образцы цветных подушек и кучевых облаков. Вот православная вера, видимая где-то вдалеке — в иконах Андрея Рублёва, в текстах Павла Флоренского и даже в образе Иешуа из «Мастера и Маргариты»... Вот толпятся исторические образы государства Российского: ни один из них не удаётся отождествить со своим государством, с тем, которое есть сейчас и даже располагает всеми атрибутами сверхдержавы. И образы, которые должны были бы быть альтернативными друг другу, совмещаются и плавно друг в друга переходят. А это, как известно, свойство химер, чего-то сущего лишь в возможности, а не в действительности (Аристотель). Так, белогвардейская романтика, которую воплощали, например, корнет Оболенский и поручик Голицын, легко уступала место романтике ре-

волюционной, и песенка Окуджавы «И комиссары в пыльных шлемах // склонятся молча надо мной» шла сразу вслед за ней и точно так же проникала в душу. А бедные цыплята вытягивали шеи то туда, то сюда и в упор не видели свою номинальную мать — дохлую курицу. Вокруг и вправду мелькали чужие отечества, бледные претенденты на пустующее святое место. Поставлялись они, в основном, литературой и кинематографом в широком ассортименте — от «Мастера и Маргариты» до «Игры в бисер» Германа Гессе, существенно ярче были вторгнувшиеся образы хиппи и рок-музыки: они, правда, коснулись молодого поколения, зато пленяли без боя и сразу, поскольку именно это поколение было наиболее обездоленным в смысле пригодных эйдосов — образцов для идентификации.

Среди прочего присутствовала и далёкая Америка. При всей своей дали она поразительным образом была ближе к пустующей родине души, к самоопознанию и самоопре-

делению, чем пребывающие в режиме автопилота, а лучше сказать, пребывающие в коме атрибуты собственной государственности, вполне живые и действенные ещё несколько десятилетий назад. Вот вполне подходящий для иллюстрации анекдот поздних советских времён:

«В телевизоре — едва шевелящий губами генеральный секретарь. Наш дорогой Леонид Ильич зачитывает официальное заявление: “В последнее время распространяются слухи, что вместо меня по Москве носят чучело. Должен решительно заявить, что это ложь и клевета: вместо чучела носят меня”».

Да, в этом смысле «чучело коршуна» было куда убедительнее для несчастных цыплят и утят. А уж тем более если коршун или кондор высоко в небе и далеко за океаном. В силу искажающей оптики миража (в подобных случаях это принято именовать помрачением), заокеанский кондор казался очень даже подходящим объектом для импринтинга.

Советские люди 60–80-х годов любили Америку. Сразу же вспоминается «мой отель далекий, Калифорния», и аккорды рок-музыки, и герои вестернов, вообще притягательные образы Голливуда, и передачи «Голоса Америки», на волну которой были настроены сотни тысяч радиоприёмников... Одной из причин такой парадоксальной любви стало как раз то, что США были объявлены главным врагом советского государства, ну а в ситуации тихого, но прогрессирующего безумия кому как не главному врагу становиться тайным другом? Не удивительно, что, когда наступило обострение психоза и остатки здравого смысла были утрачены окончательно, беззащитные утята перестройки выбежали навстречу своему высокопарящему долгожданному родителю. Ну а хищник спикировал и взял своё. Лет десять, ну, может быть, семь было в его полном распоряжении, и заокеанский хищник всю жизнь хожал, не вызывая нареканий, несмотря на всех Браудеров и прочих

клинических гангстеров, — и это, конечно, свидетельствовало о глубине социального помешательства. Сегодня, глядя на глубокий и искренний антиамериканизм возрождающейся Российской империи, в это трудно поверить, но тут, правда, есть ещё один момент: Америка 60-х, того времени, когда её полюбили, несла в себе некий заряд собственной неотразимости, наверное, как Афинский полис во времена Перикла, — картина же сегодняшнего американского общества вызывает недоумение, а то и отвращение.

5. Влечение к ярким эйдосам, данным по большей части в иллюзорном оптическом преломлении, напрашивается на сопоставление с манией величия в том виде, в каком её трактует современная психиатрия начиная с Ричарда Лэйнга. Схема вырисовывается такая. Отождествление себя с Наполеоном или, скажем, с Жанной д'Арк вызвано отнюдь не завистью к этим всемирно известным персонажам и не осознанным желанием им подражать. Подобные идентификации имеют своей причиной вопиющую, катастрофическую нехватку достоверности собственного бытия. Когда то, что должно быть *твоим ближайшим*, насквозь фальсифицировано, приходится цепляться за что-то подтвёрждённое, имеющее некую универсальную признанность, хотя бы за Наполеона, в чём и состоит суть

клинической формы мании величия, а при аналогичном расстройстве государственного строя поневоле ухватишься то за Америку, которая так далеко за океаном, то за Российскую империю во главе с государем императором — не цепляться же за *это*, которого носят вместо чучела... У интеллигенции выбор, был, конечно, пошире, но в целом вполне укладывающийся в клиническую манию величия, поскольку речь шла о полной замене собственного государства, обанкротившегося материнства — отечества...

Например, вера в Миссию Художника, конечно же, всемирно-историческую миссию, одной из заветных формул которой было знаменитое «*рукописи не горят*». Эта формула выглядела сокровенной истиной русского литературоцентризма, но ведь и сам литературоцентризм находился в конкурентных отношениях с идеей государства как живого и *моего* государства, так что каждая вспышка этого шадящего рукописи огня свидетельствовала об отчуждении от государства.

Что ж, литературоцентризм 60–80-х годов достиг беспрецедентных масштабов, породив в качестве эпифеномена рекордное число графоманов. Ибо каждый, пишущий в стол, твёрдо знал: *рукописи не горят* — это обо мне. Но ещё раз отметим, что это клиническая мания величия в применении к страдающему от неё

Советские люди 60–80-х годов любили Америку. Одной из причин такой парадоксальной любви стало как раз то, что США были объявлены главным врагом советского государства, ну а в ситуации тихого, но прогрессирующего безумия кому как не главному врагу становиться тайным другом? Не удивительно, что, когда наступило обострение психоза и остатки здравого смысла были утрачены окончательно, беззащитные утята перестройки выбежали навстречу своему высокопарящему долгожданному родителю. Ну а хищник спикировал и взял своё.

индивиду. Она не от самомнения и гордости, а от невозможности нормальной сборки субъекта, поскольку никакие другие средства опознания себя (самоидентификации) не срабатывают. Если же в качестве уверенного субъекта рассматривать народ (не говоря уже об отдельно взятой интеллигенции), то метания будут связаны со сбоем всех настроек органической государственности.

6. Ещё штрихи к картине, к сопоставлению симптоматики индивида и психопатологии государственности. Речь идёт о том, что высветилось в момент кризиса, то есть в годы перестройки и сопутствующего обморока (морока) государственности; пока просто упомянем их без стадиальной привязки.

Вот так называемые «предприниматели» — класс, мгновенно в масштабе истории сформировавшийся из криминальных элементов и представителей тех самых госструктур (партийных и комсомольских работников), которые, впрочем, уже задолго до этого мысленно посылали своё государство подальше. Как тут не умилиться бесчисленным статьям из перестроечной прессы, всерьёз обсуждавшим спасительную роль частной собственности и прогрессивную, просветительскую миссию тех, кто её представлял, кто был готов к осуществлению этой благороднейшей миссии — поначалу они, кажется, носили имя «кооператоры». Газеты и журналы наперебой призывали не чинить им препятствий, всячески поддерживать инициативу, а популярный советский поэт Вознесенский, чья популярность, впрочем, стремительно близилась к закату, посвятил фигуре кооператора целую поэму, где он, как и все тогда, возносил хвалу предпринимателю как новоявленному спасителю. А заканчивалась поэма так:

*Ты пока что рукопись для второго тома,
Если не получишься, я тебя сожгу...*

Понятно, что в итоге всё получилось наоборот. Предсмертный триумф

«властителей дум» был мимолётным, победившие кооператоры, они же предприниматели, они же бизнесмены, согнали своих «покровителей» с командных высот, особо не заморачиваясь, короткой фразой «брысь, шушера!» — те и поплелись к своим негорящим рукописям. Словом, легко отделались за то, что так обделались...

7. Безжалостные хищники, получившие имя предпринимателей и принятые бедными утятами за своих спасителей (да и как было не принять, если отчуждённое, не способное достучаться ни до одной живой души государство называло их «спекулянтами», «барыгами» и всячески преследовало), — это ещё не самое печальное и не самое страшное в той логике, где каждый знак этической оценки нужно было поменять на противоположный. Так называемые криминальные элементы (братва) в итоге всё-таки стали спасителями, выполняя роль регулятора тогда, когда государственность находилась в глубоком обмороке, — и продолжая её выполнять вплоть до рождения нового Жругра, подземного демона государственности (Даниил Андреев).

Куда удивительнее и печальнее были другие обознатушки, основанные всё на том же тотальном помрачении, требовавшем заменить прежнюю этику на антиэтику. Так, российская общественность вдруг обеспокоилась захоронением солдат вермахта: есть ведь среди них и известные, что же им лежать в земле сырой? Почему бы не услужить дружественной Германии, не отделить эти останки от *разных прочих костей*? Разве это не кратчайший путь в ряды прогрессивного человечества?

Или вот чеченские события в освещении прогрессивных московских журналистов, когда наши гибнущие парни именовались в лучшем случае «федералами», а противостояли им, разумеется, гордые моджахеды, ведущие борьбу за свободу...

Куда ни копни, всюду обнаруживались свидетельства перевернутого и отброшенного в зазеркалье мира.

Достаточно вспомнить, например, многочисленные интервью с беглым генералом КГБ Олегом Калугиным, сдавшим американцам всё что можно. Мир, конечно, трудно удивить предательством, да и сдал Калугин сравнительно ничтожную часть того, что сдал Ельцин. И всё же до сих пор пробегают мурашки по коже, когда перечитываешь интервью этого обыкновенного предателя, интервью, в которых он предстаёт как учитель жизни, чуть ли не как образец для потомства...

В общем, наша произвольная выборка, к которой можно было бы добавить ещё множество впечатляющих фактов, вполне обрисовывает картину сквозного помешательства социального тела (что, правда, предполагает наличие у такого тела души). Ещё раз отметим, что буйному кризису предшествовал *тихий* период, при котором внешне могучее государство внутри было уже фактически неспасаемо из-за сбоя всех важнейших идентификаций. Оно, это государство, несомненно, выжило из ума ещё до начала перестройки и собственно краха империи, так что стремительный катастрофический криз, приступ опирается на надёжный анамнез.

Обратимся к описанию невроза как метафизической болезни, принадлежащему современному метафизику Вольфгангу Гигериху:

«Невроз есть собственное Я. Он самодостаточен. Личность, вместо того чтобы быть субъектом невроза, вовлечена скорее лишь как место, на котором невроз разыгрывает себя, как он или она, случайным образом втянутые в это персонифицированное страдание и разрушение. Застигнутые неврозом личности просто платят по счету за этот священный Вагнерианский фестиваль, непременно начинающийся, когда невроз вступает в эту стадию. Личность не появляется на этом представлении как его интегральная часть, не играет роли в качестве одного из актёров в этой

грозно-божественной драме жизни. Он или она этой фантомной реальностью всего лишь захвачены»¹.

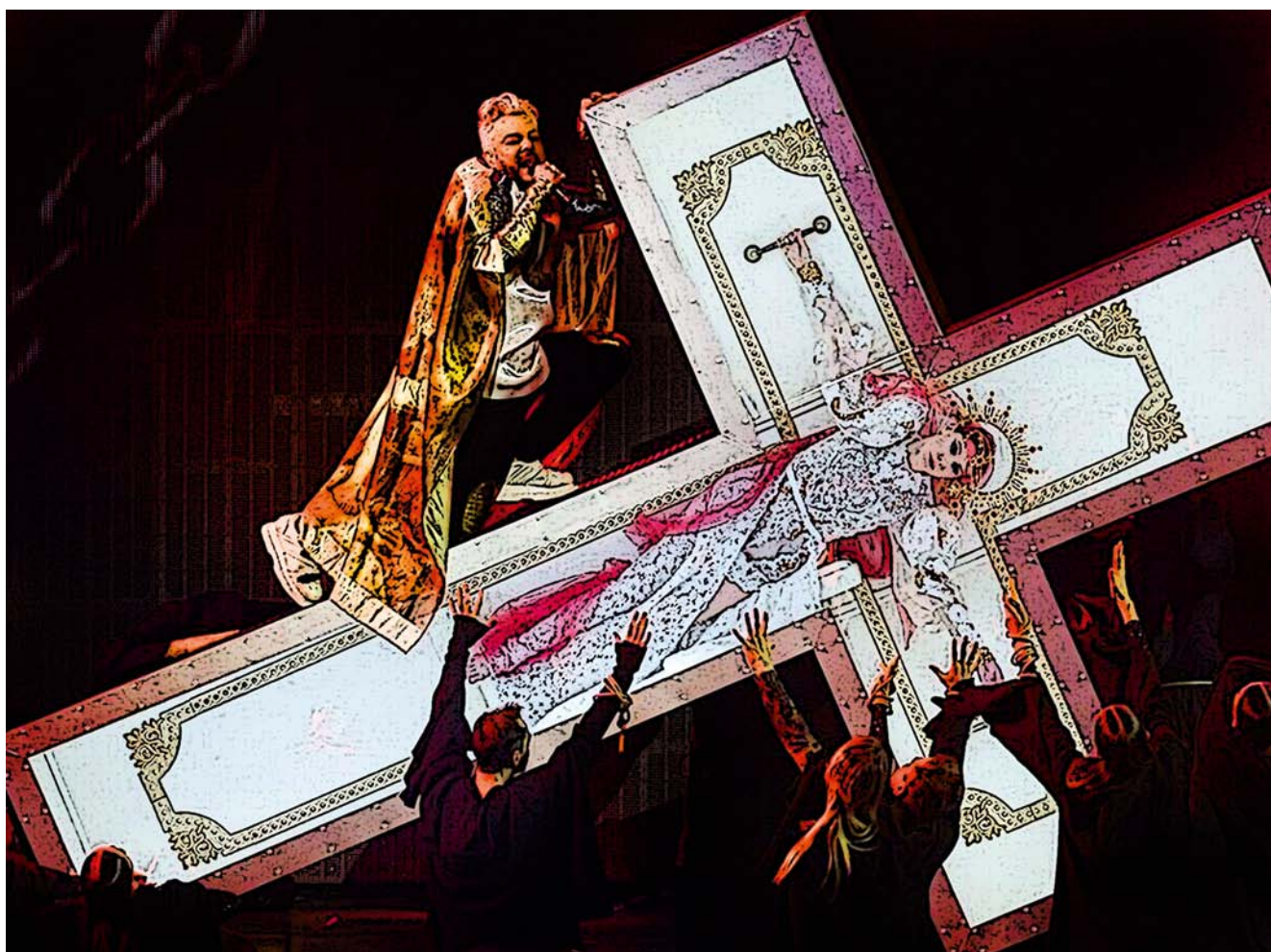
Гигерих даёт разъяснения своей позиции, и сквозь них поневоле проглядывает фантомная реальность помешанного государства и невротического общества, реальность слишком знакомая большинству (или уже не большинству?) россиян:

«Широко распространённый взгляд состоит в том, что невроз возникает потому, что личность слишком травмирована (overtaxed) событием или ситуацией — и тогда способом защиты, просто в порядке физического выживания, становится ускользание в невроз. Однако разочаровывающее или болезненное событие само по себе далеко от того,

чтобы быть невыносимым ударом судьбы, оно, напротив, служит подкормкой для самогенерируемого невроза, посланной небесами благоприятной возможностью для души, которая хочет утвердить абсолютность абсолютного принципа, — и инструментом, посредством которого Абсолют может учредить себя в качестве реальной силы. Прогрессирующий невроз утилизирует события и ситуации в своих собственных целях. Это разочарование, *этот* подвох, предательство, пренебрежение моими правами и моим достоинством, *эта* угроза моей незамутнённости и целостности — все они слишком хороши, чтобы их пропустить, предоставить естественному ходу вещей, всему

тому, что возникает во времени и во времени исчезает. Нет, это должно быть извлечено из потока времени и стать его психологическим центром. Должно быть задействовано по полной (здесь мы имеем дело с тем, что психоанализ склонен рассматривать как навязчивое повторение, *repetition compulsion*)².

То есть невроз это вовсе не реакция на невыносимую трудность бытия, это самоучреждаемая реальность, поджидающая, притягивающая и порождающая такого рода трудности. В какой-то момент прогрессирующее безумие становится как бы абсолютom во имя Абсолюта — и этот момент характерен для всех великих исторических одержимостей. Более того, если мы говорим

¹ Giegerich W. *Neurosis. The Logic of Metaphysical Illness*. New Orleans 2013, p. 299.

² Ibid. Pp. 293–294.

о теле социума, то такого рода одержимость и есть его душа, а её отсутствие указывает на бездушность или неодушевлённость, что как раз свойственно контрактному государству, образующему минимальное единство даже не субъекта, а простого актора (Латур). Органическое государство, включая империю, представляет собой единство более высокого ранга: перед нами действительно исторический субъект со всем его спектром возможностей — от прорыва одухотворения, обеспечивающего торжество духа над материей, до возможного помешательства, которое, увы, тоже входит в спектр возможностей органического государства. Мы должны считаться с этим по той же причине, по которой «безумная лопата» не принимается нами всерьёз, а обезумевший кот или, тем более, старик — принимаются.

Можно сказать ещё и так: контрактное, правовое государство является слабой, в чём-то даже факультативной репрезентацией народа или этноса. Проявленность этнограммы ведь не сводится к одной только государственности, множество вещей — обычаи, институты, гражданское общество в целом — могут входить и входят в самоопределение народа.

В отличие от контрактного государства имперская сборка несравненно более глубоко влияет на самосознание индивидов, и тогда эти индивиды в совокупности представляют собой *имперский народ*, если воспользоваться термином Л. Н. Гумилёва. Само же такое государство есть, в силу этого, произведение духа, оно одушевляет социальное тело подобно душе. Отсюда следует, что имперские настройки в принципе не совпадают с параметрами оптимального функционирования государственного механизма, как это происходит в случае контрактного, правового государства, где вполне достаточно говорить о простых регуляторах социальной жизни (тела социума), не прибегая при этом ни к духу, ни к душе.

Правовое государство основывается на общественном договоре (social contract), что требует учёта не духовных устремлений, а баланса интересов. Напротив, органическая государственность как проекция души имперского народа требует именно трансцендентных настроек, без учёта которых она остаётся необъяснимой.

Тем самым наличие, например, сверхзадачи и миссии, которые с позиций контрактного, служебного государства выглядят типичными идеями-фикс, для империи просто необходимо. Все существовавшие в истории подлинные империи, от Македонии и Рима до империи Маурьев и кочевой империи Чингиз-хана, имели свою сверхзадачу. Или череду сменяющих друг друга сверхзадач, как в случае России, балансировавшей между «империей правильной веры», Мировой революцией и оплотом человеческого в человеке (как сейчас). И как бы ни были мистичны, несбыточны, иррациональны эти настройки, сами по себе они отнюдь не свидетельствуют о помешательстве. Наоборот, они могут обеспечивать единство воли и опору на трансцендентное, без чего никакое единство органического государства, тем более империи, не устоит.

Действительная устремлённость к трансцендентному безоговорочна. Такой модальностью обладают и истина веры, и истина любви. Иногда говорят, что любовь слепа, — она и вправду имеет искажённую оптику, позволяющую видеть любимого человека всегда в выгодном свете, — точнее будет сказать, что любовь безоговорочна. Такова же и истина науки, что может показаться странным, поскольку в науке всё обсуждается, доказывается и ничего не принимается на веру — кроме безоговорочного приоритета самой истины. Истина является единственной трансцендентной настройкой науки.

Устремлённость к трансцендентному, без которой немыслима империя как форма органической государственности, столь же безоговорочна, и это как раз в порядке вещей, если речь идёт об общем деле (res publica). При желании со стороны это можно считать одержимостью, но никак не помешательством, которое возникает как раз тогда, когда не остаётся ничего безоговорочного — одни оговорки. И подобный диагноз советской державе можно было поставить уже в 70-е годы.

Ясно, что этот диагноз — «помешательство государства» — является

не единственным и не исключительным. В истории империй, включая Рим, Поднебесную, да и ту же Россию, нетрудно найти подобные или похожие примеры, когда наступившая непригодность трансцендентной матрицы для идентификаций вызывает безумие сословий, расцвет дикого, по большей части «аутоиммунного» импринтинга социального организма. Среди прочего здесь возникает и дилемма: где здесь ты? Среди «государственных приспешников» или среди приличных (рукопожатых) людей? Дилемма слишком известная для русской интеллигенции, столь склонной служить врагам отечества. Они с детства готовы опознавать чучело ястреба в качестве родной матери (и отца) и сбегаться с разинутыми клювиками, когда уже не чучело, а сам ястреб появляется в небе. Историки, впрочем, найдут немало похожих примеров в истории позднего Рима и Византии.

Но перестройка является последним по времени (пока) образом, хорошо документированным и чрезвычайно поучительным, если правильно расставить акценты, проинвестировать верную тематизацию. Это, прежде всего, означает точный анализ, грамотно составленную «историю болезни». Тогда, в нашем случае, отсчёт следует начинать не с перестройки как таковой (которая всего лишь кризис, что-то вроде рокового приступа предсмертного безумия), а с Брежнева и его времени. Ведь «активисты», растерзавшие страну в конце 80-х — начале 90-х, это всё те же «умные, честные и преданные люди», совершившие свой импринтинг еще в 60–70-х.

Стало быть, согласно уточненному анализу, корни помешательства уходят именно туда, в начало 60-х. Да, в семидесятые годы СССР был одной из двух сверхдержав мира и обладал достаточным ответным потенциалом на случай прямого нападения. Но он был не империей зла, а скорее империей безумия, страной со сбитыми настройками

Наличие сверхзадачи и миссии, которые с позиций контрактного, служебного государства выглядят типичными идеями фикс, для империи просто необходимо. Устремлённость к трансцендентному, без которой немислима империя как форма органической государственности, безоговорочна. При желании это можно считать одержимостью, но никак не помешательством, которое возникает как раз тогда, когда не остается ничего безоговорочного — одни оговорки. И подобный диагноз советской державе можно было поставить уже в 70-е годы. В семидесятые годы СССР был не империей зла, а скорее империей безумия, страной со сбитыми настройками трансцендентного, с помешанным государством.

трансцендентного, с помешанным государством. Если бы какой-нибудь находящийся вне истории и, так сказать, вне человеческого континуума наблюдатель произвёл две пробы глубинного безумия с разницей в 20 лет — одну в 70-е, другую в 90-е, он установил бы между ними чёткую логическую связь, как опытный психиатр может предсказать характер кризиса по ранним симптомам шизофрении.

Это обстоятельство особым образом ставит вопрос вины. Возьмём для примера, пусть искусственно, каких-нибудь «боевых уток» — допустим, специальных стражей, призванных охранять птичий двор и имеющих для этого все возможности, включая необходимое оружие. Но они позволили приземлиться стае стервятников и разорить курятник, позволили это сделать, не оказав сопротивления. Виновны? А если это было результатом давнего импринтинга и последующего массового гипноза? Ведь и стражи, и прочие обитатели курятника сформировались в перевёрнутом Эдиповом треугольнике идентификаций и до последней минуты принимали грабителей и, так сказать, представителей колониальной

администрации за представителей прогрессивного человечества, за мудрых инвесторов, за просвещённых просветителей — да и за кого только не принимали обитатели птичьего двора этих стервятников? И если «преступник-индивид» освобождается от ответственности в случае признания его невменяемым, то как быть с помешанным государством, при котором волей-неволей перевёрнутую систему ценностей имеет всё общество?

Пожалуй, знаменитый «Скотный двор» Оруэлла, где все животные равны, но некоторые «равнее» прочих, — неплохой наглядный образ тоталитаризма, — нуждается в дополнении, а может быть, и в противопоставлении. Пусть теперь перед нами будет Птичий двор, или общество одуроченных утят, — образ, тоже имеющий некоторые исторические аналоги. Признаем, что советское общество 60–70-х годов прошлого века неплохо в этот образ вписывается. Но и этот, и другие имеющиеся исторические примеры демонстрируют неизменную эволюцию (или инволюцию): общество одуроченных утят неизбежно превращается в общество разорённых курятников. И вопрос, как здесь быть с коллективной и ин-

Отчасти является чудом тот удивительный факт, что Россия всё же выжила, уцелела. Более того, сегодня мы даже вправе просто констатировать: империя на подъёме. Сколько бы ни было провалов у современной России, а их немало, удалось всё же учредить своё, аутентичное государство, где, по крайней мере, некоторые важнейшие настройки выстроены правильно. Страна выжила не просто антропологически, а выжила как Россия, и её имперский народ обретает надлежащее самосознание.

дивидуальной виной, не решается путём логических построений.

Ведь, в самом деле, когда государство нежизнеспособно — причём не с точки зрения соблюдения прав и свобод, — это другой вопрос, — а с позиций разрушения и блокировки идентификаций, так что никто уже не может сказать «государство это я», поневоле повисает в воздухе вопрос о предательстве. Пока кто-то может о себе так сказать, в обществе и в государстве существует элита, — таково, в сущности, её изначальное определение.

Беликая Отечественная дала тому множество подтверждений. Взять хотя бы коллизию двух генералов, Деникина и Власова. Живший в эмиграции Антон Деникин, враг Советской власти, отверг сотрудничество с нацистами, и ему не понадобилось в этом случае долго расставлять приоритеты. Он просто сохранил верность отечеству. А Власов просто предал. Он пошёл на сотрудничество с Гитлером и стал убивать своих сограждан, разумеется, руководствуясь какими-то идеями, без этого не бывает. Любопытно, что как раз конец 80-х — начало 90-х ознаменовались в перестроечной прессе интенсивным поиском оправданий и самого Власова, и его «освободительной армии». Оправдания были найдены, удивляться чему, конечно, не приходится, ибо на дворе стояло время одуроченных утят и разорённых ку-

рятников. Когда же время миновало, сами собой исчезли соображения и о том, что доблестный генерал противостоял сталинской тирании, и о том, что всё же стоило сдать Ленинград цивилизованной Германии, чтобы, опять же, вырвать его из рук сталинской тирании. Сегодня вновь учреждённое в России органическое государство, при всей его далеко ещё не преодолённой слабости, учредило себя уже не в перевернутом мире, а в адекватно опознанной реальности — пусть суровой, беспощадной, поскольку это реальность твоей растерзанной родины, но всё же в реальности своего государства, граждане которого уже не путают стервятников, шакалов и прочих не дремлющих хищников со своей ближайшей роднёй.

И прежде чем обратиться к этому мотиву пробуждения, избавления от тяжёлого невроза, стоит ещё раз обратиться к вопросу вины, не претендуя на окончательное решение вопроса.

Допустим, Калугин должен быть отнесён к всемирной «галерее Иуд», где своё законное место занимает генерал Власов. Допустим... Но всё же тут исключительно важна поправка на время. На эпоху, носящую двойное имя: «время одуроченных утят» и «время разорённых курятников». А это значит, что и Калугина следует причислить к той же когорте, к которой относится и вожак. Или нет?

Допустим, что суд истории вынесет вердикт: перед нами одного поля ягоды. Но как быть с человеческим судом, учитывающим ценности и установки слишком человеческого? Тут, несомненно, процесс затянется, и, возможно, придётся рассматривать каждый случай по отдельности.

Вот, например, учёные, с конца 80-х буквально бросившиеся из страны, использовавшие любую возможность хоть как-нибудь зацепиться на Западе (тогда даже появился термин «научные цыгане» — когда выяснилось, что кулуарным языком общения на конференциях по физике, — и не только по физике, — является русский). Но как обвинять их, если в стране разорённых курятников они не могли найти никакого приложения своей квалификации, если они бежали от буквально подступающей нищеты?

Нищета не была, так сказать, достоянием лишь учёного сословия, разруха настигла всё население страны. Кроме того, учёные как сословие внесли, конечно, свой вклад при переходе от стадии одуроченных утят к стадии разорённых курятников... И всё же их ли вина в том, что они не могли опознать это государство в качестве своего и в качестве живого, если это государство действительно находилось в состоянии глубокой и беспросветной деменции?

А творческая интеллигенция, так увлечённо и безоглядно рубившая сук, на котором она сидела? Виновы ли они в том, что ни в грош не ставили свою уникальную востребованность литературоцентричной, самой читающей в мире страной? Где ещё и когда чуть ли не любой графоман из андеграунда мог рассчитывать на всенародный фимиам? Но срубили сук и обрели, разумеется, не фимиам далёкой Калифорнии, а предсказуемую *никому не нужность* в виде дилеммы, столь блистательно сформулированной Пелевиным: «если не хочешь быть клоуном у пидоров, будешь пидором у клоунов».

И всё же, почему именно они, писатели-поэты, мастера культу-

ры, должны быть виновнее других одуроченных утят? Быть может, им, привыкшим блуждать среди химер и утопий, и было труднее всего? При этом что среди всех химер матрица державной идентификации выглядела самой безжизненной и предельно унылой — а они-то хотели выбрать самую яркую и достойную из утопий. И конечно, не понимали того, что выбор исходной матрицы экзистенциально важен: будет ли это твоя собственная государственность, так или иначе вобравшая все позывные истории, всего того, что случилось

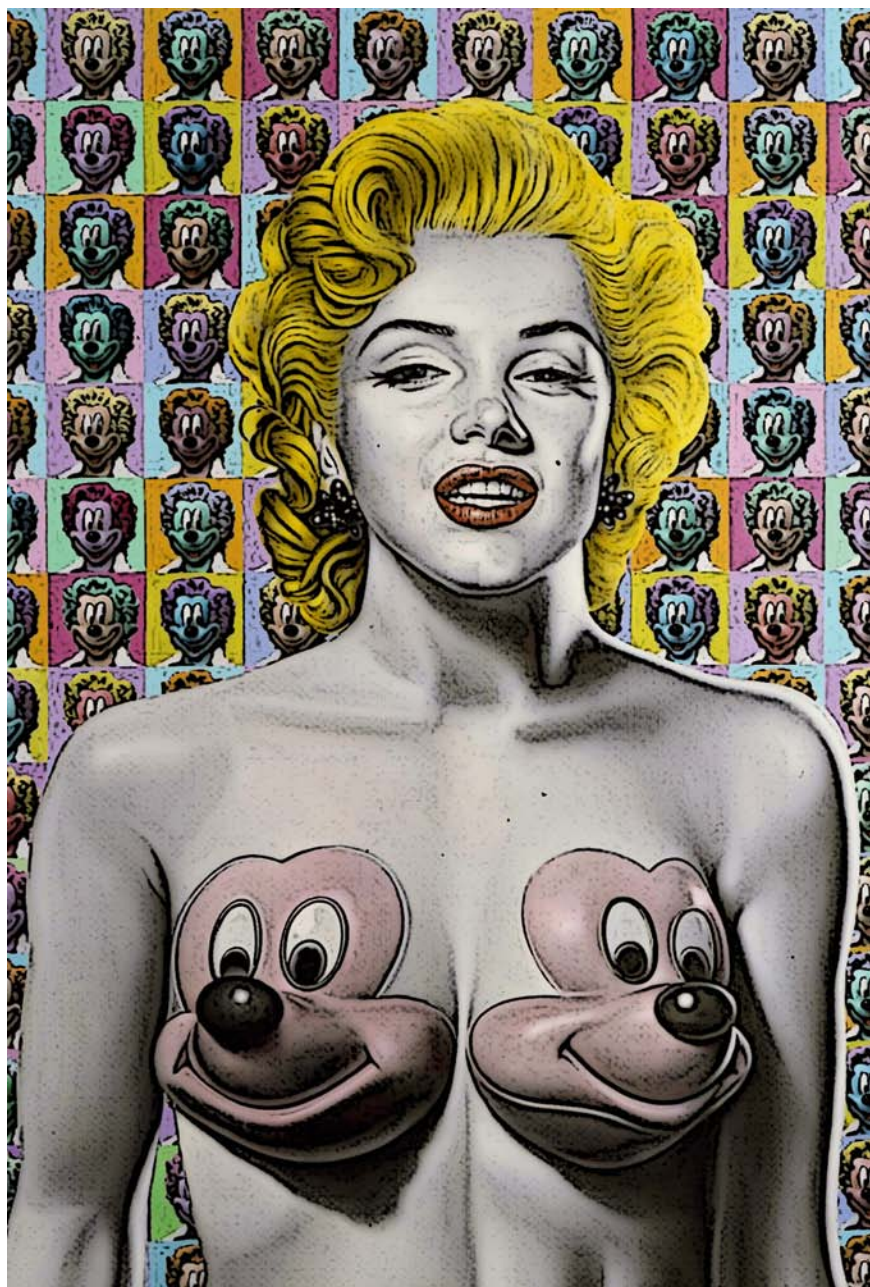
с твоей родиной, или же это будет территория под управлением стервятников, разорителей Птичьего двора, настроенных лишь на то, чтобы наладить производство бройлерных цыплят.

Свободные индивиды, способные сделать самостоятельный выбор, тем более в таких перевёрнутых мирах, всегда были большой редкостью. Из перестроечной эпохи сразу вспоминаются Эдуард Лимонов и Александр Зиновьев, вызывает уважение и позиция Солженицына после его возвращения в Россию. И,

конечно, отнюдь не случайно, что эти трое уже побывали там, куда мечты и радужные надежды влекли свободно парящую интеллигенцию, они уже знали, как выглядит зазеркалье. Каждый из этих троих был в поле воин и противостоял бесчисленной рати Клямкиных и Нуйкиных, а затем и структурам самого позорного в российской истории ельцинского государства, по отношению к которому считать изменником Калугина или шпионом Сутягина (если кто помнит это дело) можно лишь с большими оговорками. Как тут не вспомнить и тогдашнего министра иностранных дел Козырева, ныне гражданина США, для которого иностранными были как раз дела России, а всяческие малейшие «озабоченности Запада», напротив, своими родными.

Но Козырев и Калугин были, допустим, с одной стороны, а с другой был знаменитый на весь мир оружейник Калашников, который спас свой родной концерн тем, что разработал модификации автомата АКМ под патроны калибра НАТО — и благодаря этому концерн выжил, а соседние оборонные предприятия города Ижевска, как и сотни других по всей России, разорились и прекратили существование. Впрочем, каждый, заставший в сознательном возрасте эти годы, может привести десятки своих собственных примеров — и остаётся риторический вопрос: да разве помешанное государство может выглядеть иначе?

Отчасти является чудом тот удивительный факт, что Россия всё же выжила, уцелела. Более того, сегодня мы даже вправе просто констатировать: империя на подъёме. Сколько бы ни было провалов у современной России, а их немало, удалось всё же учредить своё, аутентичное государство, где, по крайней мере, некоторые важнейшие настройки выстроены правильно, а складывающаяся иерархия не является перевёрнутым миром. Страна выжила не просто антропологически,

а выжила как Россия, и её имперский народ обретает надлежащее самосознание.

Такая тотальная регенерация, конечно, не свойственна субъектам, обладающим органическим телом, — то есть нам как индивидам. У более простых живых форм регенерация однако существует. Как видим, она существует и у квазисубъектов, то есть у высших акторов, обладающих некоторыми субъектными характеристиками. Даниил Андреев в своей «Розе мира» посвятил немало впечатляющих страниц гибели и возрождению уицраоров — подземных демонов государственности. У него, кстати, получается, что для этих самых «демонов» смерть от помешательства — не такая уж и редкая участь. Это странное inferнальное существо, ничем и никем не заменимое в деле защиты от иноземного порабощения, действительно способно впасть в безумие и вонзить свой острый медный зуб или свой рог себе же в бок. В истории России такое случалось уже трижды: в период Великой смуты начала XVII века, в 1917 году и в период перестройки. И невероятная благосклонность судьбы заключается в том, что всякий раз то ли рождался, то ли возрождался новый Жругр — такое имя, согласно Даниилу Андрееву, носит inferнальный гарант российской государственности. И потому Россия до сих пор существует, причём существует именно как Россия.

Зафиксировать издыхание прежнего, обезумевшего демона государственности в конкретном историческом событии не всегда возможно, равно как и рождение нового inferнального покровителя. Но в случае гибели одряхлевшей советской империи всё более или менее ясно: её можно соотнести с подписанием предсмертной записки в Беловежской пуще, после чего третий Жругр (счёт Даниила Андреева) распорол собственную кожу, и наша родина была растерзана в припадке внутреннего безумия. Впрочем, внутри перевернутого мира в общей логике

помешательства это событие было воспринято как освобождение. Ельцин освободил доставшуюся ему державу от некоторых конечностей, жизненно важных органов и остатков здравого смысла. Необходимо, впрочем, уточнить: растерзание великой страны не произошло здесь и сейчас: следует честно признать, что *этот* Жругр был обречён.

Что же касается возрождения живого нерва государственности и обретения нового inferнального покровителя, то скорее оно может быть описано как первичная сцена, как шок, затронувший немало пылких сердец по всей стране, шок, включающий в себя внезапное понимание и единственно возможное решение.

Чтобы не вдаваться в конкретику, о которой когда-нибудь будут написаны доскональные исследования, возьмём некий обобщённый случай. Вот перед нами растерянный обыватель, растерянный также и в том смысле, что он растерял всё: сбережения, предсказуемость завтрашнего дня, все полезные навыки, которые были полезны вчера, но совершенно бесполезны сегодня. Быть может, он ещё думает, что кто-то дальновид-

ный о нём позаботится — ну если не по совести — на это рассчитывать, конечно, не приходится, — то хотя бы по должности. Есть ведь прокуроры, есть дипломаты, генералы, министры — кто-то ведь занимает эти посты. И они, занимающие посты, должны, стало быть, предпринимать какие-то действия, из этих должностей вытекающие...

Эти наивные предположения сохранялись до последнего как бы по умолчанию, даже при условии полного отчуждения государства как *точно не моего*. Рядовому обывателю думалось так: это государство, конечно, не моё, но ведь оно само по себе есть как государство? Наверняка где-то там, среди этих самых генералов, министров и волею случая больших начальников, и скрывается государство... Более того, инерция советских времён побуждала считать, что оно очень могущественное, это государство: помогает борющимся народам, осваивает космос, масштабные, эпохальные проекты осуществляет. Правда, рядовому гражданину СССР никогда не попадались люди, которые что-нибудь из перечисленного считали бы своей личной задачей — но ведь где-то они

должны быть — так, во всяком случае, казалось. И еще казалось: сколько бы ты от этого государства ни присвоил, ни припрятал — ему не убудет.

Подобное чувство, в сущности, совершенно ложное по отношению к 70-м годам, некоторое время сохранялось ещё и в начале 90-х, когда страной уже правила колониальная администрация (впрочем, негодная даже в качестве проводников внешнего управления). И здесь-то и сработала цепная реакция внезапного прозрения: а государства-то никакого и нет! Все сами по себе, а государственная должность — всего лишь указание на тариф выплат, то, что в боярские времена называлось «кормлением». Вот генералы — их тогда, в 90-е, становилось всё больше и больше: кто-то дачу строил (ну или особняк, замок), кто-то охотой увлекался — и это ещё не самое худшее. Ещё один генерал покрупнее, чтобы сделать новогодний подарок изредка приходящему в себя президенту, положил сотни солдат на улицах Грозного — можно сказать, просто так. А независимые (от совести) журналисты в своих независимых СМИ написали о больших потерях среди «федералов» — даже без особого злорадства — так, между делом.

А министры? Наверное, были среди них и всерьёз занимавшиеся своим делом, такого тоже исключать нельзя, но в целом «Сахарный Кремль», если использовать выражение Владимира Сорокина, представлял собой галерею отборных монстров и авантюристов всех мастей — от Березовского и Гусинского до уже упоминавшегося главы МИДа Козырева и помощника президента Юрия Батурина, который по зову души слетал в космос, а потом приобрёл себе латифундии где-то в Австралии. Ну где и когда ещё в истории можно было увидеть такой фантастический бестиарий во власти? На их фоне даже Мавроди казался мелкой рыбёшкой...

Сменились и властители дум. Прежние, трубадуры перестройки, куда-то исчезли — по большей части

получив своё заслуженное убежище в США, перед этим проводники их влияния — толстые журналы, только что выходившие миллионными тиражами, в одночасье снизили свои тиражи в тысячи раз, едва не сведя их до уровня статистической погрешности, — что, наверное, вполне вписывается в клиническую картину вымирания одуроченных утят. На смену прежним властителям дум взошли звёзды другого рода — от Чумака до Кашпировского. Пожалуй, среди них особого упоминания заслуживает некто Грабовой, который обобрал всех матерей Беслана — забрал все выплаченные им компенсации под обещание воскресить их погибших детей (заодно также обобрал и свою коллегу по цеху Джуну). Наверное, это был достойный представитель той власти, о которой лучше всего сказать словами поэта: «Загляни в глаза чудовищ»...

Тогда, помнится, у некоторых возникло страшное подозрение: а может, и ядерного щита больше нет? Если всё вокруг имитация и подделка, то может, и вместо ракет — макеты? В любом случае, источник установившейся декоративной власти оставался непрозрачным; ясно было только одно: если *эти*, по должности государевы люди и служат какому-то государству, то уж точно не тому, которое называется Россия. А вся сколько-нибудь реальная, видимая власть, тем более власть на местах, включая и фискальные функции и функции правосудия, пусть даже осуществляемого по понятиям, принадлежит криминалу. То есть братве. Стало быть, и вопросы, традиционно адресуемые государству, нужно решать с ними, с братками, — и вопросы решались.

Здесь неизбежен парадоксальный вывод. Братва у власти — это, конечно, печально, но все же это не самое худшее из того, что было в России в 90-е. Государевы люди, которые плевать хотели на своих соотечественников, которые отчитывались лишь перед своей компактной тусовкой внутри Садового

кольца и перед нею же красовались, а то и просто служили чужим государям за определенные бонусы, — многие из них и сейчас живут в США — вот в чём была настоящая беда. В какой-то момент это стало ясно практически всем, хотя многие, в особенности из прежних властителей дум, искренне считали, что «совок» и «рашка» именно такого презрения и искоренения и достойны.

Власть братвы была намного прозрачнее и понятнее: она была ближе к народу, была личной в том смысле, что её представители отвечали за свои слова, чего так катастрофически не хватало государству — сначала тому, брежневскому, выжившему из ума, а потом и этому, декоративному и карикатурному.

Ясно стало также и следующее. Если и можно учредить государство как нечто живое и своё — здесь, среди плодов многолетнего помешательства, на руинах совести и здравого смысла, то начинать надо с себя и своих друзей, и начинать заново. Следует прямо здесь и сейчас учредить и предъявить к проживанию принципы справедливости, создать первичную ячейку с прерогативами потенциальной государственности. Решимость и готовность к этому была только у братвы — и братва выполнила свою миссию, она спасла Россию как Россию в те несколько безумных лет, когда представители прогрессивного человечества уже готовились признать независимый Башкоростан и вольный город Петербург. Если уж быть совсем точным, то нашу страну убергли от окончательного распада и порабощения две вещи: братва и ядерный щит, который, к великому нашему счастью, всё же не был заменён на муляж или макет. Так что, хотя, с одной стороны, всё наше оружие оказалось бесполезным в проигранной холодной войне — ибо страну сдали без единого выстрела, но оно всё же помогло предотвратить прямые интервенции, которые в противном случае последовали бы незамедлительно.

Первичная сцена возрождения государственности, на мой взгляд, лучше всего представлена в кино-эпопее Алексея Балабанова «Брат» и «Брат-2». Присмотримся. Вот Данила Багров — это, конечно, архетипический персонаж, с которым готов был отождествить себя любой россиянин непереклонного возраста. Если государства нет, и ни одна его функция не исполняется, нет смысла сетовать понапрасну, что повсюду засели команды ликвидаторов, по старинке именуемые министерствами и ведомствами: ни они, ни их кураторы тебя всё равно не услышат. Так что бери меч справедливости в свои руки: доколе ему валяться в грязи? Называй вещи своими именами, это уже будет маленькой победой. Подкрепляй свои слова делами и будь всякий раз готов к самой высокой ставке, и это будет уже немалой победой, дающей шанс обретения государства как своего.

Уже после выхода первого фильма Балабанова всем стало ясно, что Данила Багров это и есть герой нашего времени. Кто-нибудь тут же иронически добавит: какое время — таков герой, что правда, хотя и ирония здесь ни при чем. Ведь если бывает, к примеру, время романтиков, поляриков, даже время поэтов, то почему бы не случиться и времени предателей? Предатели найдут сотни оправданий, главным из которых как раз и будет «время сейчас такое». Тем не менее и тут выход возможен, и состоит он в том, чтобы отвергнуть такое время, не признать его за своё, сохранить истинные имена

вещей, в конце концов, следовать категорическому императиву (живи так, как если бы принципы, в истине которых ты убеждён, и были законом мира). Данила Багров так и живёт, меняя тем самым центр тяжести перевёрнутого мира и ставя его с головы на ноги, по крайней мере, в пределах досягаемости собственной воли.

Тот же мотив полного отчаяния и поисков выхода просматривается и в других лучших фильмах того времени (если говорить только о кино): можно вспомнить «Бумер», «Бригаду» (особенно первые серии): отображаемые в них коллизии и сам дух времени сразу опознаётся всеми, кто жил в это время уже сознательной жизнью. Но диалогия Балабанова возвышается над всеми опытами протеста: режиссёру удалось создать нечто обладающее вещей силой. Обладательное сквозной узнаваемостью и неодолимой притягательностью, причём не зависящей от уровня образованности.

Данила Багров и диалогия Балабанова в целом стали точкой кристаллизации новой государственности. Я иногда думаю, что когда-нибудь, осмыслив исторический опыт и оценив ту страшную угрозу, которую удалось отвести, мои соотечественники поставят памятник Алексею Балабанову и Сергею Бодрову — где-нибудь неподалёку от памятника Минину и Пожарскому.

Криминальный экзистенциализм оказался самым стойким, действенным мировоззрением в условиях

перевернутого мира и тотального предательства. Важно, и отчасти даже удивительно, что в составе этого «мышления по понятиям» оказались гены (ну или, может быть, мемы) органической государственности — хотя в целом это вполне вписывается в такие явления русской истории, как опричнина или «казаки-разбойники». Мотив «за державу обидно» в кинодиалогии Балабанова напрямую был озвучен всего один раз («ты мне ещё за Севастополь ответишь»), но куда важнее то, что данный мотив органично входит в поступки героев фильма, прежде всего Данилы, и его принимали как глоток живой воды жаждущие души людей, живущих в полярности лжи и цинизма, принимали те, кому на уши вешали ежедневную лапшу из складных построений о правовом государстве и его атрибутах, вешали сами приватизаторы, присвоившие все уголки и закоулки государства. Зрители без колебаний принимали незатейливые слова, подкреплённые убедительным изобразительным рядом.

— Скажи, в чём сила, брат? Думаешь, в деньгах? Нет, сила в правде...

Правда, прежде всего, состояла в обличении самозванства, нового вида мошенничества, захлестнувшего в начале 90-х всю страну от Москвы до самых до окраин. Суть его состояла в том, что мошенник выдавал себя за того, кем он является, точнее, должен являться, и присваивал все подобающие выплаты и привилегии. Милиционер *выдавал* себя за милиционера, генерал за генерала и так далее, и всё словно происходило под девизом «проходимцы всей страны — объединяйтесь!». Диалогия Балабанова расставляла тут все точки над *i*, хотя некоторые характерные черты всеобщей криминализации социума отражены в том же «Бумере» и в произведениях Пелевина того времени.

Альтернативой государства как элементарного (несмотря на все масштабы) мошенничества мог стать переход к формату служебной государственности с осознанным от-

Данила Багров и диалогия Балабанова в целом стали точкой кристаллизации новой государственности. Я иногда думаю, что когда-нибудь, осмыслив исторический опыт и оценив ту страшную угрозу, которую удалось отвести, мои соотечественники поставят памятник Алексею Балабанову и Сергею Бодрову где-нибудь неподалёку от памятника Минину и Пожарскому.

казом от реального суверенитета. Именно по этому пути пошли Болгария, Чехия, Словения, да и множество других стран в эпоху Pax Americana, в период безраздельного четвертьвекового господства США. Россия как единое целое, даже в оставшемся после Беловежской катастрофы виде, всё равно не могла пойти по такому пути, поэтому «мировая прогрессивная общественность» и ждала появления целой обоймы новых государств и готовила такое появление, проявляя время от времени признаки нетерпения и восклицая в лице госсекретаря США «доколе можно единолично пользоваться Сибирью?».

Но планы тех, кто провозгласил конец истории, не сбылись. Данила Багров разрушил их планы. Конечно, воля к обретению собственной неподдельной государственности проявилась не только на поле криминала, хотя нелегко ответить на вопрос, является ли преступлением то, что считает таковым преступное государство? Или скорее государство-афёра, каковым и была Россия 90-х. Например, кем считать добровольцев, отправившихся в Придне-

стровье, — они-то как раз бросились на помощь бывшим согражданам, каковых не считали *бывшими*. Если разобраться, они-то и были государевыми людьми той эпохи, они, а вовсе не квазидипломаты Москвы в странах СНГ. Бесспорно, государевыми людьми были уже упомянутые Эдуард Лимонов и Александр Зиновьев, были как раз в высшем смысле этого слова. Лимонов, уехавший на войну в Сербию, поступил как раз так, как в правильном, а не в перевёрнутом мире поступило бы и государство Российское. *Правильное* Российское государство не стало бы молча взирать на бомбардировки Белграда самым миролюбивым на свете блоком НАТО. А существовавшее тогда государство, шутовское и поддельное, готовились даже принять в НАТО. Но, конечно, не целиком.

Даже сейчас, когда кризис миновал и империя на подъёме, сохраняется ощущение чуда и гордости за имперский народ. Не исключено, что критерием существования народа как имперского (в смысле Л.Н. Гумилёва) является как раз способность преодолевать помешатель-

ство государства даже на стадии государственной комы и подключения ко всем аппаратам внешнего управления, как это и было в России 90-х.

Пока ясны далеко не все слагаемые чуда, но сюда следует отнести и внезапный жест Ельцина, его знаменитое «я ухожу». Зачтётся ли ему в посмертии этот спасительный для страны поступок?

Вопреки всему страна обрела жизнеспособного подземного гаранта государственности, не важно, назовём мы его уицраором или Левиафаном. Вместе с ним появились, конечно, и новые проблемы — но это уже были текущие проблемы всей мировой истории, включая определённую квоту коррупции, которая в России была примерно одной и той же в самые благоприятные годы её существования, что, конечно, никак нельзя сравнивать с тотальным лихоимством и общим безумием 90-х³.

То, что *своё государство*, готовое к решительному отстаиванию национальных интересов, было всё же учреждено, одним из первых испытал на себе Саакашвили. Он-то думал, что всё пойдёт по чеченскому

³ Помню, как мы с коллегами с философского факультета, обсуждая ситуацию всеобщего крышевания, решили, что оптимальнее, да и честнее было бы сразу платить налоги браткам, упразднив налоговые органы государства как ненужное, паразитарное звено.

сценарию, что Россия будет апеллировать к международному сообществу вместо защиты своих граждан и что «общественность» России будет на его стороне, как когда-то в Чечне, описывая бесчинства федералов, — но просчитался. Перед ним была уже другая Россия. Её граждане оказали поддержку руководству, сознавая и даже ощущая, что это *своё* государство, готовое защищать собственных граждан, а не только добиваться признания со стороны западных элит. И добровольцы, отправившиеся сражаться за Новороссию, уже с полным на то правом сознавали себя государевыми людьми. А когда крепнущая держава приняла самостоятельное решение и поддержала своих союзников в Сирии, тут-то западный мир заподозрил, что, оказывается, и у России могут быть свои национальные интересы и что наша страна готова эти национальные интересы отстаивать.

С ужасом осознав это обстоятельство, США и Европа обрушили на Россию волну санкций, предприняли запоздалые меры, включая демонизацию Путина, по сравнению с кото-

рой Волан-де-Морт отдыхает. Однако граждане вновь образованного или, если угодно, восстановленного из небытия, из «абсолютной разорванности» (Гегель) государства, сочли это скорее поводом для гордости.

Таким образом, в основных чертах рассмотрен паттерн помешательства государства на примере России начиная с глубокого упадка СССР как версии Российской империи и включая имитационную государственность 90-х. Важно отметить, что со своей миссией ликвидаторы не справились, и произошло это по двум причинам.

Во-первых, избранные для этого персоналии были настолько некомпетентны, что оказались негодны даже для решения такой задачи. Как говорят в подобных случаях, «не может даже толком повеситься». Помнится, в те времена один мой коллега на полном серьёзе заметил: «Принято считать, что дураки и дороги суть главные беды России. На самом деле, как раз в этом её единственное спасение в лихие времена». Что ж, не исключено, что они и спасли от ликвидаторов.

Во-вторых — и ясно, что это главное, — даже несколько десятилетий государственного помешательства не смогли до конца уничтожить самосознание (и самоощущение) имперского народа. Среди прочих составляющих имперского зова наиболее настоятельно проявилась воля к суверенности и свободе, содержащая в своей основе простую вещь: решения о судьбе страны должны приниматься нашим лидером и в нашей столице, а не где-нибудь за океаном. Подавляющее число государств планеты могут об этом только мечтать.

Россия смогла восстать из абсолютной разорванности, и именно в этом, согласно тому же Гегелю, и проявляется подлинная мощь духа. Сейчас для нас это важно как возможный выход из государственного помешательства, невроза или психоза. Попытка описать такое помешательство как нечто большее, чем просто метафору, и является целью данной статьи. Кроме того, здесь не рассматриваются случаи «паранойи», которые как раз куда более метафоричны. Да, для субъекта,

заклѹченного в человеческом теле, одержимость идеей-фикс обычно указывает на психопатологию — да и то не всегда, если вспомнить пророков и прорицателей. Для настоящей же империи это скорее норма, и называется она устремлѣнностью в трансцендентное, принятием на себя миссии, и лишь при наличии миссии империя есть то, что она есть. Миссия, разумеется, может оказаться неисполненной или неисполнимой; принявший её имперский народ — и, собственно, под неё учреждающий свою государственность, может столкнуться с трагедией, но это событие историческое, а не патологическое, из таких событий хранимая история преимущественно и состоит. А вот помешательство в духе деменции или маразма, происходит ли оно с отдельной личностью или с субъектом истории, содержит несравненно больше общих черт, и потому исследование его является столь поучительным.

Советская империя 70–90-х оказалась самым близким по месту и времени примером, но, разумеется, не единственным примером в истории: ретроспективно и проспективно мы можем обнаружить схожие случаи, часто и даже, как правило, сопутствующие закату цивилизаций. Уже Шпенглер подчёркивает, что великие империи, избежавшие гибели в бою, погибают от переизбытка абсурда, причѣм гибнут именно как цивилизации. Конечно, сразу вспоминается Мезоамерика, империя ацтеков: они ждали пришельцев с востока, богов-спасителей, которым заранее готовы были верить свои судьбы, души и тела. И дождались конкистадоров, частично истребивших, частично поработивших аборигенов — и не забывавших при этом регулярно сообщать в метрополию об успехах своей нелѣгкой гуманитарной миссии среди дикарей.

Сравнение напрашивается — советские аборигены, и особенно их жрецы (интеллигенция), точно так же несколько десятилетий ждали богов-избавителей, только не с Вос-

тока, а с Запада. И ожидаемые, наконец, явились — в сущности, те же конкистадоры, только со слегка обновлѣнными методиками. И гуманитарную миссию запустили, чтобы цивилизовать дикарей. Но на этом сходство кончается; Российской империи всё же повезло, в отличие от империи ацтеков, — и возрожденное государство начало путь восстановления из абсолютной разорванности.

Если задаться целью, можно обнаружить и другие рычаги и другие симптомы помешательства Левиафанов — на мой взгляд, задача крайне интересная для историков. Важно при этом различать две вещи: угасание и закат цивилизаций, с одной стороны (в смысле Шпенглера или Тойнби), и полный внутренний разлад империй — с другой. Эти процессы не обязательно должны совпадать, хотя и такое возможно. Но в случае империи возможно (хотя и отнюдь не гарантировано) исцеление, избавление от помешательства, даже самого тяжѣлого. В терминологии «Розы мира» эта успешная, хотя и мучительная шоковая терапия описана как рождение нового уицраора, который «пожирает сердце» своего уже совсем дряхлого, безмозглого предшественника. Или, например, так: душа народа покидает прежнее тело государственности, тело зомбированное, управляемое извне, абсолютно непригодное для собственного бытия в истории, и обретает новое

тело государственности, откликающееся на движения души, готовое к победам и тяжѣлым испытаниям. В духе Руссо и Томаса Пейна речь может идти о полном расторжении прежнего общественного договора ввиду недееспособности одной из сторон и учреждении нового государства посредством легитимации, законодательного оформления воли народа.

Следует только иметь в виду, что в таком виде данная процедура является сутью правового (контрактного) государства, для государства органического она представляет лишь внешнюю сторону (стало быть, возможен и иной сценарий), и учреждение здесь следует понимать не как заключение сделки, а какобретение подходящего материального базиса, соответствующего трансцендентному устремлению имперского народа. Например, как возвращение к собственной исторической миссии или как постановку новой Сверхзадачи.

Так или иначе, исторические примеры отложим для другого раза, а вместо этого обратимся к текущей ситуации, к истории творимой и творящейся сейчас.

Россия вышла из тяжѣлого государственного помешательства, избавилась от пребывавшего в коме прежнего государственного тела и является империей на подъѣме. Распад СССР, как известно, привѣл к исчезновению биполярного мира

Даже несколько десятилетий государственного помешательства не смогли до конца уничтожить самосознание (и самоощущение) имперского народа. Среди прочих составляющих имперского зова наиболее настоятельно проявилась воля к суверенности и свободе, содержащая в своей основе простую вещь: решения о судьбе страны должны приниматься нашим лидером и в нашей столице, а не где-нибудь за океаном. Подавляющее число государств планеты могут об этом только мечтать.

и безоговорочному доминированию единственной сверхдержавы. 25 лет США щедро наказывали прочих субъектов международного права за «плохое поведение» и скупой на граждали за выполнение поставленных задач. Это больше напоминало даже не жандармские функции, а обучение крыс в лабиринте: пошёл не туда — удар током или лишение рациона, прошёл все контрольные точки — получи пищевое подкрепление. Странам и цивилизациям — тысячелетним цивилизациям — было горько сознавать, что их держат за подопытных крыс, так что можно сказать, что священная ненависть к Америке крепла по всему миру. Мы помним, что первые грозды гнева созрели к 2001 году, затем возникла группа упорствующих стран, намеревающихся самим решать свою судьбу, некоторые из них, например, Иран и Китай, восстановили свой исторический формат органической государственности, на распутье оказалась Турция, и что уж говорить о России — о ней уже было сказано.

Самозванные жандармы столкнулись, наконец, с крепнущим сопротивлением народов планеты, готовых заявить: мы не крысы. Но вовсе не это заставляет нас говорить о наступившем упадке Америки. Причина внутренняя, и она подозрительно похожа на то, что мы видели в СССР. Ознакомившись с советским аналогом, опытный клиницист без труда увидит признаки не просто подступающего помешательства — таковые были заметны уже давненько, — но и явной деменции.

Попробуем просто сгруппировать факты, давно уже отмеченные. Прежде всего, официальная идеология истеблишмента или, если угодно, *сумма прогрессивных взглядов* настолько разминувшись с мировоззрением традиционной Америки, что сегодня они кажутся уже не просто чуждыми, но прямо-таки инопланетными друг другу. Американцы из небольших городков, выросшие в атмосфере личной свободы, как и их родители и деды (то есть

ядро американского народа), абсолютно не узнают своё государство, свою Америку, не узнают её в том перевёрнутом мире, каким её всё больше делают обезумевшие элиты Америки. Что же представляет собой эта элита, политический класс? Партийные функционеры, журналисты больших СМИ, Голливуд, академическая среда. Они создали себе мир ценностей и ориентиров, который кажется «нормальным американцам» или, если угодно, *человеческим людям* чем-то словно бы выхваченным из абсурдного и одновременно страшного сна.

В этом мире события истории непрерывно пересматриваются, вчерашний полководец и хрестоматийный герой может вдруг оказаться рабовладельцем и, следовательно, негодяем, и, стало быть, его памятники подлежат сносу, а имя — занесению в позорный список. В этом мире даже классическая литература подлежит жёсткой цензуре, не говоря уже об академических курсах — вплоть до устранения *рацистских перекосов* в физике. Здесь тебе может грозить позорный конец карьеры или тюремное заключение за имевшее место сорок лет назад *домогательство*. Здесь, в этом мире, у тебя нет ни отца, ни матери, а есть набор родителей под номерами. Так должно быть в идеале, и обезумевшие элиты, как могут, приближают этот идеал.

Впрочем, список пунктов новой нормальности, обновлённых знаков принадлежности к прогрессивному человечеству хорошо известен и отнюдь не закрыт, он продолжает пополняться и внедряться в тело государства в качестве юридических норм. На полную мощь работает социальная инженерия: таким темпам и такой эффективности могли бы только позавидовать советские идеологи. Новым проектировщикам удалось произвести массовый сбой первичного импринтинга.

Да, советское общество одуроченных утят когда-то с восторгом смогло на заокеанских «инвесторах»

и прочих American boys, ничего о них не зная, но ожидая спасения. Жрецы майя и ацтеков когда-то так же ожидали появления неведомых пришельцев-спасителей. Ну а теперь значительная часть американского общества, и прежде всего молодёжь, начищая обувь чёрным, так же смотрит им в глаза, ожидая спасения от обесмыслившегося мира — и, конечно, точно так же ничего о них не зная... Тут опытный клиницист патологии истории увидит хороший повод покачать головой. И, пожалуй, сделает вывод: синдром одуроченных утят перекинулся и на американское общество. Полиции США теперь приходится вставать на одно колено перед теми, кого во все времена считали мародёрами и погромщиками, — как тут не вспомнить агентов ЦРУ, воспринимавшихся одуроченными утятами перестройки в качестве просветителей и мудрых цивилизаторов... Можно представить себе, как сбиты с толку госслужащие, силовые подразделения США, — причудливая логика перевёрнутого мира стремительно пробивается сквозь департаменты и надзорные органы, сквозь съёмочные площадки и университетские аудитории.

Не осталась в стороне и американская армия, как следует из бесчисленных комментариев в соцсетях США, командный состав от генералов до сержантов сейчас больше занят обеспечением комфортных условий для трансгендеров, чем прочими компонентами боевой подготовки. Они знают, за что с них в первую очередь спросят. И тут, наверное, многие из россиян, помнящие нашу армейскую проблематику 90-х, скажут бы, что в каждом помешавшемся государстве существуют свои «особенности национальной охоты». В общем, параллелей достаточно для того, чтобы констатировать: ну вот, теперь и эта империя выжила из ума. И произвести сопоставления по пунктам.

В отношении гражданского общества, однако, ситуация существенно иная. Рядовой советский обыватель

был, в сущности, полностью солидарен с отечественными властителями дум, и в транслируемые этими жрецами химеры просто верил, допуская, что он просто чего-то недопонимает. В США гражданское общество всегда было достаточно самостоятельным и дистанцированным от государства: в сущности, оно ещё и сейчас таковым остаётся. При этом американцы были склонны верить своим профессорам, генералам, любимым актерам, и эта элита, в свою очередь, в период расцвета империи в основном разделяла экзистенциальные предпочтения простых американцев.

И вот теперь, когда отовсюду, из всех властных инстанций исходят ценностные установки перевернутого мира, мира, в котором прежние маргиналы процветают и властвуют, а те, кто считался

солью земли, сами превратились в идеологических маргиналов (хотя всё ещё составляют большинство гражданского общества), — теперь стремительно ширится пропасть между обезумевшими элитами, захватившими государство, и человеческими людьми, которые начинают понимать, что своего государства они лишились. Ещё совсем недавно государство зывало к ним и призывало их сыновей, чтобы защитить свободу где-нибудь далеко-далеко от родных берегов... Тогда человеческие люди тоже принадлежали к имперскому народу — и соглашались, пусть и не сразу, что жертвы будут не напрасны.

Теперь властвующие меньшинства тоже вторгаются к ним, и человеческие люди видят, что среди прочего, и даже в первую очередь,

эти самые меньшинства *требуют детей*, требуют через все доступные им каналы, включая властные (психоаналитическое сообщество — одна из властных инстанций Америки). И простые американцы, быть может, думают: они забирают наших детей, но ведь не во Вьетнам и даже не в Афганистан, а чтобы они... как бы это помягче выразиться... чтобы обратить их в свою веру. И многих уже обратили и не собираются останавливаться.

И всё же средний класс Америки не состоит сплошь из одуроченных утят, как когда-то граждане поздней советской цивилизации. И есть основания полагать, что он не сдастся без боя, быть может он ещё вернёт себе государство или учредит новое. Может, всё дело в том, что у них нет пока своего Даниила Багрова.

/ Константин ЧЕРЕМНЫХ /

Истина и блеф

Почему историсофия мешает оккультизму

(Окончание. Начало в № 9 за 2022 год)

ЗАКЛИНАТЕЛЬ БОГОВ И ДЕМОНОВ

Вл. С. Соловьёв в полемике с Н.Н. Страховым посмертно уличал Данилевского одновременно в «наивной безнравственности» и «отсутствии политической сообразительности». То и другое обвинения были адресованы тезису Данилевского о выгодности и благодетельности для России «неравновесия» между европейскими державами «без разбора в средствах»: «Если мы делаем шаг вперёд к освобождению и объединению славянства, приближаемся к Цареграду, не совершенно ли нам всё равно: купятся ли этою ценою Египет Францией или Англией, рейнская граница — французами или вогецкая — немцами, Бельгия — Наполеоном или Голландия — Бисмарком?» В суждении Данилевского о том, что Англия и Франция скорее будут препятствовать России в создании альянса славянских стран (без которого Данилевский считал русский культурно-исторический тип неполноценным), в то время как Пруссия может сыграть роль полезного противовеса, Вл. С. Соловьёв усматривал не только «макиавеллизм» и «мошенничество», но и «неосмотрительность»: «Если бы безусловно отрицательное отношение к Европе и варварский макиавеллизм нашего автора стали известны во Франции и если бы французы увидели тут общерусский взгляд, то это, конечно, побудило бы их поладить с Германией и приступить к тройственному (или ныне уже четверному) союзу, который в таком случае поставил бы вопрос уже не о Цареграде, а о Киеве. Если бы такая громада, как Россия, воодушевлялась ещё коварством и беспощадностью, если бы мнимый медведь вдруг оказался тигром, то всем соседям пришлось бы оставить свои домашние счёты и соединиться против общего врага. Тогда

теория Данилевского о безусловном антагонизме между Европой и Россией получила бы практическое осуществление, *вопрос только: в чью пользу?»*¹ Цитата, избранная для нападок на Данилевского, была взята из предпоследней главы его книги «Россия и Европа», озаглавленной «Борьба», — без упоминания, хотя бы краткого, о содержании предыдущих глав, где Данилевский детально описал вопиюще предвзятый подход к России правительственных, военных и пропагандистских элит Европы.

Нельзя сказать, однако, что макиавеллизм, под которым понимается неразборчивость в средствах ради цели, не был чужд самому Вл. С. Соловьёву. Из его резонансной речи в канун третьей русско-турецкой войны (1877) следовало, что ради уничтожения ислама любые средства хороши, так как «мусульманский Восток уничтожает человека и утверждает только бесчеловечного бога» (sic), и в схватке с ним русский народ, «свободный от всякой ограниченности и односторонности», и проявит себя «третьей всецелой силой», что недоступно охваченному «всеобщим эгоизмом и анархией» Западу. Расписавшийся в куда большем милитаризме, чем тот, который он приписывал Данилевскому, Вл. С. Соловьёв вроде как сам добрался на войну, но почему-то не доехал дальше Кишинёва. То ли у него пропал боевитый импульс, то ли некие таинственные силы подсказали ему вернуться.

К.В. Мочульский в своей биографии Вл. С. Соловьёва, ссылаясь на коллег молодого доцента Соловьёва, вместе с ним посещавших Британский музей в Лондоне двумя годами ранее (1875), сообщает о странном воздействии, которое произвёл на русского богослова туманный Альбион. Прочитав накануне курс лекций по германской метафизике, Соловьёв собирался

доказать, что немецкие идеалисты «выработали *то же „истинное воззрение“*, что индийская религия и греческое искусство», и намеревался в Лондоне изучить памятники «индийской, гностической и средневековой философии». Накануне поездки он посещал спиритические сеансы, рассчитывая в Лондоне также увидеть знаменитых тамошних спиритов и листая Сведенборга, Парацельса, Бёме и других классиков магии, входящих в джентльменский набор любого спиритуалиста. Он едет туда через Варшаву, где еще задумывает труд «вроде канто-гегелевской трихотомии», почитывая Адама Мицкевича. Лондонские спириты его разочаровывают: он уличает их в шарлатанстве. Однако в Британском музее он зачитывается некоей книгой о Каббале, после чего ведёт себя странно, то плача, то смеясь по поводу и без повода. Своему коллеге И.И. Янжулу он рассказывает, что «действует по внушению какой-то нормандки XVI или XVII века»; другому коллеге, М.М. Ковалевскому, доверяет тайну о том, что по ночам его смущает дух с английским именем Питер. Попрощавшись с друзьями, у которых кончилась командировка, он остаётся в Лондоне, где собирался провести год, но уже через месяц резко меняет планы, решив отправиться в Египет. Свой мотив он раскрывает Ковалевскому: оказывается, духи сообщили ему о существовании там тайного каббалистического общества и обещали ввести в него.

В Египет он едет через Италию в одном вагоне с делегацией иезуитов. Эжен-Мельхиор де Вогиэ, французский атташе в Египте, женатый на русской дворянке и знающий русские интеллигентские круги, в воспоминаниях «Под горизонтом: вчерашние люди и вещи» (1905) пишет о встрече с Соловьёвым в Каире, где он оказался гостем знаменитого Франсуа Лессеппа, построившего

¹ Здесь и далее курсив наш.

**Именно накануне выхода в свет трёхтомного
опуса о воссоединении христианства, завершаемого
притчей о некоем восстановителе некоего Храма,
Вл. С. Соловьёв и пускается в атаку на покойного
Н.Я. Данилевского, который успел написать всего
один небольшой полемический текст «Г. Владимир
Соловьёв о православии и католицизме».
Данилевскому не прощалось даже само упоминание
о русском культурно-историческом типе.**

Суэцкий канал. «На этот раз Лессепсу удалось выудить где-то в Эзбекии молодого русского... с иконописным лицом... Несмотря на зной египетского лета, на нём был длинный чёрный плащ и высокая шляпа; он чистосердечно рассказал, что в этом одеянии ходил один в Суэцкую пустыню, к бедуинам; он хотел разыскать там какое-то племя, в котором, как он слышал, хранились некие тайны Каббалы и масонские предания, будто бы перешедшие к этому племени по прямой линии от Соломона. Само собой разумеется, что ничего этого он не нашёл, и в конце концов бедуины украли у него часы и испортили шляпу». В стихах, однако, Соловьёв пишет, что когда схватившие его бедуины, принявшие его за чёрта, освободили его и оставили одного, то он уснул на земле, а утром ему открылся на небе образ женской красоты огромных размеров. После этого, забыв о Гегеле с Кантом, он решает заняться текстом «малого по объёму, но великого по содержанию» сочинения *Principes de la religion universelle* («Принципы универсальной религии»), отдав его в редактуру аббата Гетте в Парижской библиотеке.

К. В. Мочульский, воспринимая происшедшее с Соловьёвым как религиозное откровение, далее цитирует из его записной книжки «Молитву об откровении великой тайны»: «Ал — Soph, Jah, Soph — Jah. *Неизречённым, страшным и всемогущим именем заклинаю богов, демонов, людей и всех живущих. Соберите воедино лучи силы вашей,*

преградите источник вашего хотения и будьте причастниками молитвы моей: да возможем уловить чистую голубицу Сиона, да обретём бесценную жемчужину Офира, и да соединятся розы с лилиями в долине Саронской. Пресвятая, Божественная София, существенный образ красоты и сладость сверхсущего Бога, светлое тело вечности, душа миров и единая царица всех душ, глубиной неизречённой и благодатию первого Сына Твоего и возлюбленного Иисуса Христа молю Тебя: снизойди в темницу душевную, наполни мрак наш своим сиянием, огнём любви расплавь оковы духа нашего, даруй нам свет и волю, образом видимым и существенным явись нам, сама воплотись в нас и в мире, восстанавли полноту веков, да покроется глубина пределом и да будет Бог все во всем». Однако по возвращении в Петербург Соловьёв «с юмором рассказывал о своих приключениях», не производя впечатления нервнoбoльнoгo, которым он казался друзьям в Лондоне. Накануне войны, в письме к ушедшей в оккультизм С. А. Толстой (вдове А. К. Толстого), он признаётся довольно легковесно, что «настоящими людьми» для него всё-таки оказываются только Парацельс, Бёме и Сведенборг, добавив притом, что для него самого «остается поле очень широкое».

Результат труда «на широком поле» выходит в свет в Париже в 1889 году. Это трактат «Россия и Вселенская церковь», в котором без всяких ссылок на видения и вещие голоса и даже без ссылок

на Сведенборга и Сен-Мартена декларируется «всеобщее сознание человеческой солидарности и потребность в интернациональном единстве, в рах Christiana, или, если угодно, humana», после чего подвергается порке та цивилизация, которая «не только не сумела выполнить свою миссию — основать христианское государство, — но приложила все старания к тому, чтобы подорвать историческое дело Иисуса Христа. Когда ей не удалось подделать православную догму, она свела её на мертвую букву; она хотела подрвать самую основу здания христианского мира, *напав на центральную власть вселенской церкви*; она подменила в общественной жизни закон Евангелия традициями языческого государства». Это он писал о Византии, которую «история судила и произнесла над ней свой приговор: догма и обряд остались при них, и лишь общественная и политическая власть попала в руки мусульман — *этих законных наследников язычества*». Наказана же Византия была за то, что «в своём пустынноическом аскетизме и созерцательном мистицизме, в своём удалении от политики и всех общественных задач, затравивавших человечество в его целом, желала, прежде всего, как святой Кассиан, достигнуть рая без единого пятна на своей хламиде». Перенявший «проваленную» Византией миссию романо-германский мир «имел перед Византийской империей одно огромное преимущество: *сознание присущих ему недостатков и глубокую потребность избавиться от них, свидетелями тому могут служить бесчисленные соборы, созывавшиеся папами, императорами и королями*», но, увы, также не справился с задачей, доказательство чего Вл. С. Соловьёв видит в том, что: а) немецкая империя, порождённая римским первосвященничеством, порвала эту связь сыновства и выступила соперницей папства и б) революционная философия «приложила похвальные (sic!) усилия к тому, чтобы поставить на место этого единства таковое же человеческого рода», но это (Фран-

цузская революция) также не предотвратило «братоубийственных войн». Есть ли такая сила в христианском мире, что способна «вернуть христианству органическое единство церкви и государства в нераздельности и неслиянности как необходимое условие истинного социального прогресса», дабы «с лучшей надеждой на успех взяться за дело Константина и Карла Великого»? Есть такая партия, отвечал Соловьёв (это неточная цитата, но слово «партия» многократно упоминается в применении к церковным течениям). Это русский народ, с его глубоко религиозным и монархическим характером, с некоторыми пророческими фактами в его прошлом (sic!), с его огромной и сплочённой массой империи, с великой скрытой силой национального духа — и всё это философ предлагает благородно пожертвовать для спасения Европы (во-первых!) и всего мира. Он не ссылается при этом ни на какие авторитеты в Восточной церкви, кроме произвольно избранных святых VII–IX вв. (среди них Феодор Студит, по уставу которого Андрей Шептицкий создаёт монашеское общество сразу после встречи с Соловьёвым). Прекращение «братоубийственных», т.е. межхристианских войн не отменяет, конечно, войн с язычеством, к каковым отнесён ислам; позже к ним добавятся абстрактные «пан-монголы».

Именно накануне выхода в свет трёхтомного опуса о воссоединении христианства, завершаемого притчей о некоем восстановителе некоего Храма (первый том, изданный на русском в Хорватии, был изъят российской цензурой), Вл. С. Соловьёв и пускается в атаку на покойного Н.Я. Данилевского, который успел написать всего один небольшой полемический текст «Г. Владимир Соловьёв о православии и католицизме». Данилевскому не прощалось даже само упоминание о русском культурно-историческом типе (хотя термином «романо-германский» Соловьёв охотно пользовался).

Полвека спустя Бердяев, ссылаясь на кратковременный период бесконфликтного общения К.Н. Леонтьева с Вл. С. Соловьёвым, внушал читателям своей биографической статьи, что их знакомство якобы сделало Леонтьева более терпимым к католицизму. Следуя соловьёвской манере «подталкивания и подпихивания фактов» (оценке Данилевского в вышеназванной статье), он отрывает мысль от контекста. В своём резонансном споре с Достоевским («О всемирной любви») Леонтьев вопрошал: «Отчего же в нашем обществе и литературе... не было заметно сочувствия ни к Пию IX, ни к кардиналу Ледоховскому, ни к западному монашеству вообще, теперь везде столь гонимому?.. Я думаю, если бы

Пушкин прожил дольше, то был бы за папу и Ледоховского, даже за Дон Карлоса... И как мне хочется теперь в ответ на странное восклицание г-на Достоевского: «О, народы Европы и не знают, как они нам дороги!» — воскликнуть не от лица всей России, но гораздо скромнее, прямо от моего лица и от лица немногих мне сочувствующих: «О, как мы ненавидим тебя, современная Европа, за то, что ты погубила у себя самой всё великое, изящное и святое и уничтожаешь и у нас, несчастных, столько драгоценного твоим заразительным дыханием!..» Если такого рода ненависть — «грех», то я согласен остаться весь век при таком грехе, рождаемом любовью к церкви... Я говорю — «к церкви», даже и католической, ибо

если б я не был православным, желал бы, конечно, лучше быть верующим католиком, чем эвдемонистом и либерал-демократом!!!»

Но это писалось в 1880 году, за восемь лет до того, как ему пришлось доказывать Вл. С. Соловьёву (и особо публике, его читавшей), что Данилевский не устарел; что его систематика культурно-исторических типов не является «ползучей» и не разрушается чьими-либо «богословскими надеждами», и заодно объяснять, почему Вл. С. Соловьёв для него недостаточный авторитет, чтобы идти за ним в Рим. А также, на всякий случай, напоминать о том, что не дело философа решать за церковь её дела при живых иерархах.

«Кого же нам слушаться?.. Блестящего мыслителя и своевольно вдохновенного пророка русского

или великих Греческих Патриархов? В этих Патриархах, даже в случае величайших личных каких-либо немощей, преемственно от апостолов и святых соборных отцов несомненно живёт и действует Дух Святой. В этом же благородном, симпатичном, обворожительном, я готов сказать, философе русском, неизвестно ещё, какой дух обитает», — писал Леонтьев о Соловьёве.

И дальше, доказывая, что за апокалиптическими грёзами Соловьёва кроются не более чем «богословские надежды», пусть и более «благородные», чем антицерковный гуманизм Толстого, Леонтьев называл «крылатым в прометеевском смысле», т. е. заведомо утопичным, всеохватный экуменизм Макса Мюллера, рядом с которым Соловьёв «несравненно практичнее: он предлагает нам дело

ясное, простое и, по-видимому, осуществимое. Стоит нам, восточным, признать только, что патриархи Фотий и Михаил Керуларий были менее правы, чем римские папы их времени, и при этом смирить нашу национальную гордость, — и примирение подготовлено». Он здесь совершенно не льстил Соловьёву: он разоблачал его в банальном шкурном мировоззренческом предательстве. Нельзя сказать, что для этого не было резона: даже из апологетической биографии К. В. Мочульского, где многие важные детали опущены, складывается впечатление старательно подготовленной для Вл. С. Соловьёва, говоря современным языком, диссидентской карьеры, когда его тур Петербург — Лондон — Каир — Париж овеивается аурой визионёрства (посол де Вогюэ, исследователь России

и автор книг «Пётр Великий» и «Мазапа», подчёркивает внешнюю «фактурность» философа, с коей весьма гармонирует получение магического знака с неба не где-нибудь, а в пустыне египетской, куда направлялась и Е.П. Блаватская для встреч с загадочными бестелесными учителями), и этот тур, а следом боевитый манифест «Три силы» готовят публику, уже пронизанную предощущениями катастрофы, к хилиастическому «коллективному озарению». Именно так создаются секты; именно так британский колониальный истеблишмент продуцировал «из ничего» секту Мирзы Гуляма Ахмада (ахмадийя) в Индии и секту Бахаулы (бахаи) в Персии или возрождал для своих целей иерархии суфиев или исмаилитов.

Впрочем, о сочувствии Леонтьева к католикам Бердяев пишет также с той целью, чтобы лишний раз подчеркнуть его враждебность гуманистической морали — тем, например, что Леонтьев «относился отрицательно к славянско-демократическому православию, сближающемуся с англиканством», считая его более бесплодным и в то же время более опасным, чем доморощенные «скопчество и всякая хлыстовщина». Нельзя сказать, что это ощущение опасности было неоправданным: именно из англиканства, точнее, из учения архидиакона при британском дворе Уильяма Фаррара (подвергшего «ревизии» учение о вечных муках, а также предложившего похоронить Дарвина в Вестминстерском аббатстве) произошла имяславная секта, вызвав «антиолигархический» бунт на Афоне и отозвавшись в России.

Леонтьеву не был нужен Вл.С. Соловьёв, чтобы учить его понимать католиков — сочувствовать «узнику Ватикана» (после потери Папской области) Пию IX или католическому крестному ходу, путь которому нарочно преградил локомотив. Это были его собственные взгляды — как и его представление о том, где России почерпнуть мистические силы, если своих не хватает.

ДИАЛЕКТИКА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ МЕЧТЫ

Старания Бердяева отделить Леонтьева от Данилевского («Данилевский даёт Леонтьеву научный аппарат, которым он пользуется для своеобразного построения... из совершенно других мотивов») аргументируются сомнениями Леонтьева в плодотворности федерации славянских государств, которую Данилевский считал залогом развития русского культурно-исторического типа. «На Балканах Леонтьев любил греков и турок и не любил славян, особенно болгар. Во всех столкновениях сочувствие его всегда было на стороне греков, и даже турок, против славян. Его отталкивал демократизм балканских славян. Он видел в южном славянском мире торжество ненавистных ему европейских либерально-эгалитарных начал и... победу в этом мире всеуравняющего европейского мещанства. Он не видел у южных славян тех крепких начал, которые противились бы этому роковому разрушительному процессу», — повествует Бердяев, далее вновь приписывая Леонтьеву «инородчество»: «Аристократическая нелюбовь К. Леонтьева к демократизму славян была в нём какой-то нерусской чертой, отличавшей его от славянофилов. Он предпочитал поляков, ему нравился их аристократизм, их верность католичеству... Лишь в верности традициям и преданиям византизма видел он серьёзную преграду для мирового процесса разложения и опошления, в который вовлечены и все балканские народы. У славян он не находил верности византийским началам...»

Пунктик второй — о сочувствии Леонтьева «на стороне турок». «Турок он любил эстетически за их старый, неевропейский красочный быт». К этому точному наблюдению Бердяев не может не присовокупить утрированное суждение: «У него ведь [Леонтьева] был "пафос туретчины"». Далее опять следует точное наблюдение: «Власть турок мешала

народам Балканского полуострова окончательно ввергнуться в пучину европейского демократического прогресса. Он считал эту власть благоприятной для охранения древнего православия на Востоке». Далее следует уже не утрирование, а переде́ргивание на грани оговора: «он [Леонтьев] приветствовал турецкие гонения на христиан».

Достаточно внимательно прочитать ключевые работы двух историософов — «Россию и Европу» Данилевского и «Византизм и славянство» Леонтьева, чтобы убедиться в том, что в «восточном вопросе» они расходились очень несущественно. Первый пример — тема болгарского народа, сильно занимавшая умы славянофилов. Данилевский: «В Булгарии всего менее сохранилось предание о государственности... Греция и Сербия достигли независимости долговременною борьбою, в течение которой являлись выдающиеся из ряда личности. В Сербии сохранилась даже память о народном представительстве — в скупщинах. Ничего этого нет в Булгарии. В такой стране, следовательно, общественное и государственное устройство налагается извне: составляются конституции по рецепту, заимствованному из общих теорий, из чуждых примеров. Вместо организации действительных интересов устанавливается господство так называемой интеллигенции, — чему жалкий пример представляют соединённые Валахия и Молдавия... Чтобы подобная участь не постигла и Булгарию, ей необходимо устраиваться под крылом России и под влиянием других, более её политически развитых членов славянского союза». Леонтьев: «Народ болгарский прост (не то чтобы он простодушен или добродушен, как думают у нас, и не то чтобы глуп, как ошибочно думают иные греки, а именно прост, т. е. ещё неразвит). Вдобавок он вовсе не так пылко и горячо религиозен, как простой русский народ... Напротив того, малочисленная интеллигенция болгарская лукава... и образована именно настолько, насколько нуж-

но для успешной национально-дипломатической борьбы...» И далее в эссе «Наше болгаробесие», после того как сомнения подтвердились реальностью: «Мы ждали от наших младших, наших свежих братьев примера; мы думали, что они научат нас, как лучше бороться против европеизма... А они сразу перешеголяли Европу. О, как это гадко! «Старые» славянофилы воображали себе, что затмение турецкого полумесяца повлечёт за собою немедленно яркий восход сияющего православного солнца на христианском Востоке. Горькая ошибка наша; поправим ли мы её? Как было не понять, что какому-нибудь болгарскому учителю, купцу, доктору, депутату и даже министру из мужиков или лавочников недоступно и нежелательно то, что было так ясно и так желательно Киреевскому, Хомякову и Аксакову?... Эти люди были все русские дворяне, даровитые, учёные, идеальные, благовоспитанные, тонкие, европеизмом пресыщенные; благородные москвичи, за спиной которых стояли века государственного великорусского опыта. То ли может нравиться кое-как или даже и хорошо обучившемуся в Европе пастуху? Не то они все чувствуют, не то, что чувствуем мы!.. И зато как глубоко, как обидно наше разочарование!.. Как оно горько! И как нам стыдно теперь!..»

И напротив, и Данилевский, и Леонтьев видят в Сербии, ещё не достигшей единства и расколотой между притязаниями соперничающих королевских семей, особый

потенциал на Балканах. Данилевский: «Бодрый и крепкий сербский народ должен опасаться польского обычая честолюбиво присваивать себе чужое, упуская свое. В его борьбе с обитательством, омадьярением и онемечением своей земли сербский народ может найти нужные силы и надежду на успех только в политическом союзе со всем славянством под главенством России». Леонтьев: «При небывалом ещё воцарении на Босфоре действительной, центральной, православной силы, большая единая Сербия будет, пожалуй что, и необходима для равновесия в недрах (нового) Восточного союза... Малые размеры ничего не значат сами по себе: и Рим был мал, и Бранденбург был мал, и Московское княжество было невелико. Нужна лишь благоприятная перестановка обстоятельств, счастливое сочетание политических сил».

И о Польше два историософа говорят в один голос. Данилевский: «Форма, в которой европейские народы усвоили себе христианство — католицизм, как несвойственная славянскому духу, именно в Польше (где, по обстоятельствам, она была усвоена самым искренним образом) приняла самый карикатурный вид и произвела самое разъедающее действие, несравненно вреднейшее, чем в самой Испании (где католицизм, несмотря на то, что дошёл до своих крайних результатов, не отказал однако же народного характера). Польша, хотя и осталась материально независимой от немецкого

владычества, одна из всех славянских стран приняла без борьбы западные религиозные начала и усвоила их себе — а потому и была в течение большей части своей истории не только бесполезным, но и вредным членом славянской семьи, изменившим общим славянским началам, стремившимся распространить, насилием и соблазном, враждебный славянскому миру католический и шляхетско-аристократический принцип в самую глубь России». Леонтьев: «Двенадцатый год и список ксендзов, участвовавших в смутах 1831 и 1862—<18>63 годов, служат вопиющими доказательствами всегдашнего преобладания в поляках фанатического, ультрамонтанского направления. В России около семи миллионов латинян. Их долговременная жизнь в русском государстве, рядом с православными, должна бы, по-видимому, особенно расположить к старокатоличеству. Но все наши обсуждения, съезды с западноевропейскими старокатоликами проскользнули поверх всей этой большой массы наших русских латинян, не вызывая никакого отклика. Это неоспоримое доказательство, что в нашем русском латинстве слишком глубоко въелось ультрамонтанское направление, а при господстве такого направления не может быть никакой серьёзной речи о примирении между нами и поляками, и все попытки вести эту речь помимо религии окажутся пустой мечтой... «Народ, завоёванный слишком поздно, порабощённый тогда, когда историческая идея его уже износилась, сохраняет ещё на долгое время и под игом свои особенности, но он уже не выступит снова никогда с силами истинно творческими на театре истории; для себя он будет только охранять свои особенности по мере сил своих; для нации же господствующей он будет являться только враждебной силой до тех пор, пока вполне не ассимилируется. Такова для нас Польша. (Вражда эта, впрочем, для господствующей нации иногда весьма полезна, ибо возбуждает её деятельность).».

Бердяев пишет об особой любви Леонтьева к грекам, в отличие от Данилевского. Но о каких эпохах идёт речь? Леонтьев действительно считал нужным дополнить перечень культурно-исторических типов византийским. Он действительно писал, что в мире есть только два народа, давших истории два культурно-исторических типа, — Индия и Греция. Но сильно ли различались их взгляды на ту новую Грецию, которая выходила из-под османского ига?

Бердяев пишет об особой любви Леонтьева к грекам, в отличие от Данилевского. Но о каких эпохах идёт речь? Леонтьев действительно считал нужным дополнить перечень культурно-исторических типов византийским. Он действительно писал, что в мире есть только два народа, давших истории два культурно-исторических типа — Индия и Греция. Но сильно ли различались их взгляды на ту новую Грецию, которая выходила из-под османского ига? Данилевский в «России и Европе» предвидит манипуляцию, на которую согласны европейские державы для использования новой Греции в качестве инструмента: «Франция и Англия, если бы владычество Турции оказалось несостоятельным, всего скорее согласились бы вручить ключ Чёрного моря нарочно усиленному с этой целью второстепенному государству, именно — Греции. Какую же пользу принёс бы ей этот подарок? Это был бы настоящий Пандорин ящик, наполненный смутами, раздорами, которые в конце концов должны бы неминуемо повести к потере политической самостоятельности. Иной носитель громкого имени, граф, князь, герцог, маркиз, изнемогает под бременем своего общественного положения, которое волею или неволею обязан поддерживать. Такое же бремя наложил бы Константинополь на слабое государство. С другой стороны, слабая Греция была бы вечно между двух огней, между Россией и европейскими державами, которые, вручая Греции этот ключ, имели бы, собственно, в виду сделаться действительными его хозяевами. Ей ничего бы не оставалось, как или впасть в совершенную зависимость от одной стороны, или же играть *незавидную роль перемётной суммы*. Одним словом, это было бы для Греции повторение роли Турции, с тем различием, что Турция всё-таки составляет государство с 30-миллионным населением, которое слабо только потому, что потеряло свои жизненные силы. Такое междоумочное положение не могло бы долго продолжаться.

Небольшое Греческое государство скоро впадо в истощение, в разразм... Маленький греческий народ, хотя бы столицей его был сделан Константинополь, никаким образом не воскресил бы в себе Византийской империи. Царство Константина, Феодосия и Юстиниана может жить только в форме славяно-греческой федерации, и только таким образом может и Греция принять участие в его славе и величии».

Леонтьев описывает эту новую Грецию так: «Дворянства нет; синод вместо Патриарха (т. е. форма против светской власти более слабая), духовенство устранено от прямого влияния на гражданские и политические дела... Конституция в высшей степени либеральная, с одной только палатой, т. е. без тормоза... неслыханное множество газет на столицу, которая меньше нашей Одессы... Фрак

и сюртук европейской буржуазии, господствующие de facto над дикой и своеобразной поэзией шальвар и фустанеллы»; «“корсар” Байрона стал чернорабочим или простым мошенником проезжих дорог. Он ездит на козлах кареты или коляски европейского иноверного короля, по-европейски одетого... в итоге от Греции... ничего, кроме языка, не останется». В 1888 году, считая возможным раскрыть некоторые дипломатические секреты, он рассказывает, что в «свободных» (кавычки автора) греках «разочаровался и Государь Николай Павлович, который сделал так много для их эмансипации», а когда те жаловались, что государь не хочет сделать больше для Эллады, тот якобы сказал, по словам просроссийского грека Реньери: «Этому демагогическому народу я не дам ни пяди земли».

И наконец, о турках. Данилевский отрицает за ними потенциал культурно-исторического типа. Леонтьев в этом не спорит с ним. Он только излагает выводы из собственного дипломатического опыта. «Живя в Турции, я скоро понял истинно ужасающую вещь; я понял с ужасом и горем, что благодаря только туркам и держится ещё многое истинно православное и славянское на Востоке...» И считает нужным пояснить далее: «Я стал подозревать, что отрицательное действие мусульманского давления, за неимением лучшего, спасительно для наших славянских особенностей и что без турецкого презервативного колпака разрушительное действие либерального европеизма станет сильнее... Я стал бояться, что мы не сможем, не успеем вовремя заменить давление мусульманства другой, более высокой дисциплиной — дисциплиной духа, заменить тяжесть жёсткого ига суровым внутренним идеалом; унижительный и невольный страх агарянский свободным страхом Божиим, о котором сказано. «Даруй ми по Твоей благодати Твоего страха страшиться...» «Я понял с ужасом и горем» — это «пафос туретчины» или мужественное признание горькой правды — того, что юго-восточные славяне, как и освобождённые греки, попались на соблазн эпигонства Европы, копируя её систему ценностей и вслед за нею — систему институтов, что не даёт шанса на возрождение «царства Константина, Феодосия и Юстиниана», то есть Византии, под русским крылом? «Здесь, на востоке Европы, уже в 1850-х годах случилось то же самое, что позднее и с несравненно большей (к нашему счастью!) выразительностью происходило во всей Западной Европе. Не узнана была никем всемирная демократическая революция».

Бердяев утверждал в статье для YMCA Press, будто Леонтьев подменил «славянский вопрос» Данилевского «восточным вопросом». Это было не просто утрирование, а видимая прямая ложь: «восточ-

ный вопрос» обозначен в титулах XII и XIII глав «России и Европы». Данилевский, которому Бердяев не приписывает «пафос туретчины», пишет здесь прямым текстом о ценностной роли Османской империи для славян: «Общая идея, существенный смысл магометанства заключается в той невольной и бессознательной услуге, которую оно оказало православию и славянству, оградив первое от напора латинства, спасши второе от поглощения его романо-германством в то время, когда прямые и естественные защитники их лежали на одре дряхлости или в пелёнках детства. Совершило оно это, конечно, бессознательно, но тем не менее совершило — и тем сохранило зародыш новой жизни, нового типа развития, сохранило ещё одну черту

разнообразия в общей жизни человечества, которым предстояло быть задавленными». И далее цитирует константинопольского патриарха Анфимия: «Провидение избрало владычество османов для замещения поколебавшейся в православии Византийской империи как защиты против западной ереси», — добавляя в скобках, что точнее было бы сказать не об империи, а о конкретном императорстве. И, возвращаясь к Средним векам, предлагает представить себе такой исход походов крестоносцев, при котором ислам (магометанство) их бы не остановил: «Судьба самой России, отовсюду окружённой (не только с запада, но и с юга) разливом романо-германской силы, не изменилась ли бы совершенно?»

Данилевский раньше Леонтьева пишет, что (турецкое) магометанство «предохранило... народы Балканского полуострова... от потери нравственной народной самобытности, и это влияние не ограничилось народами, подпавшими турецкому игу». Чему, по его оценке, способствовало и то обстоятельство, что, пока османская экспансия грозила землям австрийского дома, этому дому (Габсбургам) не было времени «думать об их онемечивании, составлявшем никогда не теряемую из виду задачу всех немецких марк (пограничных земель) или украин» (sic!). Та же угроза, по его оценке, удерживала и папство: «Уния, постигшая русский народ под владычеством Польши, указывает на участь, предстоящую и прочим православным народам, если бы османская гроза не заставила Европу трепетать за свою судьбу».

Данилевский напоминает, что, когда Турция предлагала Николаю I взять Дунайские княжества вместо уплаты военной контрибуции, он не только не принял этого предложения, но предпочёл простить значительную часть долга, подчёркивая, что «этот бескорыстный образ действия едва ли и не был самым полезным для России». Так считает тот самый историософ, который в этом же тексте упрекает русских властителей, от Екатерины до Александра II, в ненужном бескорыстии в отношениях с заведомо неблагодарной Европой. «Союз Екатерины с Австрией доказывает, что в то время и её великому уму историческая задача, ею предпринятая, не вполне уяснилась... Война 1799 года, в чисто военном отношении едва ли не славнейшая, была актом возвышеннейшего политического великодушия, бескорыстия, рыцарства в истинно мальтийском духе (речь шла об освобождении Ионических островов, мотивированном покровительством Павла над Мальтийским орденом. — К. Ч.). Такой же характер имели войны 1805 и 1807 годов. Россия принимала к сердцу интересы, ей совершенно чуждые, и с достойным всякого удив-

ления героизмом приносила жертвы на алтарь Европы... Что усилия, сделанные Россией в 1813 и 1814 годах, были сделаны в пользу Европы — в этом согласны даже и теперь беспристрастные люди...»

В этом же контексте Данилевский вступает в спор с С.М. Соловьёвым (отцом Вл. С. Соловьёва), патетически упрекавшим Европу в «измене России с Турцией». *«Европа ничему не изменяла, но со стальной последовательностью стремится к одной и той же цели как на Флорентийском соборе, так и на Парижском конгрессе. Цель эта — подчинение себе славяно-греческого православно-го мира какую бы то ни было ценою. Оттоманская же власть (борется ли с нею Европа, или поддерживает её) составляет в её глазах только средство для достижения этой цели»*, повторяет Данилевский свою мысль, уже высказанную выше в той же главе. «Отношение Европы к туркам никогда не было бескорыстно», — пишет он, напоминая о готовности Европы протянуть руку погибающей Византии «под условием отказа от его духовного сокровища — отречения от православия», того условия, которое «дряхлая Византия» не выполняла, что, по мнению Данилевского, отразилось в сербском сказании о битве на Косовом поле, где князю Лазарю в видении предлагается выбор между земным венцом и победой и между венцом небесным, купленным ценою смерти и поражения. «Инстинктивно-пророческий дух народной поэзии как бы видел в победе над оттоманскою силою потерю духовной самобытности народа. И поныне предпочитают славяне Турции тяжёлое мусульманское ярмо цивилизованному владычеству Австрии», — заключает тот же Данилевский, который описывает ислам как «леденящую руку» на горле славян; тот же Данилевский, что славит Екатерину и Потёмкина за присоединение Крыма; тот же Данилевский, что считает изгнание турок «из славянской и греческой земли» лежащей на русских нравственной

обязанностью, с которой сопряжён «свободный вход в наш собственный дом» через Босфор и Дарданеллы.

Леонтьев ни на йоту не расходится с Данилевским, продолжая его мысль о небескорыстном, манипулятивном отношении Европы к Турции, особенно когда турецкое могущество ослабло после серии войн: «Турция была уже тем унижена, что слабость её была признана всем Западом, который соединился для её спасения против нас. Одну, без посторонней помощи её уже не считали способною устоять». Он добавляет, что итог Крымской войны, в которой сказалась «посторонняя помощь», затронул в равной степени Россию: «Два восточных самодержавных государства — православное и мусульманское, оба к тому же весьма не эгалитарные и не либеральные по принципам и по строю своему; оба дотоле каждое по-своему весьма охранительные, — были одновременно, хотя и не в равной мере, побеждены и унижены... Россия, дотоле столь давно и крепко сословная, и Турция, в недрах своих столь неравенственная (по преобладанию мусульман над христианами), обе были разом развенчаны; обе более или менее усомнились в пригодности своих прежних порядков и приступили вольно или принудительно у себя дома к эмансипационным реформам новоевропейского стиля».

На своей дипломатической службе Леонтьев был прямым свидетелем «принудительных» реформ в Турции. Из многостраничной депеши Н.П. Игнатьеву 1 июня 1871 года: «Не знаю, будут ли со мной согласны другие мои сослуживцы в Турции, но семилетняя моя служба в этой стране приводит меня к следующему заключению. Администрация в Турции, можно сказать, стала хороша в последнее время: не говоря о генерал-губернаторах, которые почти все люди способные и развитые, но и мутесарифы и даже каймакамы попадают в самых глухих местах весьма порядочные. Главное зло не в управлении, а в судах. В [них] зло двоякого рода: неправда общая, так сказать,

Данилевский, при всех своих надеждах на панславянскую федерацию, честно предупредил, что роль «этнографического материала», «служащего чужим целям», может постигнуть и славянские народы. Век спустя к вошедшему в мировой оборот определению «лимитрофы» прибавятся понятия Н. С. Гумилёва о химерах и антисистемах.

политическая, т.е. суд по шариату людей не мусульманского закона, и неправда частная или личная, т.е. взяточничество и обман. Если бы всё зло было в шариате, то не было бы тех жалоб на тиджареты, которые слышны со всех сторон. Иногда случается, что в лукук-меджлисах муллы и кади судят лучше, чем христианские члены Торгового суда. *Турция, мне кажется, поторопилась, в угоду европейскому общественному мнению, отделить судебную власть от управительственной.* Нередко случается, что и самые честные паши вынуждены терпеть христианских судей самого гнусного нравственного характера **из политических соображений**. Так, Ахмед Рассим-паша ничего не смог сделать с председателем Янинского тиджарета — Чапалиди, хотя сам не раз признавался мне, что Чапалиди — мошенник. Поймать бесчестного судью в Турции очень трудно... глава тиджарета больше зависит от своего министерства в Царьграде, чем от Вали, и, сверх того, Чапалиди записался в турецкие шпионы и волей-неволей заставил Ахмеда Рассим-пашу возносить себя...

В этой и многих других депешах Леонтьев сообщал о том явлении в южнославянских странах, которые современному наблюдателю этого региона (после «освобождения» от СССР) хорошо знакомы, а именно — необыкновенное влияние воспользовавшихся демократизацией контрабандистов, теневых посредников и предводителей рэкетирских банд. «Разбойник Тако Арванитакис опять (появился) в Фессалии... Пограничные войска, как Эллинские, так и Турецкие, прилагают всё ста-

рание, чтобы уничтожить эту шайку, но... это безуспешно». «Генерал-губернатор Эпира (Албании) обещал выдать Греции одного тамошнего разбойника Мандзуки, но обещание ещё не исполнено...» «В Элладе царствует игра партий, парализующих действия отрядных начальников против разбойников. До 150 человек из последних скрываются заведомо в Акарнании под начальством атаманов Мариони, Ступа, Лярокани, Паласка, Куцо-Яни, Саламура и др. В покровительстве разбойников обвиняют особенно Гриваса. Так, был захвачен и посажен в крепость разбойник и бывший атаман Георгий Фезу. Но через несколько часов, когда они узнали, что он из партии Гриваса, его тотчас отпустили».

Упомянутый выше Ахмед Рассим-паша на прямой вопрос консула Леонтьева о том, кого он больше любит, болгар или греков, ответил любопытно, разделив при этом себя самого на человека и чиновника: «Как человек я греков предпочитаю: с ними можно, оставаясь пашою, проводить время; они способны говорить с нами как люди, забывая нашу государственную роль. С болгарями личные сношения почти невозможны: болгарин постоянно видит во мне пашу, все боится и думает, что я и слова просто не могу сказать. Политически я, конечно, предпочитаю болгар: будь к ним справедлив и снисходителен, они скажут тебе спасибо и будут пасть смирно, как волю. Волю эти становятся опасными только тогда, когда им под кожу забираются особые мухи: надо следить за этими мухами. Греков я политически ненавижу: мы

их никогда удовлетворить не можем и что бы мы для них ни делали, они будут кричать «народность!». Хотя с другой стороны ещё, управляя греками, я спокойнее. Болгарина не поймёшь: если он задумал что-нибудь, то он будет ещё покойнее и почтительнее, а грек ещё за два месяца до дела поднимет плечи выше и начнёт крутить усы».

Аллегория об «особых мухах» получила развитие у Леонтьева в полемическом пассаже об обратной стороне не турецкого, а русского покровительства: «Опасен не чужеземный враг, на которого мы всегда глядим пристально исподлобья. *Страшнее... брат близкий, брат младший и как будто бы беззащитный, если он заражён чем-либо таким, что, при неосторожности, может быть и для нас смертоносным.* Нечаянная, ненамеренная зараза от близкого и бессильного, которого мы согреваем на груди нашей, опаснее явной вражды отважного соперника...» Здесь он развивает другой тезис Данилевского — о народностях, которым не удаётся стать нациями. «Как в Солнечной системе наряду с планетами есть ещё и кометы, есть космическая материя в виде падучих звёзд, аэролитов и зодиакального света, так и в мире человечества, кроме положительно-деятельных культурных типов или самобытных цивилизаций, есть временно появляющиеся феномены, которые, совершив свой разрушительный подвиг... скрываются в прежнее ничтожество... Наконец, есть племена, которым не суждено ни зиждительного, ни разрушительного величия, ни положительной, ни отрицательной исторической роли. Они составляют лишь этнографический материал», — писал Данилевский, при всех своих надеждах на панславянскую федерацию честно предупредая, что роль такого «этнографического материала», «служащего чужим целям», может постигнуть и славянские народы. Век спустя к вошедшему в мировой оборот определению «лимитрофы» прибавятся понятия Н. С. Гумилёва о химерах и антисистемах.

Расхождение Данилевского и Леонтьева в оценке Турции состоит в том, что первый видит в ней (вместе с ее «ярмом») лишь разрушительный потенциал, а второй — самодержавное государство, ценностно близкое к России (даже в стадии распада), несмотря на религиозный барьер. В эссе «Владимир Соловьёв против Данилевского» он даёт альтернативный ответ на вопрос о том, чего России не хватает, чтобы не повторить ненароком судьбу огромной, но эфемерной империи Македонского. «Отчасти с г. Соловьёвым можно и согласиться: Рим не Рим (*а что-то иное, восточное*), но, разумеется, усиление подвигов мистицизма и высшей этики в России гораздо желательнее чрезмерного разрастания чисто учёного труженичества», — пишет он в одном месте, подчёркивая в другом «плодотворность туранской примеси в нашу русскую кровь». Позже, в статье «Плоды национальных движений на православном Востоке», высказав надежды на сильную объединённую Сербию, предлагает вместе с нею «присоединить как можно скорее

к этой первоначальной Восточной конфедерации на разумных условиях *остатки Турции и Персию*», специально поясняя: «Т.е. побольше вообще азиатского мистицизма и поменьше европейского рассудочного просвещения».

Крепость Акмолинск в то время уже была центром области, преобразованной из Области сибирских киргизов; в Персии сопротивлялся британцам Насер ад-Дин Шах, вернувший границы к Мекранскому побережью; в Турции против султана Абдул-Хамида II собралась партия «Единение и прогресс», которая оставит от империи ещё меньшие остатки. И кто бы тогда мог себе представить, что эта акмолинская степь через шесть с половиной десятилетий станет колыбелью русского космического прорыва, а что ещё через столько же времени «два восточных самодержавных государства — православное и мусульманское», вновь «не либеральные по принципам и по строю своему», хотя и в новой, номинально республиканской форме, — сойдутся здесь с прошедшей

собственные испытания Персией, одной из двух в мире теократий, и что здесь будут решаться самые чувствительные вопросы Ближнего Востока. Что другая теократия, Ватикан, деградирует до жалкого приложения к мировым «эгалитарным» кругам, выстроившим в Европе, ровно по предсказанию Леонтьева, «всеевропейскую республиканскую федерацию с каким-то среднеевропейским типом общества и с господством какого-то среднего человека». И что этот обезличенный тип, вообразивший в себя химерический «этнографический материал» лимитрофов, будет ритуально отбивать языческие поклоны лимитрофу-новобранцу, изображающему из себя пуп земли, — совсем как Болгария 1870-х, и с совсем такой же претензией на обезличенную и вконец расхристианенную среднюю европейскость.

Нельзя сказать, что это провидение Леонтьева — просто удачная догадка наподобие колдовских упражнений Нострадамуса или Ванги. Это продукт логики; это продукт эмпатии, то есть эстетического чувства; и наконец, это историософский завет для времён, востребующих и взращивающих пламенную мистику, «которой философия будет служить, как собака».

ПЛАНЕТА НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев были людьми не только не знакомыми между собой, но и противоположными по темпераменту: один тяготился общением, другой — одиночеством; один годами не выходил из имения, другой перемещался из страны в страну, из имения в восточную хижину, оттуда в келью, в имение и снова в монастырь; первый в свободное время писал лекции, второй — романы. Оба в строгом смысле были дилетантами, или, исключительно русским словом, — самоучками. Шпенглер, хотя получил более завершённое классическое образование, тоже пришёл не с кафедры: он писал «Закат Европы», преподавая математику в школе.

В особом значении, которое Шпенглер придавал дифференциальному исчислению, так же легко угадывается его математическое образование, как в параллелях организма с нацией у Данилевского и Леонтьева — их естественнонаучный бэкграунд. Точкой опоры для анализа учения Дарвина и его производных было именно биологическое образование Данилевского; в свою очередь, врачебный опыт Леонтьева подарил ему диагностическое чутьё, преломлявшееся во всём, чем бы он ни занимался.

И Данилевский, и Леонтьев были эстетами. По этой именно причине Данилевский в юности увлекался Фурье, за что был привлечён к делу Петрашевского и сослан в глухую провинцию; по той же причине прощал карьерному диссиденту Герцену его псевдо-антизападные остроты. Даже свой неологизм «европейничанье» Данилевский иллюстрировал таким сугубо эстетическим примером, как скульптура: «Мне случилось видеть колоссальную статую, недавно воздвигнутую в Севастополе

в честь адмирала Лазарева... фигура на огромном пьедестале на высоком и крутом берегу залива производит издали поразительный эффект. Но как только становится возможным рассмотреть подробности фигуры — ее мундирный фрак с фалдочками, панталоны в обтяжку, коротенькие ножны морского кортика, — надо привести себе на память все труды, понесённые адмиралом при устройстве Черноморского флота, и сопоставить их с печальной участью, постигшей его создание всего 4 года после его смерти, чтобы подавить более серьёзными и грустными мыслями невольно прорывающуюся улыбку. В колоссальных размерах современный европейский костюм, которым судьба и нас наградила, — колоссально смешон. А между тем художник сделал всё, что от него зависело: поза, отливка, отделка до самых мелочей, до складок мундира — всё мастерское... Как не замереть искусству, поставленному в такое узкое, стеснённое положение!» Это было написано за полтора века до появления у Мо-

сквы-реки колоссального, но жалкого Петра Великого в панталонах работы Зураба Церетели, а у берега Невы в Петропавловке — маленького, толстого и отталкивающего сидячего Петра работы Михаила Шемякина. Оба наших художника-современника европейничали по-своему: Пётр-мореход задумывался как Колумб; Пётр на скамеечке — как тиран, рубящий леса, головы и бороды по садистским мотивам. Оба потоптались не только на Петре, но и на Пушкине (какое там «дум великих полн»! какое там «вдаль глядел»!), и на златоглавой Москве, и на Санкт-Петербурге, «умышленном городе», где строительные правила ограничивали высоту зданий с исключением для храмов.

Эстетство Леонтьева доказывалось критиками его прохладным отношением к большой прозе Гоголя и Достоевского из-за обилия в ней персонажей-уродов. Конечно, Леонтьев был пристрастен; конечно, оба гениальных писателя-художника на самом деле обогатили своими отрицательными образами и ли-

терапию, и психологию; но нельзя не заметить, что психопатология «Мёртвых душ» и «Ревизора», «Идиота» и «Бесов» привлекала интерес больше европейского, чем русского читателя, — и что худшие из образованных западных клеветников России сегодняшнего дня регулярно обращаются к патологическим образам этих классиков для аргументации своих суждений о моральных дефектах русских и славян. Даже такой общепризнанный интеллектуал, как Генри Киссинджер, не в состоянии осмыслить мотивы нашего президента иначе как через патологическое мировосприятие Родиона Раскольникова.

В отличие от Шпенглера самые важные годы в жизни Данилевского и Леонтьева прошли на государственной службе. Данилевский, собиравший данные о социально-экономическом развитии российских губерний, именно из этого опыта вынес наблюдение о том, что, хотя общественные науки в каждой нации свои, политэкономия всему миру навязывается только одна — британская школа свободного рынка. Леонтьев, как признавали и поклонники, и враги, вынес свои представления о Юго-Восточной Европе из своего опыта дипломатической службы — где на практике столь же широко выходил за рамки прямых полномочий, как его мысль выходила за рамки стереотипов. Данилевский, как «телёнок с дубом», сражался с дарвинизмом как с одним из столпов «мировой эгалитарной революции». Никакая кафедра или редакция его к этому не призывала. Точно так же ведомство канцлера Горчакова не призывало Леонтьева заниматься тем, что сегодня назвали бы мягким влиянием — и на службе, где он вёл диспуты с болгарскими крестьянами, албанскими боевиками, турецкими пашами и греческими интеллектуалами-панэллинистами («профессор Марули в золотых очках»), и после службы, когда он обращался через головы политиков и послов к греческому народу, который французская пресса «учила» не верить русским,

И Данилевский, и Леонтьев, даже среди своих ненавистников, избегали ярлыка «теоретиков заговора» или политических донощиков. Находясь на самом переднем крае борьбы идей, они намеренно избегали разоблачительных жанров, в том числе и в адрес злейших врагов. И тем не менее они вызывали ненависть одними лишь своими намёками на несамостоятельность русской внешней политики в те времена, когда над ней довели оккультные влияния.

сговорившимся с болгарями. Его эссе «Панславизм и греки», по существу, было первым опытом того жанра, который мы сейчас называем «борьбой с фейками»; это была добротная, обоснованная, детализированная, логически стройная и полемически яростная контрпропаганда.

Этот текст Леонтьева мог бы не появиться, если бы не безрезультатность тех предупреждений, которые он на службе адресовал послу в Константинополе Н.П. Игнатьеву о «лукавстве» правящего класса освободившейся Болгарии. Другой тогдашний подчинённый Игнатьева, Ю.С. Карцов, позже писал, что «с принципами и отвлечённостями Игнатьев обращался довольно бесцеремонно. Политическому миросозерцанию его не доставало глубины исторического чернозёма. Однажды, по поводу болгарских церковных дел, советник А.И. Нелидов заметил, что православие Россия восприняла от Византии. «Совсем не от Византии, — возразил Н.П. Игнатьев, — а от славянских первоучителей Кирилла и Мефодия...» Когда болгарский клир провозгласил автокефалию от Константинопольского патриархата, Игнатьев с вехом Александра II хлопотал за болгар против греков — хотя свой церковный бунт болгары начали в Пасху 1860 года с многолетия султану вместо многолетия константинопольскому патриарху Кириллу VII. Предупреждая о том, что «не льстить надо славянам», а «изучить их и, если можно, если удастся, учить их даже, как людей

отсталых по уму, несмотря на кажущуюся их прогрессивность», К.Н. Леонтьев формулировал болезненный для кабинетных славянофилов вывод: «И чем ближе к нам нации по крови и языку, тем более мы должны держать их в мудром отдалении, не разрывая связи с ними. Идеалом надо ставить не слияние, а тяготение на рассчитанных расстояниях». Кто не прислушался тогда к этому хирургически беспощадному тезису, тот осознал его правоту в 1887 году, когда болгарское правительство С.Н. Стамболова вступило в союз с Австро-Венгрией против России — и точность этого предвидения был вынужден признать потом и Н.А. Бердяев.

И Данилевский, и Леонтьев, даже среди своих ненавистников, избегали ярлыка «теоретиков заговора» или политических донощиков. Находясь на самом переднем крае борьбы идей, они намеренно избегали разоблачительных жанров, в том числе и в адрес злейших врагов. В своём единственном ответе Соловьёву Данилевский лишь мягко заметил, что тот, кажется, «прельщён, соблазнен, подкуплен, но само собою разумеется, не деньгами и не лестью, а чем-то совершенно иным». Точно так же оба историософа допускали, что А.И. Герцен, оставаясь в «глупой» фронде к монархии, транслирует славянофильство вместо западничества опять же не за лесть и не за деньги. Они оба были достаточно великодушны и к нему, и к тайно общавшемуся с ним (а также с Блаватской) М.Н. Катковым.

И тем не менее они вызывали ненависть одними лишь своими намёками на несамостоятельность русской внешней политики в те времена, когда над нею довели оккультные влияния. Данилевский намекал на это, упоминая об экуменических опытах Павла, а затем — о странностях политики Александра I времён Священного Союза. Без специального комментария С.А. Вайгачева к изданию «России и Европы» 1991 года не легко понять, что имел в виду автор, говоря о «мистицизме и сентиментальности» этого государя, когда он «послал великого князя Константина в Варшаву призывать поляков к оружию для защиты их национальной независимости», а в Пруссии догадались, что он это делает «для собственного вреда». Источником сентиментальности было желание «загладить проступок великой бабки» (Екатерины) перед Европой, а также советы прорицательницы Юлианы фон Крюденер, которой Александр, плача, доверял свои планы и мысли, и которая (как позже Вл. С. Соловьёв) возвещала наступление «великой религиозной эпохи, которая приготавливается человеческому роду», а сам Священный Союз в записках трактовала так: «Священный союз между Иудой Маккавеем и его братьями против Антиоха Сирийского, воплощённого Антихриста, спас

Израиль закона. Крестовые походы, оправданные чудесами святого Бернара и смертью святого Людовика, основали дух рыцарства, который спас христианство от ига Полумесяца. Третий священный союз должен существовать во времена пришествия Антихриста, чтобы проложить путь христианству против него». Вещунья руководила внешней политикой, трактуя, например, восстание в Греции как начало Страшного суда, и устраивала ритуальные «сеансы» с криками и завываниями в салоне Голицыных вплоть до 1822 года, когда архимандрит Фотий вместе с А.А. Аракчеевым закрыли не только её салон, но и все масонские ложи.

Данилевский и Леонтьев высоко ценили мистику, на словах и в делах, и не видели для русского культурно-исторического типа (как и любого иного) пользы от магии. «Что такое и как должна проявиться теургия, это, вероятно, ещё покажет нам автор», — писал Данилевский в ответ Соловьёву, предлагая ему уточнить, допустимо ли великое самопожертвование, если за ним не стоит истина, и интересуясь далее: «Как поступить с папским решением, за которым наперёд уже признана непогрешимость?» И на всякий случай напоминала читателю: «О практических последствиях, об усилении полонизма, я уже и не говорю, ибо не может же

и он отрицать, что католичество смешало своё дело с полонизмом и наоборот, и что объединение славянства, в каком бы смысле его ни понимать, есть дело, предназначенное русскому, а не польскому народу...»

Развивая суждения Данилевского о «европейничанье», сказывавшемся во всём диапазоне российской внешней политики, Леонтьев указывал на парадокс между консервативными формами власти стран романо-германского типа и тем результатом, которых их совместная политика достигает. Не обсуждая детально этого парадокса, он оговаривался: «Я не хотел сказать, что Наполеон III, лорд Пальмерстон и австрийские государственные люди все притворялись, что они “будто бы” только хотят ослабить Россию и оградить Турцию, а в самом деле они все желают лишь либеральных реформ в обеих восточных империях. Разумеется, я, выражаясь так: “будто бы”, выражение это относил в этом случае не к личному или дипломатическому притворству руководителей западной коалиции, а, напротив того, к той поистине странной ошибке, которой в подобных случаях страдают даже самые великие деятели XIX века. *Все они с этой стороны являются лишь слепыми орудиями той таинственной воли, которая шаг за шагом ищет демократизировать, уравнивать, смешать социальные элементы сперва всей романо-германской Европы, а потом, быть может, и всего человечества*».

История не церемонится с сослагательным наклонением — во всяком случае, пока оккультисты новых времён не научились оборачивать время. И историческая наука, словами Данилевского, остаётся всечеловеческой, какие бы типы или лимитрофы не пытались её переписать. И в этой истории трагедия начала XX века остаётся таким же уроком, как трагедия конца XX века. Факт неусвоения уроков доказывается тем, что кликуши, присваивающие себе государеву логику, не были остановлены; что в оккультных ложах оказались исполнители высших военных

Трагедия начала XX века остаётся таким же уроком, как трагедия конца XX века. Факт неусвоения уроков доказывается тем, что кликуши, присваивающие себе государеву логику, не были остановлены; что в оккультных ложах оказались исполнители высших военных решений; что эти решения казались чудесно исполнимыми, а страшные провалы — легковесно пренебрежимыми («ещё наколдуем»); что внешнеполитические союзы строились исходя из оккультных откровений, знаков и примет, а не из качественных знаний, поставленных на службу своим, а не «общечеловеческим» цивилизационным приоритетам.

решений; что эти решения казались чудесно исполнимыми, а страшные провалы — легковесно пренебрежимыми («еще наколдуем»); что внешнеполитические союзы строились исходя из оккультных откровений, знаков и примет, а не из качественных знаний, поставленных на службу своим, а не «общечеловеческим» цивилизационным приоритетам.

У кликуш начала XX века были имена и фамилии. Одним из таковых был легальный марксист П. Б. Струве с вышеупомянутой статьёй «Великая Россия», транслировавший монархии её актуальнейшие задачи с точностью до наоборот. У кликуш конца XX века тоже были имена и фамилии; тот, кто первым сказал «покаяние», обозначил содержание и исход катастрофы. После которой последний генсек и первый президент был обнаружен уже прилюдно в оккультном обществе, где современные спириты вызывали египетских духов, называясь контактёрами.

Лев Александрович Тихомиров писал в 1911 году в «Московских ведомостях»: «Когда умы охватываются лжемистическим туманом оккультизма, людям, как одурманенным, начина-

ет казаться возможным то, что невозможно, и вредным то, без чего нельзя жить ни людям, ни обществу. И потому-то людям разумным и здоровым следует в наши дни не только бороться с такими деморализующими факторами, как оккультизм, спиритизм и т. п., но также и изучать организацию и действия всех этих “мудрецов” и “магов”. Но в изучении всяких явлений должно действовать с приёмами научной работы, с точным наблюдением, анализом, критикой, а не судить по случайным сплетням, может быть, нарочно распускаемым, не по обрывочкам случайно замечаемых фактов... Надо знать законы развития обществ, которые были бы такими же, как они есть, если бы никакого разрушения храма Иерусалимского и совсем не происходило. Вообще, изучение масонства может быть плодотворно *только при том условии, если оно ведётся научно*. Только такое изучение способно выяснить истинную степень влияния того или иного тайного общества на эволюцию народов и государств... Если здесь выступают тайные общества давние, прочные, укрепившиеся, то где же частным кружкам или от-

дельным лицам бороться с ними? Только государственная организация способна была бы раскрыть тайны масонства как общества заговорщиков. На то, что государство к этому способно, указывают долгие века его побед над тайными учениями и обществами. С тех же пор как государственная власть сняла с себя обязанность следить за вредными учениями и спасать общество от захвата его тайными организациями масонства, эти последние становятся всесильны. *Вне сомнения, достигнутая степень расшатанности России не может казаться для него достаточной. Мы, следовательно, можем ожидать повторения его усилий к потрясению нашей Монархии. Для предупреждения этого и необходимы соответственные меры власти*».

Эти слова Льва Александровича — не только трагическое предвидение, исходящее из логики и эстетического чувства. Это завет добросовестным конспирологам, то есть таким, которые исходят из истины и которых (как Данилевского и Леонтьева с Тихомировым) легко отличить по тому главному признаку, что они стремятся не запутывать, а распутывать узлы версий, мотивов и смыслов.

/ Александр РУДАКОВ /

Великий Индиктион: автономное время Русской цивилизации

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ГРАНИЦ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Трудно представить, что когда-то слово «цивилизация» можно было употреблять только в единственном,

но никак не во множественном числе. О цивилизации говорили как о мировом, планетарном феномене, развивающемся по законам линейного прогресса — от низших форм к высшим.

Факт множественности цивилизаций был впервые обнаружен в России. Родившийся 200 лет тому назад Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) совершил удивительное гуманитарное открытие.

Изучая закономерности развития исторических событий, он сделал вывод о том, что общемировой цивилизации как таковой нет и не может быть.

Цивилизаций множество, они могут существовать параллельно друг с другом, с разных сторон раскрывая потенциал, заложенный в человека Создателем. И ни одна из них не может претендовать на то, чтобы только себя считать венцом истории, а других — отставшими в развитии формами или тупиковыми ветвями исторического древа.

В XIX веке людьми, стоящими на высшей точке прогресса, считали себя западноевропейцы. Впрочем, они не были первыми из тех, кто отличался столь высокой самооценкой. Древние и средневековые китайцы тоже были убеждены, что за Великой Стеной живут агрессивные и отсталые дикари. Древние греки считали варварами высокоразвитых персов, лишь за собой оставляя право считаться цивилизованными людьми.

Однако Данилевский объяснил, что нет оснований делить народы на «передовые» и «отсталые». У каждого — свой путь, своя сфера приложения творческих сил, национального гения. Например, в древности римляне реализовали себя в сфере политики и права, греки — культуры и искусства, иудеи — религии. В наше время, постулировал он, рядом с западной цивилизацией, достигшей больших успехов в сфере науки, техники, культурного развития и совершенствования политических систем, рождается цивилизация русская, славянская — со своими особыми задачами, своей миссией.

У каждой цивилизации своё предназначение, свой вклад в копилку всечеловеческого опыта. Творцами их являются народы или группы близких по языку и культуре этносов.

Национальный характер, склад ума, мировоззрение определяют особенности культурно-исторического типа, высшей ступенью развития которого и является, по Данилевскому, цивилизационная стадия.

Как первооткрыватель цивилизационной теории, Данилевский абсолютно логично считал, что традиционная периодизация всей истории человечества, разбивающая ее на древнюю, среднюю и новую эпохи — «совершенно искусственна». Для каждой цивилизации актуальны свои собственные исторические периоды.

К примеру, Данилевский полагал, что расцвет культурно-исторического типа, его переход в цивилизационную стадию длится примерно 600 лет, которому предшествует ещё примерно тысяча лет, приходящихся на подготовительный период, время зарождения и развития. К такому выводу он пришёл, изучая параметры великих цивилизаций прошлого, уже прошедших период своего «плодоношения». Таким образом, существование культурно-исторического типа длится, по Данилевскому, примерно шестнадцать веков.

ВРЕМЕНА И СРОКИ

Примечательно, что эти цифры соответствуют хронологическим границам Миротворных кругов, или Великих Индиктионов¹, по которым рассчитывалась православная пасхалия. Их продолжительность составляет 532 года. Продолжительность трёх таких циклов как раз и составляет шестнадцать веков.

Этот цикл был рассчитан в Константинополе в IV веке и имеет фундаментальное значение для всего церковного юлианского календаря. Церковная неделя с пульсирующим событием воскресения в центре, светский индикт и единообразная пасхалия интегрировали три потока времени — «объективное (космическое) время» (солнечный год юлианского календаря), «сакральное литургическое время» (расчёт пасхалии учитывает фазы Луны и наступление весеннего равноденствия), и «политическое (имперское) время» (15-летний индиктион, заменивший исчисление по Олимпиадам).

Выдающийся исследователь — хронолог А.Н. Зелинский утверждает, что «сакральный календарь Средневековья упорядочивал время, не он

Данилевский полагал, что расцвет культурно-исторического типа, его переход в цивилизационную стадию длится примерно 600 лет, которому предшествует ещё примерно тысяча лет, приходящихся на подготовительный период, время зарождения и развития. Примечательно, что эти цифры соответствуют хронологическим границам Миротворных кругов, или Великих Индиктионов, по которым рассчитывалась православная пасхалия. Их продолжительность составляет 532 года. Продолжительность трёх таких циклов как раз и составляет шестнадцать веков.

¹ Великий Индиктион (Миротворный круг) — название полного пасхального цикла продолжительностью в 532 года. По истечении Великого Индиктиона даты православной Пасхи, вычисленные по церковно-юлианскому календарю и православной пасхалии, повторяются в том же порядке.

Начиная с IV века прошло три Великих Индиктиона 345–877, 877–1409, 1409–1941, и в 1941 году начался ещё один цикл. И с каждым из этих циклов соотносятся вполне законченные исторические периоды в судьбе наследовавших друг другу цивилизаций восточно-христианской «цивилизационной цепи». С точки зрения цивилизационного подхода эти периоды можно называть цивилизационными циклами или циклами цивилизационного развития.

зависел от времени, а в известном смысле время зависело от него»².

Начиная с IV века прошло три Великих Индиктиона 345–877, 877–1409, 1409–1941, и в 1941 году начался ещё один цикл. И с каждым из этих циклов соотносятся вполне законченные исторические периоды в судьбе наследовавших друг другу цивилизаций восточно-христианской «цивилизационной цепи». С точки зрения цивилизационного подхода эти периоды можно называть цивилизационными циклами или циклами цивилизационного развития.

Начать наш исторический путь нужно с указания на материнскую цивилизацию, в чреве которой вынашивался будущий эмбрион Святой Руси. Это цивилизация Восточного Рима, цивилизация Константинополя, Византия.

Жаль, что Данилевский «не заметил» Византию в веренице культурно-исторических типов, она осталась неизвестной величиной в его уравнении цивилизаций. Между тем без неё история свершений человеческого духа выглядит неполной, конструкция прошлого неустойчива, в ней образуеться пустота.

С IV по IX век Византия включала в себя весь христианский мир с политическим центром в Константинополе и духовным центром в Риме. Христианский мир был единым целым (долгое время один из двух

консулов находился в Вечном городе, а другой — в Царьграде) и его границы примерно совпадали с границами Римской ойкумены.

Однако Рим, который во время Августа и Трояна был центром империи, в христианскую эпоху стал её периферией. Великое переселение народов, перед лицом которого Константин построил «Ковчег», «Город-убежище» на Босфоре, практически разрушило римско-эллинистическую цивилизацию на Западе. Красноречивый пример: водопровод, который был разрушен в Риме после нашествий V века, был восстановлен лишь через тысячу лет.

Не лучше обстояло дело и с культурными ценностями, которые померкли во мраке Тёмных веков. Собственно, и великий Рим превратился в небольшой по имперским меркам городок, всё значение которого сводилось лишь к персоне христианского епископа, имевшего резиденцию на Ватиканском холме.

Тогдашний Рим мало напоминал помпезную имперскую столицу, однако всё же оставался важным политическим символом, вокруг которого в середине IX века начались политические процессы, давшие начало современной западной цивилизации.

В 858 году папа римский и патриарх Константинопольский впервые разорвали отношения между собой. Этот разрыв вскоре был преодолен,

однако уже тогда было очевидно, что западная церковь начинает трансформироваться в некое средневековое сверхгосударство, где римский первосвященник имеет не только духовную, но и светскую власть, а его воля должна стать источником суверенитета для средневековых королей.

В это же время происходит и рождение нашей цивилизации, которое было отмечено двумя событиями — созданием славянской азбуки святыми Кириллом и Мефодием и основанием Рюриком древнерусского государства. Оба эти события лежат на пороге Миротворного Круга, начавшегося в 877 году и закончившегося в 1409-м.

«ЦИВИЛИЗАЦИЯ, РОЖДЁННАЯ СИЛОЙ МЫСЛИ»

В каком-то смысле можно сказать, что наша цивилизация, наш культурно-исторический тип возникли совершенно необычным образом, не по модели «вызов-ответ» в духе Тойнби, а как результат мистического озарения двух выдающихся людей.

Период с IV по IX век был крайне тяжёлым и неблагоприятным для славян. Их образы впервые появляются на страницах исторических хроник применительно к событиям IV века, когда король готов Винитар обманом пленяет славянских старейшин и распинает их на крестах. После разгрома готов народ-страдалец продолжает нести тяготы под ярмом завоевателей, меняя одно иго на другое.

Гунны, а затем авары, франки поочередно сменяют друг друга, требуя поклонения и дани, славяне отчаянно сопротивляются, но успеха не достигают.

Но вот вдруг наступает момент, когда происходит чудо, когда этническая общность, которая, казалось бы, навсегда обречена на то, чтобы стать, по словам Данилевского, «этнографическим материалом», вдруг обре-

² Зелинский А.Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря. — М.: Изд-во Подворья Русского на Афоне Свято-Пантелеймонова монастыря в Москве, 1996. С. 27.

тает все уровни субъектности и сама становятся творцом истории.

Всё произошло буквально по Писанию, «и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (1. Кор.1:27). Святые Кирилл и Мефодий выступили не просто «создателями славянской письменности», но творцами нового сакрального языка и, на его основе, новой религиозной культуры и самосознания народа. По сути, наш культурно-исторический тип возник в их светоносных умах, на кончике пера сделанных ими переводов, а уже потом материализовался в пространстве и на географических картах.

СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ

Для русского культурно-исторического типа период с 877 по 1409 г. стал временем его зарождения. Пе-

риод с 1409 по 1941 год (границы следующего Великого Индиктиона) — это фаза развития. Следующий 532-летний цикл, начавшийся в 1941 году, становится временем «плодоношения», перехода русского культурно-исторического типа в цивилизационную фазу.

Переход из стадии зарождения в стадию развития связан с событием, не имеющим отношения к политическим процессам или войнам. Оно произошло в тишине монашеской кельи, было сокрыто от посторонних глаз. Святый преподобный Андрей Рублёв написал, пожалуй, самую значительную и самую великую икону в русской религиозной истории — «Троицу».

Творение Рублёва стало прорывом не только в религиозном искусстве, но и в богословии. До Андрея Рублёва никто не мог решить эту

задачу — отобразить догмат о триединстве Божества на визуальном-символическом уровне. Вокруг самой возможности такого действия в Византии на протяжении более ста лет шли ожесточённые споры и религиозные конфликты. Андрей Рублёв смог «описать неопишемое», «изобразить неизобразимое», сделать то, что ещё вчера было открыто лишь искушённым богословам, очевидным для всех людей.

Спустя сто лет старцем Филофеем была сформулирована и концепция «Третьего Рима», которую многие до сих пор ошибочно считают обоснованием неких политических амбиций, политической преемственности от Римской империи и Византии, претензий на Константинополь, о которых много говорили перед и во время Первой мировой войны. В реальности же речь шла о вопросах исключительно духовных, касавшихся религиозной миссии Руси, сохранения веры в неповреждённой чистоте.

УТРАТА И НОВОЕ ОБРЕТЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Новому культурно-историческому типу, делающему первые шаги в пространстве истории, было непросто устоять перед всесторонней экспансией могущественного соседа. Технологические заимствования в ходе диалога с Западной Европой нередко влекли за собой идеологические влияния, многие из которых были разрушительны для наших предков. Если при Петре Первом перенимались, в основном, технологии и внешние формы быта, то с середины XVIII века наша цивилизация попала в орбиту притяжения Запада и постепенно начала утрачивать свою идентичность. Роковую роль в нашей исторической судьбе сыграло увлечение элиты идеями Вольтера («вольтерьянство») с его враждебностью к христианству и народной культуре.

Всё это привело к расцвету крепостного права в его самых уродливых формах, создало культур-

ный барьер между общавшимся по-французски дворянством и простыми людьми. В 1762 году после обнародования Петром III «Манифеста о вольности дворянской» сословное, «тягловое» государство почти на 100 лет превратилось в кастовое государство, где остававшийся носителем цивилизационной идентичности народ, по сути дела, находился в зависимости у дворянского сословия, за редким исключением считавшего себя представителями западного мира.

После победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года начался новый этап. К нашим предкам постепенно стало возвращаться понимание того факта, что Россия и Запад — это разные культурно-исторические типы, хотя и принадлежащие к одной цивилизационной семье, восходящей к Восточному Риму — Константинополю.

Именно в это время Пушкин, Гоголь, Хомяков, Киреевский, Достоевский, Тютчев, братья Аксаковы заложили основы самосознания русских как глобальной нации, которой предстоят великие исторические свершения. Чуть позже, на рубеже XIX–XX веков русский культурный класс породил собственную систему философских школ и учений, не уступавшую по своему интеллектуальному масштабу античной, индийской или немецкой классической философии. Пожалуй, это достижение Русского мира является сегодня одним из самых недооценённых.

Имена Лосского, Бердяева, Ильина, Булгакова, Флоренского Франка имеют такое же значение для нашей культуры, как Пушкин, Гоголь, Достоевский и Толстой, в мировом масштабе их можно соотнести с Платоном, Аристотелем, Пифагором или с Кантом, Гегелем, Шеллингом, Ницше.

Значение концепций выдающихся русских мыслителей, в своих прозрениях указавших на просвещающую сквозь контуры космоса тайну бытия, таинственную связь Бога, человека и мира, — невероятно велико, этот духовный ресурс является подлинным сокровищем нашей цивилизации, выводя её на уровень «хозяев мысли».

Трагедия 1917 года, поразившая нашу цивилизацию «на взлете», привела к фактическому поражению России в Первой мировой войне. Федерация славянских государств, о которой мечтал Данилевский, не сбылась. Казалось, в пламени двух революций и гражданской войны наш культурно-исторический тип обрекается на исчезновение.

Во второй четверти XX века это предчувствие было во многом обоснованно, тем более, что, в скрытой форме культурного

и религиозного конфликта гражданская война не прекращалась почти 25 лет, вплоть до начала Великой Отечественной войны. Однако перед лицом нацистского нашествия советское руководство радикально поменяло мировоззренческие настройки, вернувшись к идее цивилизационной связи с исторической Россией.

Мы привыкли считать советский период нашей истории чем-то целостным, единым, однако этот стереотип едва ли можно назвать соответствующим исторической правде.

В реальности же довоенный СССР и Советской Союз в годы Великой Отечественной войны, и, затем, в послевоенные годы — это принципиально разные социокультурные и цивилизационные проекты, один из которых строился на отрицании исторической России, а второй, при всех оговорках, культивировал свою преемственность по отношению к ней.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ФАЗА

Символично, что именно в 1941 году начался новый Великий Индиктион, (1941—2473), а вместе с ним, возможно, и решающая, высшая стадия развития русского культурно-исторического типа. На переломном этапе своего развития Россия смогла не только защититься и выжить, но и отстоять свои ценности и идеалы, восходящие к гуманистической восточно-христианской традиции.

После Победы 1945 года начался взрывной, не имевший аналогов в истории переход нашего культурно-исторического типа в цивилизационную фазу, рост русских достижений.

Новые открытия, новые технические решения следовали одно за другим. Высшей точкой этого процесса стал выход в космос, связанный с именами двух русских людей, сохранивших духовную связь с православной традицией — Сергея Королёва, заново обретшего веру в лагерном застенке, и Юрия Гагари-

на, не побоявшегося с официальной трибуны требовать восстановления храма Христа Спасителя.

Геополитическая катастрофа 1991 года не смогла остановить дальнейшее развитие нашей цивилизации. Следуя открытой Данилевским логике цивилизационного времени, мы можем предположить, что впереди у нас ещё несколько веков. В этом смысле концепции Данилевского органично сопрягаются с идеями Л. Н. Гумилёва, считавшего, что Россия, подобно Византии времен Македонской династии, выходит в период субпассионарности, «золотой осени» нашего культурно-исторического типа, когда наступает время разумно распорядиться достижениями предков.

Переживаемый нами сейчас исторический момент драматичен до предела, многое поставлено на карту. Но остаётся надежда на то, что сама логика исторического пути нашей цивилизации позволит России в который раз «перешагнуть через пропасть».

ИСТОРИЯ КАК ЛЕГЕНДА

Если посмотреть на то, как циклы Великих Индиктионов накладываются на различные периоды развития русского культурно-исторического типа, то картина получается достаточно органичная. Совпадение?

Или всё объясняется тем, что система хронологических координат, определяемых сакральным календарём, помогает лучше понять суть исторических процессов, происходящих на том или ином цивилизационном пространстве?

Так или иначе, исследователями древних хронологий не раз отмечалось, что календарь, укоренённый в религиозной традиции, обладает способностью не только фиксировать прошлое, но и структурировать (планировать, организовывать) будущее. Со своей стороны, цивилизационно мотивированная история может дать интерпретацию этому процессу.

Сегодня исторические школы, доминирующие на Западе, нацелены на яростную десакрализацию истории. Одновременно в нашем Русском мире интенсивно растёт запрос на историческую глубину, на «поиск тайны» в истории.

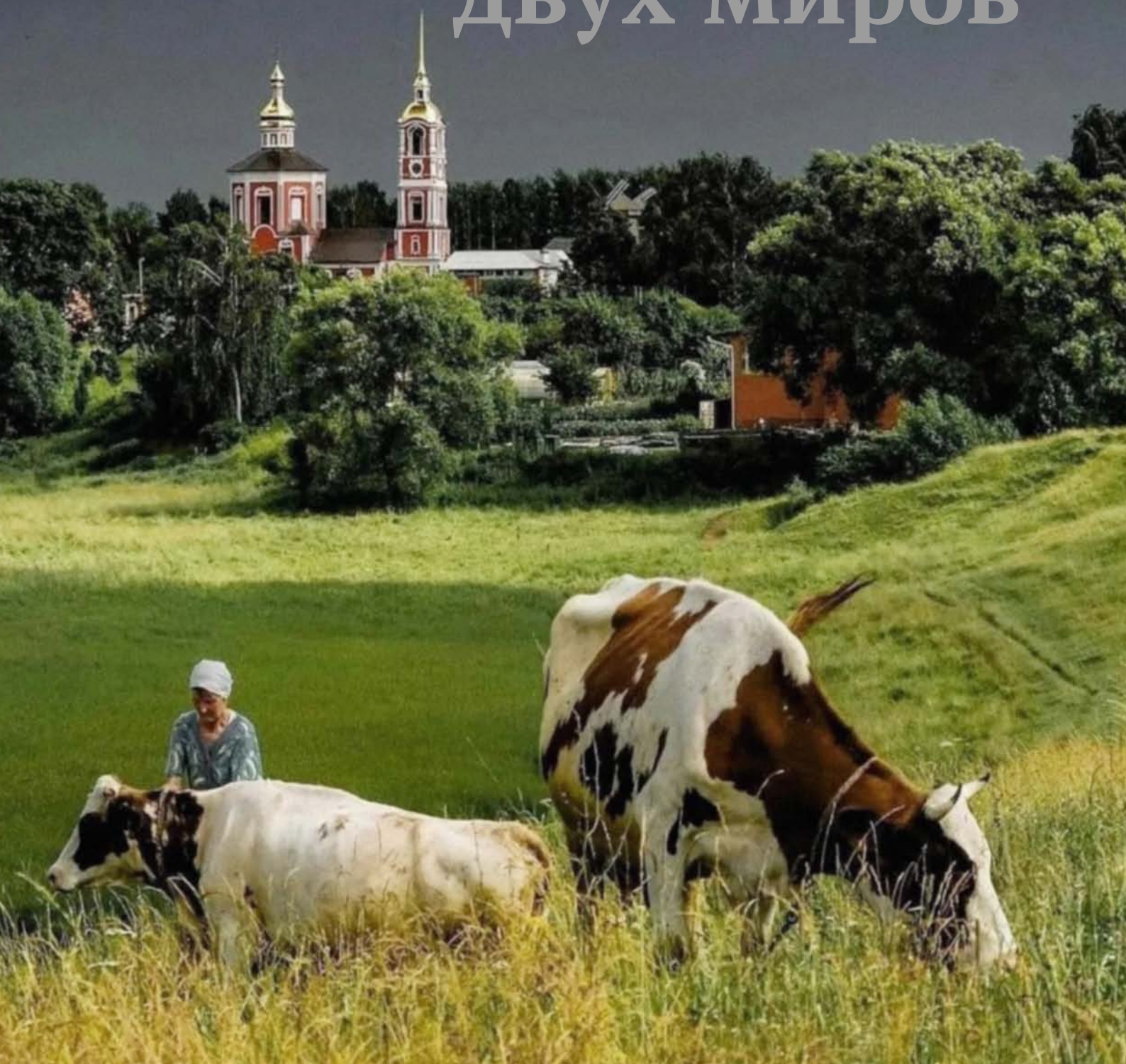
Поэтому время пришло. Пора переосмыслить границы исторических времён, становиться «хозяевами истории», каковыми были когда-то Филофей Псковский и его ученики. Рефлексия на тему автономного исторического времени и базирующихся на концепции сакрального времени русских цивилизационных циклов даст возможность сделать шаг навстречу истории в её сакральном измерении. Шаг навстречу истории как Легенде.

Сегодня исторические школы, доминирующие на Западе, нацелены на яростную десакрализацию истории. Одновременно в нашем Русском мире интенсивно растёт запрос на историческую глубину, на «поиск тайны» в истории. Поэтому время пришло. Пора переосмыслить границы исторических времён, становиться «хозяевами истории». Рефлексия на тему автономного исторического времени и базирующихся на концепции сакрального времени русских цивилизационных циклов даст возможность сделать шаг навстречу истории в её сакральном измерении.

/ Владимир ТИМАКОВ /

Неизвестная граница двух миров

Линия Хайнала... Этот термин хорошо знаком только демографам, да и то не всем. Некоторые считают, что он имеет чисто историческое значение и давно уже неактуален. А зря — за открытием венгерского учёного стоят смыслы, далеко выходящие за рамки прикладной демографии.

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ВОСТОК И НАЧИНАЕТСЯ ЗАПАД?

Джон Хайнал, гражданин Великобритании венгерского происхождения, обрёл известность после Второй мировой войны благодаря своим глубоким статистическим исследованиям. Областью его интересов являлась брачность европейских народов на протяжении всего предыдущего столетия. Обработав горы данных, собранных во всех уголках континента, Хайнал сделал неожиданный вывод: Европа делится на две части, различающиеся своим отношением к семейной жизни. В одной части материка люди почти поголовно вступают в брак, причём обычно играют свадьбы рано. В другой части не торопятся с заключением брачных союзов, и заметная часть жителей остаётся пожизненными холостяками. Линия, которая разделяет два общества с непохожими брачными стратегиями, протянулась от Петербурга на Балтике до Триеста на Адриатике¹. Социологи назвали её именем автора — Линией Хайнала. К востоку от неё брачность ранняя и почти всеобщая, к западу — заметно более поздняя и более избирательная.

Нетрудно заметить, что проведённая венгерским демографом воображаемая черта, отражающая вполне осязаемые социальные различия, близка к исторической границе христианского раскола между православием и католицизмом. Однако это совпадение не абсолютно: в отношении брачности ряд католических народов (таких как литовцы, венгры, хорваты, словаки) скорее попадают в одну компанию со своими православными соседями. Польша же вовсе оказывается разрезанной Линией Хайнала надвое: семейные традиции польского юго-востока напоминают брачную стратегию восточных европейцев, а матримониальные обычаи северо-западных воеводств страны говорят о сходстве с европейцами западными.

Более внимательный взгляд на историю двух частей континента позволяет заметить, что территории к востоку от Линии (даже те из них, где распространено западное христианство) долгое время находились под контролем незападных держав: Венгрия, Словакия и значительная часть Хорватии в XVII веке входили в состав Османской империи, а существенный фрагмент Польши в XIX веке принадлежал империи Российской. Ещё одно наблюдение: на большей части своего протяжения черта, проведённая Хайналом, совпадает с восточным пределом распространения германских владений: в Прибалтике это рубежи Ливонского ордена; в Центральной Польше — контур сегмента Речи Посполитой, полученного при её разделе Пруссией; а от Силезии до Триеста — древняя граница Священной Римской империи германской нации. Эти факты заставляют предположить, что Линия Хайнала и есть визуальное воплощение того самого сакрального разделения между Западом и Востоком: всё, что расположено к западу от неё — это пресловутая западная цивилизация, а то, что простирается к востоку — либо не относится к западной цивилизации совсем, либо вовлечено в её орбиту, но так и не стало Западом в полном смысле этого слова.

Хотя заявление Адольфа Гитлера о том, что «граница между Европой и Азией про-

Факты заставляют предположить, что Линия Хайнала и есть визуальное воплощение того самого сакрального разделения между Западом и Востоком: всё, что расположено к западу от неё — это пресловутая западная цивилизация, а то, что простирается к востоку — либо не относится к западной цивилизации совсем, либо вовлечено в её орбиту, но так и не стало Западом в полном смысле этого слова. Если считать Европу не географическим понятием, а культурологическим феноменом, — то восточнее Линии Хайнала начинается, конечно, не Азия, но как минимум «Другая Европа».

¹ Hajnal John. European Marriage Patterns in Perspective/Population in History. London, 1965.

К востоку от Линии Хайнала		К западу от Линии Хайнала	
Албания	76,1%	Австрия	50,1%
Болгария	72,0%	Англия и Уэльс	54,4%
Венгрия	67,4%	Италия	44,3%
Румыния	75,9%	Франция	53,3%
Югославия	63,4%	ФРГ	50,6%

Таблица 1.

**Доля женщин, состоящих в браке к 24 годам, восточнее и западнее
Линии Хайнала, 1970-е годы.**

Источник: *Народонаселение стран мира. Под ред. Б.Ц. Урланиса
и В.А. Борисова — М., 1983.*

ходит не по Уралу, а на том месте, где заканчиваются поселения настоящих германцев»², вдохновлено расистской спесью, оно отнюдь не беспочвенно. Если считать Европу не географическим понятием, а культурологическим феноменом, охватывающим народы одного культурно-исторического типа с общим набором ценностей, — то восточнее Линии Хайнала начинается, конечно, не Азия, но как минимум «Другая Европа». При всей одиозности гитлеровского мировоззрения, такой взгляд на культурные границы западной цивилизации был достаточно типичен для многих западных европейцев, которые свысока глядели на своих соседей и считали обитателей восточных окраин континента, пускай даже и единоверцев, не вполне «своими». Так, например, идейный антипод бесноватого фюрера, Фридрих Энгельс также неоднократно подчёркивал культурную чуждость славян, за исключением поляков, прогрессивной революционной Европе³. То есть и западноевропейские правые, и западноевропейские левые ощущали разделяющий континент незримый барьер — в основном совпадающий с Линией, открытой венгерским демографом.

НЕ ВРЕМЯ РАЗНОЕ — ЧАСЫ ДРУГИЕ!

Впрочем, есть и иная точка зрения. Различия между двумя частями европейского континента можно выводить не из наличия двух оригинальных культур, а просто-напросто из разного уровня развития. Существует

соблазн объявить народы юго-восточного региона отставшими от своих северо-западных партнёров — тогда особенности брачного поведения легко объяснить наследием патриархального общества на юго-востоке и модернистскими тенденциями, проявляющимися на северо-западе. Мол-де, подавлявшие индивидуальную волю консервативные обычаи требовали поголовного вступления в брак по достижении совершеннолетия, и задержавшиеся в прошлом восточные европейцы продолжали выполнять эту устаревшую установку даже в первой половине XX века, а вот раскрепощённые западные европейцы к тому времени уже сами определяли свою судьбу, свободно выбирая между семейными узами и холостой жизнью. Если эта логика верна, то Линию Хайнала надо располагать не в пространстве, а во времени, не между Востоком и Западом Европы, а между её прошлым и её будущим. А значит, с годами современные семейные принципы придут и на восточные окраины континента, стирая призрачную границу, начертанную от Петербурга до Триеста.

Такое модернистское объяснение кажется убедительным — но только в теории. Статистика же отнюдь не подтверждает линейный переход от некоего патриархального общества с тотальной ранней брачностью к некому прогрессивному с брачностью выборочной и поздней. По крайней мере, такой переход не наблюдался в период, изучавшийся Хайналом.

Вот, например, Финляндия — один из образцов типичной западноевропейской семейной стратегии. В 1910 году 31% финских женщин, достигших тридцатипятилетнего возраста, так и не вступил в брак. Поколение спустя, в 1940 году, доля «соломенных вдовушек» соответствующего возраста в Финляндии приблизилась к 34%. Вроде бы налицо рост числа незамужних по мере прогресса — если не учитывать, что это, второе поколение несостоявшихся финских невест потеряло часть своих потенциальных, более старших женихов в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Зато в 1960 году замужем не побывало всего 18% тридцатипятилетних финок — хотя поколение их женихов понесло самые тяжёлые

² Цит. по: Кожин В.В. Россия. Век XX-й (1939-1964). (Опыт беспристрастного исследования). — М: «Алгоритм», 1999.

³ Энгельс Фридрих. Демократический панславизм/К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Том 6. — М., Государственное издательство политической литературы, 1957.

потери на полях Второй мировой. Получается, что по мере распространения современных тенденций — урбанизации, роста грамотности, укрепления женской независимости и т.д. — финские женщины (как и мужчины, что подтверждает статистика по сильному полу) не стремились освободиться от бремени семейных уз, а напротив — стали регистрировать браки чаще. Такую же закономерность — рост доли мужчин и женщин, создающих семьи, — демонстрировала между 1910 и 1970 годами демографическая статистика Великобритании, Нидерландов, Швеции, Швейцарии и иных стран западного брачного ареала⁴. Получается, что именно старое, патриархальное западноевропейское общество сдерживало матримониальную активность. Иными словами, установки патриархального общества Западной Европы коренным образом отличались от установок патриархального общества на Востоке континента. Говоря о Линии Хайнала, речь следует вести не о том, что одно общество отстало от другого, двигаясь по единой для всех дорожке прогресса, а о наличии двух разных, оригинальных траекторий движения.

К середине 70-х годов XX века, несмотря на, казалось бы, полностью завершившееся к тому времени размывание вековых патриархальных традиций (причём на социалистическом Востоке Европы этот процесс разрыва с прошлым шёл интенсивнее, чем на Западе), разница между двумя ареалами, обозначенными Джоном Хайналом, оставалась по-прежнему очевидной. Об этом свидетельствует, например, сравнение доли ранних браков в наиболее типичных странах восточной и западной части Европы (таблица 1).

Демографические различия, выявленные Хайналом, сохранялись и внутри Советского Союза, несмотря на единство законодательства и политического строя. Так, например, в 1970 году среди женщин возрастной когорты 30–39 лет незамужними оставалось около 15% украинок, белорусок и русских (восточный ареал), в то время как среди эстонских и латышских женщин (западный ареал) эта цифра составляла 23%⁵. В то же время доля женщин, вышедших в 1970-м замуж в возрасте до 20 лет, среди восточнославянских народов примерно вдвое превышала эту долю среди народов Прибалтики⁶.

⁴ Народонаселение стран мира. Под ред. Б.Ц. Урланиса и В.А. Борисова — М., 1983.

⁵ Сравнивая эти цифры с финскими (приведёнными выше), не забудем, что послевоенные половые диспропорции в СССР были в два с лишним раза сильнее, чем в Финляндии.

⁶ Народонаселение стран мира. Под ред. Б.Ц. Урланиса и В.А. Борисова — М., 1983.

В наши дни брачная статистика может показаться не столь красноречивой — поскольку в обеих частях континента распространились так называемые гражданские, или, на языке демографии — консенсуальные браки, не попадающие в официальные отчёты. Зато неоспоримым доказательством того, что пара создана с серьёзными намерениями (не важно, зарегистрирована она при этом или нет), является рождение детей. Возраст первых рождений в данном случае — отличный маркер, позволяющий сравнить сроки начала полноценной семейной жизни в двух частях Европы. Эти сведения убеждают, что обнаруженные Хайналом различия сохраняются и в наши дни.

Так, по данным Eurostat 2019 года, средний возраст рождения первенцев в России, Белоруссии, Болгарии, Румынии, Словакии, на Украине был около 26 лет, а в германоязычных странах, Нидерландах, Италии, на Пиренеях и в Скандинавии — приближался к 30-летней отметке и даже превышал её.

«ГЕН ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ К КРИЗИСУ»

Сроки вступления в брак и доля оставшихся холостыми — не единственные параметры, разделившие европейский континент на Се-

веро-Запад и Юго-Восток. Внимательное изучение статистики заставляет признать, что линия Хайнала актуальна и в других случаях. Например, общества Западной и Восточной Европы отличаются реакцией на экономические кризисы. Когда осенью 2008 года закатались мировые валюты и практически во всех экономиках планеты началось снижение ВВП, народы Запада отреагировали практически мгновенно. Уже через десять месяцев в большинстве западноевропейских стран и в заокеанских ветвях Западного мира (США, Австралии, Новой Зеландии) началось снижение рождаемости. Количество младенцев, появившихся на свет в 2009 году в странах западной цивилизации, оказалось на 3% меньше, чем в 2008-м. И это при том, что в предыдущие годы там наблюдались умеренно-позитивные демографические тренды⁷.

Зато в странах восточноевропейского ареала на кризис 2008 года не отреагировали никак. Позитивные демографические тенденции сохранились, будто никакого ухудшения экономических условий не произошло. В России, Белоруссии, Болгарии, в большинстве стран бывшей Югославии, в Молдавии и Словакии рождаемость продолжила расти, увеличившись в среднем почти на 3%. А ведь встреча

⁷ Тимаков В.В. Один кризис и две Европы. <https://demograf.org/pub/issledov/odin-krizis-i-dve-evropy.htm>

2008–2009 годов затронула Восточную Европу сильнее, чем Западную: для сравнения, ВВП России сократился тогда на 7,9%, а еврозоны — только на 4,5%⁸.

Пожалуй, стоит перейти от сухих цифр к поиску исторических причин столь явно и устойчивого во времени разделения. Тем более, что кризис 2008–2009 годов даёт нам подсказку, в целом совпадающую с теми объяснениями, которые были предложены уже в первых работах на эту тему.

КАЖДЫЙ ЗА ВСЕХ ИЛИ ОДИН ИЗ ВСЕХ

Историки обратили внимание, что в странах к востоку от Линии Хайнала долгое время сохранялась передельная община, где каждая семья получала земельный надел пропорционально числу душ. Пахотные угодья находились в коллективной собственности общины (мира, верви, задруги, ополья и т.д.) и регулярно перекраивались между входящими в неё семьями. Ранний брак и рождение детей были гарантией обретения дополнительных земельных участков при очередном переделе.

В западной части континента, напротив, господствовала передача семейных участков по наследству, причём преобладал принцип майората — наследования всего имущества старшим из потомков. Майорат хорошо знаком нам с детства по популярной сказке Шарля Перро, где отец завещает старшему сыну мельницу (то есть все нажитые средства производства), а среднему и младшему — всего лишь осла и кота. Логика уходящего в мир иной папаши очевидна: судьба среднего и младшего отпрысков волнует его гораздо меньше, чем судьба родного бизнеса: созданная упорным трудом мельница должна сохраниться и ни в коем случае не пойти с молотка при разделе имущества!

Брачная стратегия в западной части Европы тоже оказывалась в прямой зависимости от описанной логики: счастливый наследник мог хоть сейчас вести невесту под венец, а обделённым младшим потомкам необходимо было сначала заработать на семейное гнездо, а потом уже думать о свадьбе. Вступление в брак отодвигалось на неопределённый срок, а порой и вовсе оставалось несбыточной мечтой. Отсюда — повышенный процент поздних браков и заметная доля старых холостяков.

Закономерно возникает вопрос: разве передельная община и майорат, заложившие старинные принципы брачных стратегий, продолжают оказывать своё влияние на современную демографию? Ведь приведённые в начале статьи примеры брачности и рождаемости относятся ко второй половине XX и к началу XXI века, когда большинство европейцев уже перебралось в города и стало зарабатывать на жизнь наёмным трудом, а земельная рента утратила свою былую роль? Неужели эти древние особенности земельного права могут как-то повлиять на выбор современных молодых людей?

Тут мы сталкиваемся с дилеммой, напоминающей известную загадку про курицу и яйцо: законы и обычаи формируют человека, или всё-таки человек пишет законы и создаёт обычаи? Судя по всему, принимая ещё в давние века свои правовые системы наследования, люди востока и люди запада Европы руководствовались разными ценностями. Для тех, кто жил к западу от Линии Хайнала во главе угла стояла **выгода**; для тех, кто обитал восточнее Линии — **справедливость**.

Возможно, западным европейцам не понравятся такие формулировки и они заметят, что их интересует не прибыль, не барыш, а **качество жизни**, — мол, богатая жизнь имеет смысл, а бедная бессмысленна и ужасна. Незачем создавать необеспеченные семьи и рожать нищих детей, обрекая их на беспросветное существование. Так думали составлявшие завещания средневековые западные европейцы, когда отвечали на вопрос: дробить имущество или сохранить один, но достойный зажиточной фамилии надел? Так же думали их далёкие потомки в 2008 году, когда отвечали на вопрос: стоит ли планировать пополнение семьи в разгар кризиса. Эта логика рационально объяснима, но для нас, большинства восточных европейцев, неприемлема.

Большинству из нас кажется странным: как можно отложить такую радость, как рождение ребёнка, из-за такой мелочи, как снижение уровня жизни на восемь процентов, тем более — на четыре с половиной? Уровень потом восстановится, а человеческую жизнь не вернёшь. И вовсе дикостью выглядит в наших глазах способность целиком отдать богатство единственному сыну, лишив наследства всех остальных. Мы не считаем правильным

⁸ Тимаков В.В. Один кризис и две Европы. <https://demograf.org/pub/issledov/odin-krizis-i-dve-evropy.htm>

никакое иное деление семейного богатства между братьями и сёстрами, кроме равных долей. Этот закон жизни с лёгкостью переносится и на большую семью — крестьянскую общину, и на огромную семью — всю страну. Хотя понемногу, да на всех хватит, главное — чтобы никто не остался обиженным. «В тесноте, да не обиде», «Хоть тесно, да вместе», «Что есть — вместе, чего нет — пополам», «С миру по нитке — голому рубаха», «Не имей сто рублей, а имей сто друзей» — такова вековая логика русского и духовно близких ему народов.

Не случайно попытки самостоятельно строить социалистическое общество делались преимущественно по восточную сторону Линии Хайнала, а в западной части Европы, несмотря на то, что именно оттуда вышли первые теоретики социализма, коллективистские идеи не прижились. Зато на Востоке континента осталась невостребованной нацистская идеология жёсткой селекции людей, которая к западу от Линии Хайнала торжествовала не только в гитлеровской Германии, но и в многолетней практике Британской, Голландской и иных колониальных империй. Такая поляризация континента в эпоху больших тотальных идей — ещё одно свидетельство глубинных ценностных различий соседствующих в Европе обществ.

Можно сказать, что исторически на полюсах Европы сложилось принципиально иное понимание смысла экономической деятельности. На Западе экономика — сакральный процесс воспроизводства материальных ценностей, ориентированный на получение максимальной прибыли. На Востоке экономика — технический инструмент воспроизводства людей, цель которого — обеспечить выживание максимальной доли близких и соотечественников. Люди умножают богатства или богатство умножает людей — вот осевой вопрос разделения. Отсюда столь глубокая пропасть между принципом майоратного наследования и принципом передельной общины. Первый

безжалостно швырял обделённых потомков в море социал-дарвинистской конкуренции ради сохранения целостности бизнеса, второй безжалостно дробил главный источник доходов ради равных шансов для всех общинников заработать средства пропитания.

Современная наука ещё не разработала достоверных методов анализа глубоких общественных различий. Цивилиология, говорящая о качественном несхождении локальных цивилизаций, опирается преимущественно на философские заключения и обобщения, не имея развитой статистической доказательной базы. Социология, накопившая колоссальный объём количественных данных, не рискует подняться на ступень их качественного анализа, позволяющего нащупать те «социальные» или «культурные коды», определяющие разномыслие существующих на земле больших обществ. Кажется, Джон Хайнал одним из первых прикоснулся к продуктивной области научного пограничья, где может быть снято это противоречие и откроется новое понимание тех феноменов, которые Данилевский называл «культурно-историческим типом», а Тойнби и Хантингтон — «цивилизацией».

НОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ НОВОЙ ЭПОХИ

Кстати, Линия Хайнала остаётся актуальной не только при анализе брачности и рождаемости. На этой незримой границе споткнулось триумфальное шествие нового гендерного мировоззрения, разрушающего традиционное представление о семье как союзе мужчины и женщины.

В начале XXI века произошла революционная перемена семейного законодательства, приведшая к легализации однополых союзов во всех странах «бесспорного Запада». Кульминация этого процесса пришлась на 2009–2016 годы, когда гомосексуальные пары были уравнены в правах с нормальными семьями сразу в двенадцати западных странах, не считая государств-карликов. Это означает, что мы имели дело не с параллельной эволюцией независимых национальных правовых систем, а именно с цивилизационным событием, охватившим сразу все страны одной культурной группы. В то же время упрямые попытки «западного ядра» Евросоюза распространить такую же практику к востоку от Линии Хайнала натолкнулись на упорное сопротивление. Так, в Словакии скандальный законопроект вносился в парламент четыре

Линия Хайнала остаётся актуальной не только при анализе брачности и рождаемости. На этой незримой границе споткнулось триумфальное шествие нового гендерного мировоззрения, разрушающего традиционное представление о семье как союзе мужчины и женщины.

раза, и четырежды был отвергнут; в Словении с трудом продавленный через представительный орган закон был заблокирован общенациональным референдумом; до сих пор не удалось уравнивать однополые союзы с семьями в Венгрии — не говоря уже о странах, расположенных ещё восточнее обозначенной культурной границы⁹.

Зримо представить виртуальную границу двух миров позволяет раскладка политических сил при голосованиях по этому крайне болезненному вопросу. Если в типичных западноевропейских странах легализация ЛГБТ-союзов проходила с внушительным перевесом сторонников новой гендерной политики, то в разрезанной Линией Хайнала Польше голоса депутатов Сейма разделились почти пополам: 228 голосов против 211. В Румынии же противоречащий традиционным семейным представлениям законопроект был провален абсолютным большинством —

298 голосов против четырёх¹⁰. Очевидно, что «гомосексуальная революция», победившая в Западном мире, здесь столкнулась с другим типом общества, чьи ценности не позволяют так стремительно менять ориентиры.

Отличие реакции восточноевропейских стран на новую гендерную идеологию трудно объяснить наследием передельной общины. Причины различий такого рода ещё ждут своих исследователей. Ясно, однако, что это тоже свидетельство инаковости базовых ценностей западной и восточной частей континента.

Конечно те, кто уверен в скором глобальном торжестве западной цивилизации, которая переучит и перестроит на свой манер все остальные общества, хотели бы сдать открытие Джона Хайнала в архив, на склад научного антиквариата. Однако история, похоже, распоряжается по-другому, находя всё новые и новые подтверждения правоты проницательного демографа.

⁹ Тимаков В.В., Тимаков И.В. Дехристианизация Запада на примере отношения к абортam и однополым союзам. // Вестник Экспертного совета ВРНС, № 3, 2017 г.

¹⁰ Расторгучев В.Н., Тимаков В.В. НКО как фактор мягкой силы цивилизаций: применение цивилизационного подхода к изучению «третьего сектора» // Третий сектор в мире: модели гражданской активности в XX–XXI вв. — М., РГГУ, 2021.

/ Вардан БАГДАСАРЯН /

Ценностно- смысловая матрица новой идеологии России: принципы и образы

ЗАПРОС НА НОВЫЙ ЧЕРТЁЖ РОССИЙСКОГО ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА

Составление чертежа жизнеустройства страны — сложнейшая задача социального конструирования. Она предполагает установление десятков тысяч связей между различными социальными институтами. Эти связи создают *механизмы* функционирования системы. Наличие механизмов — непереносимое условие того, чтобы система работала. Другими условиями являются *идеи* (система ценностей и смыслов, идеология), *институты* (учреждения) и *люди* (кадры, их отбор и кооптация). Совокупность этих базовых оснований можно определить в качестве «тетраэдра социальной системы». О чертеже как необходимой связи мира идей и предметного мира рассуждал в свое время Платон.

Особенно сложной является задача создания чертежа жизнеустройства России. Русский человек всегда тяготел к идеократии, но не любил чертежей, понимая их как прокрустово ложе для воли, бюрократизацию мечты и смысла. Чертёж России удалось создать в своё время самому большому прикладнику из русских монархов — Петру I. В дальнейшем этот чертёж пытался обновить Николай I.

Уникальный по степени проработанности чертёж страны был создан большевиками. Советский чертёж переутверждался и корректировался каждые пять лет сообразно с логикой пятилетних планов. Госплан СССР в квалификации разработки социально-экономических чертежей являлся структурой, не имеющей аналогов в мировой истории.

Как правило, чертежи жизнеустройства страны представляются на уровне национальных конституций. Конституция, в сущности, и есть чертёж государственного и социального устройства. В качестве чертежей они отличаются по проработанности и непротиворечивости. Одной из лучших разработок в истории мировых конституционных процессов являлась, безусловно, Конституция СССР 1977 года. Чертежом либеральной, несuverенной и капиталистической модели жизнеустройства являлась Конституция Российской Федерации 1993 года, принятая по итогам фактической капитуляции в холодной войне. Поправки в Конституцию 2020 года усилили в ней суверенные потенциалы, привнеся вместе с тем противоречия с основами конституционного строя (*глава 1 Конституции РФ*), после чего о наличии цельного чертежа говорить уже не приходится. Действующая Конституция является беспреце-

дентным в отношении содержащихся противоречий между отдельными конституционными положениями документом, что предполагает неизбежное принятие следующим шагом нового Основного закона России. Пока же Россия оказалась без чертежа. Жизнь без чертежа, когда старый чертёж уже отброшен, а нового еще не существует, задаёт усиленный поиск ценностно-смыслового фундамента. Определению ценностно-смыслового фундамента русского чертежа и будут посвящены выдвигаемые ниже соображения.

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МАТРИЦА РОССИЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Если исходить из цивилизационного анализа и понимания России в качестве государства-цивилизации, то этот фундамент не конструируется, а воссоздаётся как цивилизационно идентичное основание бытия. Менялся исторически политический язык, но в своих основаниях идеология России раз за разом, после смут и подмен, в сути своей воспроизводилась. Для раскрытия этого воспроизводства целесообразно посмотреть на константы русских идеалов. Безусловно, в истории России выдвигались самые разные политические концепты, отражая индивидуальность и партийную принадлежность их авторов. Но существуют, как известно, частности и доминанты. Доминанты воспроизводили исторически культурную матрицу русской мысли. Каковы же эти доминантные характеристики?

Во-первых, **эсхатологичность**. В структуре времени русская мысль принципиально отличается и от европейской, и от азиатской. Если Запад акцентирован в восприятии времени на настоящем, а Восток — на прошлом, то Россия на будущем. Это будущее мыслилось не в категориях краткосрочности, среднесрочности, долгосрочности, а в перспективе исторического финала. Русские всегда в каждый исторический момент были убеждены, что живут во времена апокалипсиса (в том числе апокалипсиса светского) и находятся в эпицентре Армагеддона. Большевики также были эсхатологами, понимая Революцию в апокалиптическом смысле. Советский коммунизм в этом смысле представлял вариант нерелигиозного или квазирелигиозного эсхатологизма. Утрата эсхатологических ориентиров (деэсхатологизация) являлась неучтённым фактором гибели СССР.

Постсоветский период характеризовался, с одной стороны, переориентацией на конъюнк-

*Идеалы различных общностей
могут отличаться друг от друга.*

*Соответственно, и универсальной модели
развития не может существовать. Русская
Мечта всегда состояла в создании системы
гармоничного мироустройства, основанной
на любви и братстве. В этом смысле
русская мечта отличается и от мечты
американской, и от мечты китайской.
Не индивидуальный успех, и ни мировое
господство определяло русский идеал,
а императив гармонизации мира.*

ктуру времени, что представляло собой, безусловно, разрыв с традицией русской эсхатологии, но с другой — поиском новых семантических линий эсхатологического дискурса. И последняя составляющая с течением времени всё более усиливалась, подводя фактически к запросу о выдвигании новой идеологии России с опорой на новую эсхатологию. И без эсхатологии легитимизировать заявляемые властью сегодня ценности государственностроительства, по-видимому, не получится.

Во-вторых, **мессианство**. Ментальная матрица России была выработана на основании глубокого переживания идеи христианской жертвенности. Христос восходит на Голгофу для того, чтобы победить смерть и спасти человечество. Россия также брала на себя функцию спасения мира от торжествующей в нём неправды и порабощения. Объектом спасения оказывалось, в том числе, и западное сообщество. Спасать в действительности приходилось — и от Наполеона, и от Гитлера.

В-третьих, **альтернативность Западу**. Основным вызовом для России на всём протяжении её истории являлся вызов западного проекта. Россия выдвигала альтернативный проект и тем опровергала универсальность западной модели развития. В этом отношении она выступала и позиционировалась перед незападным миром как антиЗапад. Отвечая на вызов Запада, одна часть мыслителей выступала за принятие западной платформы (западники), другая — за следование русскому пути (славянофилы, патриоты, евразийцы, русская партия и т.п.).

В-четвёртых, **дихотомичность**. Русская общественная мысль выстраивалась на приёме полярных противоречий — дихотомий.

В фундаменте своём это были противоречия между добром и злом. И добро, и зло имели конкретизированное политическое и геополитическое выражение. Борьба с вселенским злом составляла функциональное назначение праведного государства.

В-пятых, **соборность**. Коллективистские ценности являлись во все времена базовыми для русской национальной рефлексии. Таковыми они остаются, по данным международных социологических опросов, и сегодня, несмотря на произошедшие постсоветские инверсии. Элементарной структурой Русского мира рассматривалась община, и принципы общинности предполагалось перенести на всю Россию. Другим базовым основанием коллективистской матрицы являлся соборный принцип организации церкви. Отсюда — категория соборности как русский политический язык выражения ценности коллективизма. Аналогия с собором связывалась с пониманием того, что объединение людей в коллектив должно быть не просто их организационным суммированием, а духовным соработничеством.

В-шестых, **идеократизм**. Государственность выстраивалась не снизу вверх, а сверху вниз от высшей идеи. Верховный лидер — глава государства — имел легитимность только ввиду принятия и реализации высшей идеи. В этом отношении маркировка его через категории деспотии, автократии, тирании не соответствует русскому пониманию природы власти. Русское государство в период доминанции религиозного сознания было теократичным, в период модерна — идеократичным.

В-седьмых, **нравственное преображение**. Целевым политическим ориентиром являлось построение нравственного государства. Достижение этого ориентира предполагало изменение самой природы человека, его нравственное преображение. Существовало антропологическое измерение политики, которое воспринималось главным. Идея нравственного преображения составила суть предложенной России версии развития. Развитие мыслилось не как количественный рост материальной сферы, а именно как качественное изменение самого человека. И эта модель развития предлагалась как альтернатива для мира, составив, в частности, суть русского модерна.

КЛЮЧЕВЫЕ МЕТАФОРЫ

Идеология, как стройная система ценностей и смыслов, имплементируемых в практику госу-

дарственного управления, может включать и ряд мотивационных идеологем. Такие идеологемы в качестве метафор уже циркулируют в широком общественном дискурсе. Задача заключается в систематизации. Русский чертёж может опираться, в частности, на следующие метафоры историософии России: Русской Мечты, Русского Ковчега, Русского Собора, Русской сотериологии, Русского преображения, Русского катехона.

РУССКАЯ МЕЧТА

Любая система должна характеризоваться как минимум в двух аспектах измерения — реальном и идеальном. Развитие и есть движение от реального состояния к идеалу. Идеалы различных общностей могут отличаться друг от друга. Соответственно и универсальной модели развития не может существовать. Если та или иная общность идёт по пути приближения к собственным идеалам, то оно развивается, при отступлении от них — оно деградирует. В этом отношении принципиально важно зафиксировать три качественных состояния российской цивилизационной общности — Россию реальную, Россию идеальную и антиРоссию.

Социальная мечта и есть общественный идеал. Русская Мечта всегда состояла в создании системы гармоничного мироустройства, основанной на любви и братстве. В этом смысле Русская Мечта отличается и от «мечты американской», и от «мечты китайской». Не индивидуальный успех и не мировое господство определяло русский идеал, а императив гармонизации мира. Сегодня это, в частности, выражается в отстаивании принципа многополярности мироустройства.

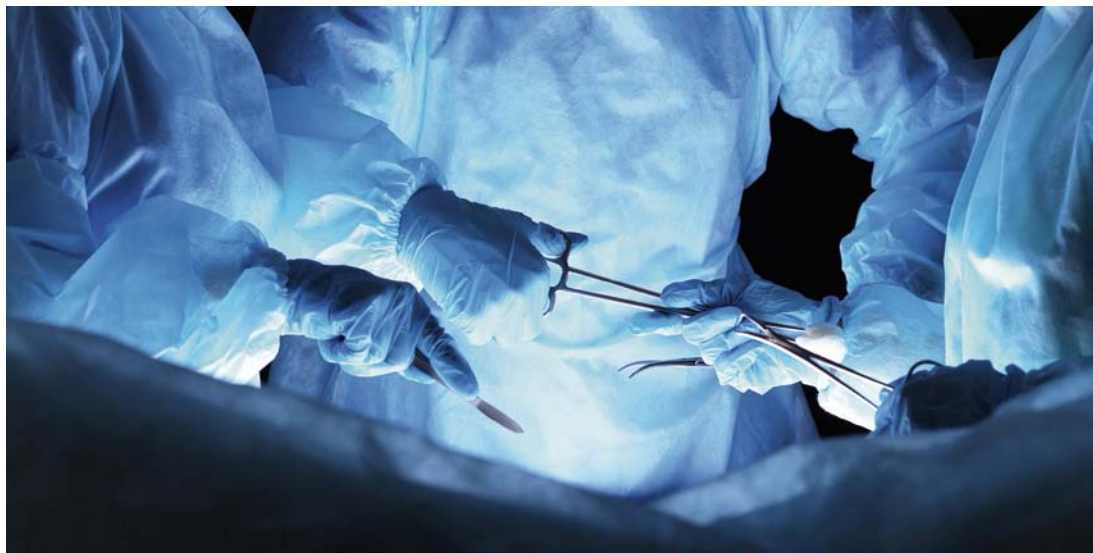
РУССКИЙ КОВЧЕГ

Уникальность Ноева Ковчега состояла в том, что в нём нашлось место каждому, в коем есть дух жизни. От детей Ноя пойдут в послепопное время все человеческие цивилизации. Ковчег исходно содержал в себе потенциал множественности жизни, и эта идея являлась ключевой.

Россия в этом плане и есть цивилизация-Ковчег. Её жизнеустройство исходно выстраивалось как соединение всех в братской любви друг к другу, представителей разных народов, разных языковых семей, разных рас, даже разных религий. Причём это не было «плавильным котлом», в котором этносы переплавлялись бы во что-то подобное друг другу, а именно Ковчег, где находился отсек для каждого, и идентичность каждого признавалась безусловной ценностью.

Так же, по принципу Ковчега, строилась и Византия. Но византийский Ковчег был потоплен. Его потопление произошло потому, что были открыты перегородки, и мир скверны стал заполнять пространство Ковчега. Падение Второго Рима и было потоплением византийского Ковчега. Россия могла учесть допущенные ошибки как в проектировании Ковчега, так и в лоции.

Запад, в отличие от России, никогда не жил по принципу Ковчега. Там либо шли истребления и ассимиляции всех инаковых, либо происходило отречение от любых цивилизационных идентификаторов в пользу человека-индивидуума. Внешняя экспансия Запада сопровождалась колониальными зверствами, имевшими притом теоретическое расистское

обоснование. Заключение межрасовых браков для англосаксов было принципиально неприемлемым, означало фактически осквернение рода. В фашистской Германии расовое смешение и вовсе было объявлено главным социальным злом.

Принципиально иначе выстраивались межэтнические и межрасовые отношения в России. Российская колонизация евразийских пространств не знала прецедентов расизма, и тем более — репрессий на расовой почве. Входящие в империю народы включались в единую семью народов, а местная знать инкорпорировалась без всяких ограничений в российскую элиту. В Российской империи это была многоуровневая модель, в которой имела как этническая, так и цивилизационная составляющая. Можно было быть великороссом, армянином, грузином, татаринном и при этом являться русским. Русский в данном контексте — это цивилизационная идентичность, притом что не отрицалась и идентичность этническая. Советский вариант идентичностей структурировался сходным образом на двухуровневой основе. Межэтнические и межрасовые браки являлись нормой, а дети от этих браков — своими талантами и социальными успехами — прямо опровергали фашистские инсинуации о вреде расового смешения и о вырождении подвергшихся такому смешению русских.

Симфоническое сосуществование народов в России — эта система жизнеустройства может и должна быть предложена миру как особый российский опыт. В ситуации, когда, с одной

стороны, провоцируются цивилизационные войны, с другой — происходит глобализационное стирание традиций и исторической памяти, только модель российского Ковчега оказывается выходом, также как единственным выходом оказалось в свое время строительство Ковчега Ноем.

Русский проект фундаментально восходил к идеалам христианского равенства, идеалу мироустройства, в котором, по словам апостола Павла, «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всем Христос». Он противостоял фашистскому проекту, восходящему к миропониманию языческого неравенства, проекту мира, разделённого на «сверхлюдей» и «унтерменшей» (недочеловеков). Но противостоял он также и либеральному проекту, опирающемуся в своем генезисе на иудейскую традицию, в которой есть богоизбранные и, соответственно, богоотверженные, в либеральной интерпретации — успешные и аутсайдеры. Сегодня эта российская миссия, в контексте угроз новой фашизации мира, приобретает особую востребованность.

РУССКИЙ СОБОР

Еще в дискуссиях славянофилов с западниками особо акцентировался принцип русской холистичности, стремление к целому. Но цельность здесь не есть унификация, а соработничество (соработничество социальное и соработничество духовное). Образ, который в данном

случае может быть предложен, был выражен метафорой Н.В. Гоголя «Вся Россия — наш монастырь». Модель общества как монастыря подразумевает четыре основные характеристики: во-первых, идеократизм (монастырская братия объединена общей идеей и верой); во-вторых, коллективизм (монастырь — это именно братство); в-третьих, этика труда (совместный труд есть этическая максима монастырской жизни, при недопустимости любой паразитарности); в-четвёртых, автаркизация монастырского существования (определённая удалённость от мира и связанной с ним скверной).

Традиционно в различных методологических школах подчёркивается особая приверженность русских к коллективизму, выражаемая в категориях «общинности», «соборности», «коммунизма», «коммунитаризма», «солидаризма» и др. Наличие коллективистского ориентира предполагало, в свою очередь, представление о равенстве людей. Если люди не равны, то никакая общинность была бы невозможна. Идеал коллективизма переносился и вовне, будучи выражен ориентиром всеединого человечества.

Но коллективизм не вполне точно выражает русский идеал. Коллективизм предполагал объединение индивидуумов в коллектив для решения общих задач. В русском случае речь шла о большем — духовном идеократическом единении, для чего и было найдено понятие «соборность».

РУССКАЯ СОТЕРИОЛОГИЯ

Самый популярный образ русского народа в мире — народ-освободитель. Россия вступала не раз в войны, шла на жертвы, освобождая и спасая другие народы перед угрозой геноцида или национального подавления. Так было в войнах с Наполеоном, так было в русско-турецких и русско-иранских войнах. Так было при освобождении Европы от фашизма. Так есть и при современной денацификации Украины.

Русская идея с доминантной идеей спасения мира принципиально отличалась от западного мессианизма мирового господства. В одном случае — мир надо было спасти, в другом — подчинить своей власти.

Визуальный образ русской историософии — солдат в Трептов-парке, прижавший к груди немецкую девочку. Алёша — «в Болгарии русский солдат» — образ того же семантического ряда.

А вот ещё одно напоминание об освобождении Болгарии, ныне страны — члена НАТО, соучастника принятия антироссийских санкций. Обратимся к великому русскому писателю Фёдору Михайловичу Достоевскому (его свидетельства о Русско-турецкой войне), возмущённого призывами либералов к гуманности и пацифизму: «Я уже передавал однажды, что в Москве, в одном из приютов, где наблюдают маленьких болгарских детей-сироток, привезённых к нам в Россию после тамошнего разгрома, есть одна больная девочка, лет 10, которая видела (и не может забыть), как турки при ней содрали кожу с её живого отца. Ну так в этом же приюте есть и другая больная болгарка, тоже лет десяти, и мне о ней недавно рассказали. У неё странная болезнь: постепенный, всё больший и больший упадок сил и непрерывный позыв ко сну. Она всё спит, но сон несколько её не укрепляет, а даже напротив. Болезнь очень серьёзная. Теперь эта девочка, может быть, уже умерла. У неё тоже одно воспоминание, которого она не может выносить. Турки взяли её маленького брата, ребёнка двух-трёх лет, сначала выкололи ему иголкой глаза, а потом посадили на кол. Ребёночек страшно и долго кричал, пока умер, факт этот совершенно верный. Ну вот этого и не может забыть девочка, всё это они сделали при ней, на её глазах».

Слеза ребёнка... Достоевский был потрясён творимыми зверствами. И за эти зверства, полагал он, преступники должны понести наказание. Отсутствие этого наказания будет само по себе преступлением, оправданием убийства и пособничеством убийцам.

«У нас и теперь, — комментирует писатель происходящее на Балканах, — ведётся война с этими кровопийцами, и мы слышим только о самых гуманных фактах со стороны русских. Смело можно сказать, что немногие из европейских армий поступили бы с таким

Симфоническое сосуществование народов в России — эта система жизнеустройства может и должна быть предложена миру как особый российский опыт. В ситуации, когда, с одной стороны, провоцируются цивилизационные войны, с другой — происходит глобализационное стирание традиций и исторической памяти, только модель российского Ковчега оказывается выходом.

неприятелем так, как поступает теперь наша. Недавно только, в двух или трёх из наших газет, была проведена мысль, что не полезнее ли бы было, и именно для уменьшения зверств, ввести репрессалии с отъявленно-уличёнными в зверствах и мучительствах турками? Они убивают пленных и раненых после неслыханных истязаний, вроде отрезывания носов и других членов. У них объявились специалисты истребления грудных младенцев, мастера, которые, схватив грудного ребёнка за обе ножки, разрезают его сразу пополам на потеху и хохот своих товарищей башибузуков... Осмелюсь выразить даже моё личное мнение, что к репрессалиям против турок, уличённых в убийстве пленных и раненых, лучше бы не прибегать. Вряд ли это уменьшило бы их жестокости. Говорят, они и теперь, когда их берут в плен, смотрят испуганно и недоверчиво, твёрдо убеждённые, что им сейчас станут отрезать головы. Пусть уже лучше великодушное и человеколюбивое ведение этой войны русскими не омрачится репрессалиями. Но выкалывать глаза младенцам нельзя допускать, а для того, чтобы пресечь навсегда злодейство, надо освободить угнетённых накрепко, а у тиранов вырвать оружие раз навсегда. Не беспокойтесь, когда их обезоружат, они будут делать и продавать халаты и мыло... Но чтобы вырвать из рук их оружие, надо вырвать его в бою».

Достоевский категоричен в своих характеристиках. Но эта категоричность следует из нравственного императива — «выкалывать глаза младенцам нельзя допускать». Вырвать же у серийного убийцы оружие нельзя иначе чем как в бою. Вот для этого и существует Россия, вот в этом и состоит её миссия!

Противостояние России абсолютному злу находило выражение в теории русского катехона. Российское государство, сообразно с ней, выступало силой, удерживающей мир от глобального торжества зла. Сегодня русскому катехону противостоят три проекта: 1) проект глобальной антицивилизации, мировой власти зверя; 2) проект Запада, с его претензией на мировую гегемонию; 3) проект анти-России, особо опасный, ввиду того, что наносит удар в спину. И для достижения победы придётся отрубить каждую из голов дракона.

РУССКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Целевая установка русского христианского проекта состоит, согласно православной традиции, не в мировой доминации — «*пах christiana*», а в обожении человека. Человек не мог стать Богом, но был способен приблизиться к Богу. Собственно, в этом приближении и состояла основная социальная задача.

На ориентир обожения указывали многие из отцов церкви. «Он, — провозглашал святой Афанасий Великий, — вочеловечился, чтобы мы обожились». «Насколько Бог стал ради меня человеком, — изрекал святой Григорий Богослов, — настолько и мы станем через Него Богом». «Человек, — заявлял святой Василий Великий, — это животное, призванное стать Богом». Принятие цели обожения напрямую зависело от взгляда на человека не как на индивидуума, а существо потенциально способное к духовному преобразению. Православная тема преобразования человека являлась ключевой темой и педагогической деятельности.

Советский проект также являлся в сути своей проектом антропологическим. Человекостроительство было для большевиков главной задачей, в отношении к которой всё прочее, включая и экономику, являлось производным. Предполагалось, что преобразённый духовно новый человек будет способен преодолеть все рецидивы буржуазного мышления. Категория «преобразования» хотя и не использовалась в советском педагогическом дискурсе, но система целевым образом работала на взращивание нового совершенного человека — духовноцентричную личность, коллективиста, нестяжателя и патриота.

РУССКИЙ КАТЕХОН

В христианской историософии идея об «удерживающей» функции государства была представлена в учении о «катехоне», раскрытом ещё Иоанном Златоустом. Суть учения состояла в том, что до тех пор, пока существует христианское праведное государство, торжества зла в мире не произойдёт. Гибель же этого государства совпадёт с приходом антихриста. Речь шла при этом не столько о гибели в физическом смысле, сколько о духовном перерождении. Удерживающим государством, согласно Иоанну Златоусту, являлась христианская Римская империя (для православных — Византия). Соответственно, духовное состояние империи и преемство в осуществлении катехонических

функций в случае диагностики деградации удерживающей державы имело всегда для рефлексии русской мысли принципиальное значение.

Сообразно с развитием подхода христианской историософии Россия оказывается не просто одной из цивилизаций, а одним из двух полюсов сил в мировом историческом противостоянии добра и зла. Мировые силы зла нашли в двадцатом столетии своё воплощение в германском нацизме. И именно Россия — тогда Советский Союз — стала мечом добра, спасшим человечество от новой модификации апокалиптического зверя. Сегодня зло приходит через постмодерн, открывший врата расчеловечивания человека. А за постмодерном достаточно определённо обнаруживается образ нового фашизма, тоталитарной империи зверя, который, согласно Откровению Иоанна Богослова, был смертельно ранен, но ожил. Именно с этой силой и вступает в сражение Россия.

Противостояние России абсолютному злу находило выражение в теории русского катехона. Российское государство, сообразно с ней, выступало силой, удерживающей мир от глобального торжества зла. Катехоническим царством была и Московская Русь, и Российская империя, и Советский Союз. И сегодня русский катехон, исчезнувший, казалось бы, после предательства позднесоветских элит, вновь при предельной максимизации угрозы зла предъявил себя миру. Государство-катехон

не является государством всеобщей любви и преклонения. Большинство преклонится перед зверем и в итоге потерпит поражение.

Россия как катехон в 1990-е годы не просто была упразднена, её подменили. Вместо России реализовывался проект «Анти-Россия», охвативший все без исключения сферы жизни. Роль малой анти-России была уготовлена Украине. И сегодня подлинной России, русскому катехону, противостоят три проекта: 1) проект глобальной антицивилизации, мировой власти зверя; 2) проект Запада, с его претензией на мировую гегемонию; 3) проект анти-России, особо опасный ввиду того, что наносит удар в спину. И для достижения победы придётся отрубить каждую из голов дракона...

Курс на ресуверенизацию России не может не быть подкреплён созданием суверенной системы общественных наук. Могут возразить, что настоящая наука вне политики. Это верно лишь отчасти. Наука действительно не должна быть политически ангажированной, заниматься подтасовкой данных под политический заказ. Но вместе с тем общественные науки не могут не быть сопряжены с ценностями и смыслами. И принципиально важно, чтобы в основание нового Русского чертежа были положены ценности суверенности российского государства, усиления жизнеспособности общества, обеспечения цивилизационного воспроизводства страны.

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Расковать Русскую Мечту!

*Немного о кандалах для творческих сил
нашего народа и их снятии*

Существование в стране и деловитого по-сталински проектного государства, и сферы свободного творчества с частной инициативой — совершенно необходимая схема. Государственные проекты и свободные «инициативники» отлично питают друг друга. Нет здесь никакого «или — или». Чем раньше в Кремле сие поймут — тем лучше. К сожалению, в теперешней РФ неважно с обеими сферами. Для того чтобы Русская Мечта сбылась, необходимо создать в стране гармоническое сочетание проектно-государственного подхода с индивидуальной творческой инициативой.

ЖИВИТЕЛЬНЫЙ «КОМБАЙН»

Приведём самый простой пример того, что государственные проекты не могут объять всего. В апреле 1965 года СССР первым в мире успешно использовал спутник связи «Молния-1», устроив прямую телевизионную трансляцию из Москвы во Владивосток. Однако в стране не было частных корпораций, способных подхватить смелую новацию, доведя её до удобного коммерческого совершенства. И потому СССР очень быстро уступил первенство в спутниках связи Западу, освоившему громадный новый рынок. У него-то «комбайн» из государственных проектов и частной инициативы давно имелся. В итоге мы и сегодня отстаём в области космических коммуникаций, и это Маск строит огромную спутниковую сеть OneWeb, а наша «Сфера» запаздывает. Причём связью Маска всю пользуются бандеровские ВСУ.

Не имея сферы свободного творчества и частной инициативы в полной мере, Советский Союз утратил лидерство во многом, что создал первым в мире. Это касается и мобильной телефонии Куприяновича (советская бюрократия в 1960-е имела, но упустила шанс опередить Запад на добрые двадцать лет с развитием сотовой телефонии), и кровезаменителя перфторана Белоярцева, и экранопланов Алексеева, и многого другого. Да, в СССР не всё делало государство, спору нет, — во времена увлечения подводными домами в 1960-е как минимум половину из них строили энтузиасты из ДОСААФ, но это не могло заменить собою полновесной «сферы свободы».

Как работает взаимодействие в реальности? Давайте вспомним, как государственно-проектное ДАРПА (Агентство передовых разработок) при Пентагоне периодически объявляет конкурсы. То на гонки беспилотных автомобилей,

но на навигационные автономные системы без использования спутников, то на шагающих роботов. И участвуют в них и крупные корпорации, и небольшие амбициозные фирмы, и даже студенческие команды. Победитель получает живительные контракты, и тут небольшие компании обретают шанс вырасти в крупные, подчас — в мировые чемпионы. Государство получает решение искомой проблемы (например, неуязвимую для электромагнитных помех систему навигации для крылатых ракет), а фирма-победитель — щедрую подпитку, что даёт ей возможность порождать новые чудеса технологии. В конечном итоге снова выигрывает страна, обретая ещё один очаг высокотехнологичного производства — с новыми рабочими местами и приливом денег в казну.

Янки давно поняли, что изобретатели и учёные не могут рассчитывать только на частный бизнес. Ему ведь готовенькое принеси: он рисковать не любит. А чтобы создать готовое, у разработчиков чаще всего нет средств. Бизнесу нужно то, что принесёт быструю прибыль, окупит вложенное. А в ряде случаев, когда речь идёт о принципиальных новациях, никто и ничего не может гарантировать. Вспомните: разве кто-то из богачей финансировал исследования и опыты Циолковского? По большей части деловые круги Российской империи оставались равнодушными к работам молодого Сикорского, первым в мире построившим многомоторные тяжёлые аэропланы — «Русский витязь» и «Илья Муромец». На свои гроши и случайные пожертвования американец Годдард в 1920-е строил первые ракеты. Никто из частников не тратил денег на исследования физиков-атомщиков в 1920–1930-е годы.

Умные янки решили: создадим систему государственного поиска и отбора инноваций, поможем фанатичным создателям произвести на свет первые образцы передовой техники за счёт государства. Создавая лунный корабль или сверхскоростной самолёт в государственном проекте, рать учёных и конструкторов порождает сотни нужных для этого технологий. И каждая из них может пригодиться в земной жизни, став основой для нового бизнеса и появления компаний мирового уровня.

Умные янки решили: создадим систему государственного поиска и отбора инноваций, поможем фанатичным создателям произвести на свет первые образцы передовой техники за счёт государства. Лучше всего — в рамках жгучих потребностей нации. Сначала это было создание атомной бомбы и ядерного реактора для наработки плутония, скажем, потом — системы распределённой связи, способной работать и в условиях ядерных ударов по Америке. Из чего, собственно, и родился интернет. Американцы не прогадали. Ведь, создавая лунный корабль или сверхскоростной самолёт в государственном проекте, рать учёных и конструкторов порождает сотни нужных для этого технологий. И каждая из них может пригодиться в земной жизни, став основой для нового бизнеса и появления компаний мирового уровня. Тут вам микроэлектроника и программное обеспечение, новые способы сварки и ячеистые лёгкие конструкционные материалы, тефлоновые покрытия для сковородок и самые передовые системы дистанционной медицины, промышленные роботы и новые химические соединения — всего и не перечислить. В книге Юнга «Ярче тысячи

солнц» отлично описано то, как технологии, рождённые при создании ядерного оружия, преобразили всю послевоенную промышленность США. А если полистать воспоминания администратора Манхэттенского проекта генерала Гровса «Теперь об этом можно рассказать», то узнаешь, сколькими нужными технологиями помогли делу те же автомобилестроительные компании...

Такой схемы симбиоза государственно-го и частного, к сожалению, не было в СССР, в силу почти полного огосударствления его экономики. А чиновник, увы, не так хорошо распоряжается новыми технологиями, как их непосредственные создатели. Китайцы оказались умнее: они с 1978 года выстроили многоукладную экономику, с сильным частным сектором. А вот в РФ, хотя она вроде как с рыночной экономикой аж с 1992-го, такого «комбайна» так и не вышло. Невзирая на огромные творческие силы русских, несмотря на наше неистребимое племя кулибинных и ломоносовых.

Почему? Для начала всё-таки попробуем выстроить некий идеальный образ раскованной Русской Мечты...

СИНЕРГИЯ ПОБЕДЫ

Вообразим себе историческое послание главы государства. Твёрдые, волевые слова, летящие над страной. Без всяких экивоков: объявляется новая индустриализация с протекционизмом, по заветам великого Менделеева. Как важная часть творения передовой Русской цивилизации. Да, сограждане, жизнь после 24 февраля 2022-го стала сложнее, лишилась многого привычного. Но я зову вас в новую реальность — к жизни, полной смысла и созидания. Там, где у каждого работающего будет свой просторный дом (на семью с тремя детьми), интересная и хорошо оплачиваемая работа, автомобиль и даже авиетка. Вам не придётся больше быть бедняками, что толкуются в каком-нибудь магазине «Весёлые цены», покупая скверные тряпки и нездоровую обувь из кожзама, сработанные ещё более нищими азиатами. Вы снова станете гордыми учёными и конструкторами, инженерами и рабочей аристократией. Да, мы почти всё станем делать сами, и пусть это окажется дороже, чем сработанное в Китае, — но зато все вы получите работу и достойные заработки. А главное — перспективы в жизни. Ибо мы создаём новый мир, и тут — твори, выдумывай, пробуй! Символом эпохи вместо торгово-развлекательного центра и нефтевышки становится Университет и Завод.

Под великую задачу создаются и становятся проекты развития. Не нынешние дробно-мелкие нацпроекты (которые хороши как подпроекты чего-то большего), а именно те, что сотворяют грядущую реальность. Ту самую новую жизнь Русского мира. Нацпроекты, утверждаемые как законы. Допустим, среди них — новая урбанизация (усадебная, «тканевая»), возвращение в оборот 40 миллионов гектаров тех пахотных земель, что оказались заброшенными с 1991 года (по площади — одна Германия), новый аэрокосмический комплекс и создание Военно-научных сил. (Не претендую на полный перечень таковых мегапроектов.) Во главе каждого ставят не серых безликих администраторов, а пламенных энтузиастов сих направлений. Тех, для кого осуществление мечты — дело жизни, а не тех, кто просто видит в проекте очередной повод для расхищения казённых средств. (Принципы отбора таких главнокомандующих — отдельная тема.) И что мы обретаем в итоге?

Сильнейшее взаимовлияние проектов, синергетический эффект. Плюс мощнейший

импульс для инновационного предпринимательства.

Скажем, некий Иванов, отвечающий за программу тканевой (то есть «растянутой» в пространстве и малоэтажной) урбанизации («Новая Гардарика»), находит технологию строительства быстровозводимых домов. К примеру, купольных, по технологии Виталия Гребнева. Она позволяет строить быстро и на 30% дешевле. Компания получает контракт с мегапроектом, интегрируется в него. Одновременно в ход идёт и технология недорогого искусственного камня, который может быть и конструкционным, и декоративным материалом, — архитектора Константина Никулова.

Но тотчас же такие технологии с руками оторвёт проект «Новая целина» — тот, который переосваивает 40 миллионов заброшенных гектаров угодий и обеспечивает Великой России полную продовольственную безопасность и рычаги новой власти над миром. Ведь «Новой целине» позарез необходимо обеспечивать жильём молодые семьи, операторов-механизаторов, врачей и учителей в агрогородках. Два мегапроекта усиливают друг друга.

Но синхронно в проекте «Новый аэрокосмос», занятом, в том числе, и массовой авиатизацией России (строительством лёгких самолётов, вертолётных и гиропланов), находят предприятие, разработавшее лёгкий и мощный двигатель внутреннего сгорания для авиеток. Поднимается новое предприятие. И тут же оказывается, что такой мотор крайне нужен для новых беспилотников Военно-научных сил, для его войск спецназначения. Создаётся кооперация. А развивающееся лёгкое самолётостроение прямо работает и на «Новую Гардарика», и на «Новую целину», поскольку обеспечивает миллионы людей новым транспортом — личными летательными аппаратами.

Но и те, кто строит корабль для полёта на Марс, не остаются вне игры. Ведь для дальней миссии нужны самые лёгкие, компактные системы с предельной экономичностью. Те, что можно втиснуть в ограниченное пространство марсолёта. То есть максимально эффективные установки энергетики, рециклирования воды, полной переработки отходов, обеспечения здоровья экипажа (чудеса высокоточной персонализированной медицины). По-хорошему, безумный руководитель дела, какой-нибудь профессор Сидоренко, отбирает всё нужное для полёта. Ну как Фридрих Цандер в 1920-е, который, проектируя свой корабль дальнего космического плавания, не только

реактивный двигатель из паяльной лампы мастерил, но и выращивал на подоконнике растения, используя золу вместо почвы (экипажу в дальней миссии нужен будет «огород» на борту). Только теперь это делается не любительски, а в рамках целого проекта.

И что же? Все эти компактные энергетические, перерабатывающие отходы и медицинские системы жадно востребуются и в авиационном, и в новой урбанизации, и в освоении заброшенных земель. Мощные и небольшие ядерные «батареи» (мини-АЭС, работающие десятки лет на одной зарядке) становятся энергетическими центрами для усадебных футуropolisов и новых производств при них. При этом огромная система сбора, переработки и «дожигания» ядерных отходов (с извлечением из них нового атомного топлива), работающая в рамках русской ядерной корпорации, делает возможной эту всеобщую «атомоэнергетизацию» России. И пусть на Западе идиоты отказываются от ядерной энергии — мы её развиваем и обретаем колоссальное преимущество над другими ци-

вилизациями. В ход идёт всё, что помогает русским как можно больше экономить на рабочих руках, затратах энергии и природных ресурсов. Добиваясь максимального результата при минимуме расхода сырья, киловатт-часов и человеческого труда. Ибо нам нужно компенсировать громадные демографические потери и высвободить силы-средства для поддержки рождаемости коренного населения страны. У нас есть технология прокладки труб для водопровода и отопления, которые век не требуют перекладки? Отлично! Берём в наши футуropolisы. И плевать, что чиновники лишатся «откатов» при ремонтах. Также забираем и технологии дорожного покрытия из серобетона или базальта, которые дают трассам «римскую» долговечность.

В такой бурно развивающейся системе, протраивающей горизонтальные кооперационные связи между мегапроектами, любая инновация в частном секторе моментально окажется нужной в одном из них, а то — и в нескольких. Если кто-то открыл технологию извлечения целебных химических

соединений из растений, то она немедленно понадобится и «Новой Гардарике», и тем, кто поднимает новое сельское хозяйство, и растущей фармацевтической индустрии. А эффективный дрон-беспилотник пригодится и для военных, и для роботизированных колонн комбайнов, нужных для высокоточного земледелия. И так далее.

Предпринимательство будет порождать и новые государственные проекты, добиваясь «незапланированных» прорывов то там, то здесь. И не надо бояться умножения их числа.

Таков идеальный образ нашего развития, к коему нужно прийти. Когда объединяющим началом между государственным и частным становится и философия Русской Мечты с её образом грядущего, и громадное общее дело — последовательная неоиндустриализация.

Но как прийти к такой реальности?

РАЗРЫВАНИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКИХ ПУТ

Для начала придётся покончить с огромной бедой нынешней РФ — мертвящей бюрократией. Увы, постсоветская страна сконцентрировала в себе практически все пороки Российской империи и СССР. И прежде всего — всевластие чиновничества. Когда каждый твой шаг скован тьмой «регламентов и артикулов», требуя горбумажной отчётности. Бюрократия у нас стала аналогом древнеиудейского жречества, опутавшего свою паству массой запретов и предписаний. Чего бы ты ни предпринял — обязательно что-то да нарушишь. Русская Мечта сейчас по рукам и ногам спутана самой махровой бюрократией, которой она мечта — до лампочки. Чиновничеству важен не результат, а процесс. Страна буквально покрыта серой копошащейся массой паразитов, и вопрос стоит так: либо они съедят наше будущее, либо мы с ними покончим. Почему в РФ так называемые институты развития не могут породить ничего принципиально нового, а только копируют вчерашние достижения Запада? Да потому, что они по рукам и ногам связаны тьмой инструкций и страхом попасть под уголовное дело. Потому легче ничего не предпринимать принципиально новаторского, копировать проверенное за границей — безопаснее.

Потому начинать придётся не только с философских основ и объявления курса на новую индустриализацию (чего до сих пор не сделано), но и с колоссальной работы по разбюрокрачиванию страны. Как это сделать? Для начала — собрать Людей Дела,

капитанов реальных успешных производств и научно-технических фирм, как в 1939-м Сталин собирал аналогичное совещание в Кремле по проблеме разрешения кризиса в авиационном строении, — и выслушать их внимательно. Что они предлагают упразднить и изменить. Уверен, что всё придёт к принципу назначения Главного конструктора (или управляющего) по каждому направлению, обладающего чрезвычайными полномочиями и отвечающего перед высшими властями и народом по конечному результату. Взял на себя ответственность по заявленному плану? Делай. Посылая к чёрту бюрократов. Не справился — ответишь. Справился — получи ордена и всяческие повышения-поощрения. Берись за новый мегапроект. Ведь ты заодно растишь и плеяду таких же толковых управленцев. Золотой кадровый фонд. А новый закон об ответственности тех, кто тормозит дело, позволит нам показательно расправляться с махровой бюрократией. Здесь стесняться не нужно.

Можно очень долго описывать создание общественных механизмов, необходимых для разрыва бюрократических пут. В книгах и работах автора сих строк они описаны: хоть «параллельно-опричное» государство, хоть полноценный суд, хоть всяческое развитие гражданских организаций — охотников на коррупционеров. Не стану повторяться, да и статья — не резиновая. Будь моя воля, я даже Навального вытащил бы из тюрьмы и, запретив ему политикой заниматься, бросил на фронт поиска коррупционеров и волокитчиков. Сталин так ведь использовал потенциал многих людей.

Благо всё, что ведёт к освобождению Русской Мечты, творческих сил моего народа от ига бюрократии, косности и алчности.

Бюрократия у нас стала аналогом древнеиудейского жречества, опутавшего свою паству массой запретов и предписаний. Чего бы ты ни предпринял — обязательно что-то да нарушишь. Русская Мечта сейчас по рукам и ногам спутана самой махровой бюрократией, которой она мечта — до лампочки. Страна буквально покрыта серой копошащейся массой паразитов, и вопрос стоит так: либо они съедят наше будущее, либо мы с ними покончим.

/ Александр ЕЛИСЕЕВ /

Общинная «ЛИНИЯ» Русского чертежа

Председатель Изборского клуба Александр Проханов предложил своё видение Русского чертежа. Здесь всё важно, но более всего меня заинтересовало следующее: «Наряду с этим “государством проектов”, государством проектного централизма, появится “поле свободы”, где каждый человек будет носителем свободы творчества, станет создавать свои фирмы и предприятия, свои художественные и интеллектуальные школы, свои развлекательные и спортивные центры, плодить свои утопические, пусть и недостижимые сегодня, фантазии. В недрах этого поля неизбежно возникнут гении, сверходарённые люди, использующие полученную свободу себе во благо. Возникнут миллиардеры, владельцы крупных частных компаний, обеспечивающих хозяевам рынок в благосостоянии и социальный успех. Этической нормой, при которой будет жить это “поле свободы”, станет формула “свобода одного работает на благо всех”.

Между “государством проектов”, с его централизмом, плановостью и “полем свободы”, существует противоречие и конфликтная среда, где воля централистского государства соприкасается с волей отдельного творца. Эта конфликтность может превратиться в катастрофическое противоречие, порождающее революции и гражданские войны. Поэтому между проектным государством и “полем свободы” должен существовать регулирующий нормирующий орган, умягчающий все противоречия, снижающий остроту конфликтов, исключающий вопиющее социальное неравенство, останавливающий культуру осквернения и распада — плод извращённой психики пресыщенного индивидуума»¹.

Действительно, налицо некая дуальность — целого и части, государства и личности. Преодолеть эту дуальность возможно — при создании некоей структуры, о чём совершенно правильно говорит автор. При этом речь может идти не только об одной структуре, но о нескольких структурах, соединяющихся в некую мегаструктуру. Одной из таковых структур автору этих строк видится **община**.

Русь была сильна как мощной властью государя (который в разные периоды нашей истории именовался по-разному), так и мощью общины. Изначально она была поземельной общиной — с её богатейшими традициями (сходами-советами). Но поземельная община получила и другое измерение — производственное, промышленное (ремесленное). Это — знаменитая русская артель,

которая показывала высочайшую хозяйственную эффективность. Прибавочная стоимость там не присваивалась государством или частником, но распределялась между всеми членами «трудового коллектива». Отсюда — высочайшие доходы работников — при низкой себестоимости. И самое главное — такая эффективность вполне органично сочеталась с наличием мощных сакральных традиций. Таким образом преодолевалась дуальность «сакрального» и «мирского». Показательно, что у традиционной русской артели был свой сакральный центр — общая (общинная) икона, именуемая «У Образа». Обязательной была утренняя молитва перед этой иконой. И если работник не участвовал в этой сакральной экономической «литургии», то он лишался и дневного заработка — вне зависимости от того, работал он или нет. (Конечно, это не касалось болезней и проч.)

Община в течение почти всей российской истории — и в доимперском, и в имперском, и в советском периодах — была мощной «нервной системой» страны.

Были вечевые собрания воинов Киевской Руси, бравших Царьград. Были уездные и городские Советы Московской Руси, создававшие Народные ополчения во время Смуты. Именно они собрали Русское Войско и Совет всея Земли. Именно они собрали Земской Собор и вернули России Государя.

В ранней «Совдепии» — именно на основе общинных сходов (на заводах, в сёлах или воинских частях) избирались депутаты в Советы.

Когда в конце 1920-х годов была упразднена община, то на её место пришли колхозы. Колхозы — новая община, только уже созданная в мобилизационном режиме, который был востребован нуждами индустриализации — а следовательно, и нуждами обороны.

Конечно, идеализировать здесь не стоит, трагических моментов было более чем достаточно. В этом, кстати, признавался «стальной творец» индустриализации Иосиф Сталин —

Русь была сильна как мощной властью государя, так и мощью общины. Община в течение почти всей российской истории — и в доимперском, и в имперском, и в советском периодах — была мощной «нервной системой» страны.

¹ См. статью А. Проханова, открывающую данный номер.

как в своей статье «Головокружение от успехов», так и в беседах с английским премьером Уинстоном Черчиллем.

Но вот что показательно. Индустриализация в Англии сопровождалась тотальным сгоном крестьян с земли, в результате которого крестьяне стали нищими пролетариями. В Северной Америке создание мощной прослойки фермеров стало возможным в результате почти полного уничтожения коренного населения — индейцев. В Германии прослойка богатых крестьян («бауэров») вытеснила большинство крестьян в ту же Америку. Во Франции мощный антикрестьянский террор якобинцев (с жертвами под миллион) завершился авантюрой Наполеона, когда страна была буквально обескровлена, а на битву при Ватерлоо выгоняли пятнадцатилетних юношей. Тогда Франция была на пороге потери своего суверенитета, на чём настаивала Англия. И только человеколюбие русского царя спасло эту страну. Как и человеколюбие Сталина спасло Германию от полной ликвидации государственности (даже от стерилизации мужчин), на чём настаивали англосаксы.

В СССР индустриализация была сделана в течение двух пятилеток, без повального раскрестьянивания. А даже с сохранением общинных основ — Советы, месткомы и т.д. Таким образом, даже суровая сталинская коллективизация смотрится в совсем другой — общинной, человеколюбивой (человеколюбие нельзя путать с западным гуманизмом, плавно переходящим в античеловеческий трансгуманизм) — перспективе.

Общинность пронизывает ткань всех русских империй, венцом которых должна стать Пятая империя. Именно община соединяет личную инициативу — и коллективное творчество. Общинная Русь, раздавленная ельцинско-горбачёвскими «реформаторами», дремлет, созерцая западные грёзы. Но русский советский архетип готов пробудиться в любой момент, ибо уже сейчас происходит Великое пробуждение, разбуженное танками СВО. Как и когда русский человек станет снова общинным и артельным — зависит от нашей проектной воли.

Колхозы были важной составляющей частью СССР. Но не менее важной частью были сталинские артели. При Сталине существовал мощный артельный (общинный) сектор, на долю которого приходилось 8% всего ВВП страны. В 1953 году в СССР было 114000 артельных предприятий, функционирующих в разных отраслях — в пищевой промышленности, в металлообработке, в ювелирном деле, в химической промышленности и т.д. В артельном секторе было занято примерно два миллиона работников. Тогда артелями и промкооперацией производились треть всего трикотажа, 40% мебели, 70% металлической посуды, все детские игрушки. На советскую артель работало около сотни конструкторских бюро, 22 экспериментальных лаборатории и два НИИ. В рамках данного сектора существовала даже собственная пенсионная система. Артель предоставляла работникам ссуды на строительство жилья, а также на приобретение скота, инструмента и оборудования. (В данном плане весьма интересно исследование Андрея Песоцкого «Артели и кооперативы: основа трудового среднего класса»².)

Этот самобытный сектор был запрещён в 1956 году по инициативе бывшего троцкиста Никиты Хрущёва. Весьма символично, что в том же году был «разоблачён» и «монархический» культ личности. «Хрущёв» принёс колхозам могучий «подарочек», заставив крестьян за свои средства содержать машинно-тракторные станции (МТС), тем самым обескровив село. Сколько техники сгнило, в прямом смысле этого слова, — в результате этого «царского» подарка...

Итак, **общинность пронизывает ткань всех русских империй**, венцом которых должна стать Пятая империя. Именно община соединяет личную инициативу — и коллективное творчество.

Общинная Русь, раздавленная ельцинско-горбачёвскими «реформаторами», дремлет, созерцая западные грёзы. Но русский советский архетип готов пробудиться в любой момент, ибо уже сейчас происходит **Великое пробуждение**, разбуженное танками СВО. Как и когда русский человек станет снова общинным и артельным — зависит от нашей проектной воли.

Местные территориальные общины, сохранившиеся колхозы, народные предприятия и производственные кооперативы — всё это основа для грядущего Возрождения той «структуры», о которой пишет Александр Проханов.

² <https://pesotskiy.livejournal.com/69330.html>

/ Михаил КИЛЬДЯШОВ /

Служите друг другу

В среде специалистов по риторике есть расхожее утверждение: «В истории всегда побеждает тот, кто умеет работать с документом». Именно поэтому невеликий оратор Сталин политически переиграл пламенного трибуна Троцкого. Можно вещать на собраниях, митингах и демонстрациях на какую угодно аудиторию, но документ всё равно окажется охватнее, действеннее, конкретнее.

Иные скажут, что сейчас ситуация изменилась, что каналы для звучащего слова стали пространнее, что произнесённое воспринимается живее и охотнее, чем написанное. Но дело не в форме подачи слова, а в его смысловой концентрации. И «братья и сёстры» Сталина в начале войны, и его тост за русский народ после Победы — это хоть и речи, но документально продуманные, где «слова налитые, густые — хоть каждое взвесь на руке». Это риторика документа, в котором отразилась эпоха со всеми её надрывами, чаяниями и устремлениями.

Новая элита, о какой сегодня многие говорят, — это, прежде всего, новая риторика. Новая риторика должна стать мобилизационной. Мобилизации требует не только армия, экономика, промышленность, образование, культура, но и русское слово. Пустопорожняя, тепlohладная манера эффективных менеджеров проигрышна. Нужна чёткая, конкретная, концентрированная и при этом огненная риторика, что сразу даёт понять, кто свой, кто чужой. Можно подстроиться под слова, под победные смыслы, но подстроиться под победную риторику, победную интонацию невозможно. Интонация подобна глазам: мимика, жесты, улыбка скроют фальшь, но глаза обязательно выдадут лукавца.

Указ об Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹ — это ещё не абсолютный пример новой риторики,

но её особые приметы там есть. И главное, что это документ. В нём уже прозвучало то, что до СВО произнести было невозможно. В нём многое, наконец, названо своими именами: «Угрозу традиционным ценностям представляют... действия Соединённых Штатов Америки».

Или «формирование государственного заказа на проведение научных исследований, создание информационных и методических материалов (в том числе, кинолетописи и других аудиовизуальных материалов), произведений литературы и искусства, оказание услуг, направленных на сохранение и популяризацию традиционных ценностей». Наконец, вернулось понимание того, что, как говорит художник Геннадий Животов, «нет истории искусств, есть история заказчика». Государство вновь готово стать «заказчиком», готово включиться в художественный процесс, который по сути своей не только творческий, но и организационный. Государство снова становится организатором.

Или «особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит

Новая элита, о какой сегодня многие говорят, — это, прежде всего, новая риторика. Новая риторика должна стать мобилизационной. Мобилизации требует не только армия, экономика, промышленность, образование, культура, но и русское слово. Пустопорожняя, тепlohладная манера эффективных менеджеров проигрышна. Нужна чёткая, конкретная, концентрированная и при этом огненная риторика, что сразу даёт понять, кто свой, кто чужой.

¹ Президент России Владимир Путин 9 ноября 2022 года утвердил своим указом Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

православию». И сразу воцерковлённые и невоцерковлённые, верующие и считающие себя атеистами — все понимают, о каких ценностях идёт речь, сразу становится ясно, что значит любовь, истина, совесть, честь, жизнь и смерть. Это уже не светская этика, в которой всё названное можно разнородно толковать по Аристотелю, Канту, Гегелю или Ницше. Появился абсолютный знаменатель православия.

Об отдельных пунктах документа ещё будут спорить, некоторые с корректорской вёдливостью станут выносить на его поля пометки о языковых неточностях, но это всё частности, не отрицающие факта общественного и риторического прорыва.

Лично мне не хватило в документе конкретизации идеи служения. «К традиционным ценностям относятся... служение Отечеству и ответственность за его судьбу», — говорится в тексте, но это узко и расплывчато одновременно. Служением в пору мобилизации должно быть проникнуто всё: служение делу, смыслу, ближнему, Богу. Служение на передовой и у алтаря. Служение, а не игра в театре. Государева служба, а не доходный промысел в среде чиновников. Служить, а не прислуживаться.

Высший образец служения — омовение Спасителем ног своим ученикам на Тайной вечери: «Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам». Служение как самопожертвование, как самоотречение. Служение, от которого преображается весь мир, и в этом преображённом мире уже нет места ненависти, клевете, корысти.

Для меня примером такого служения был и остаётся труд моего литературного учителя Геннадия Фёдоровича Хомутова — поэта, кото-

рый более пятидесяти лет руководил Оренбургским областным литературным объединением имени В.И. Даля, взрастив несколько поколений профессиональных писателей. На моей памяти каждый год он прочитывал не менее трёх тысяч детских рукописей, неустанно искал таланты, готовил их публикации, хлопотал о коллективных сборниках и индивидуальных первых книжках. Неудовольствие в своём подвиге многим бюрократам и завистникам, он до последнего дня жизни продолжал своё служение. До поры для меня было загадкой, что сподвигло его на это, откуда брались силы, почему наперекор всему не иссякала воля.

После смерти учителя по-иному зазвучали его стихи, на многое в них открылись глаза. Человек из поколения детей войны, он оставил такое стихотворение:

*С сорок первого года пусты закрома,
С сорок первого года до сорок шестого.
Вот я в школу иду вдоль амбара пустого,
Вот я в школу иду.
Там — еда задарма.*

*Вот налево сады, а направо — склады.
— Эй, склады! —
Заору я в окошко худое.
И голодное эхо и, наверное, злое
Спросит коротко:
— Это ты?*

*Это я!
Это я на учёбу иду.
Это я тороплюсь и шагаю, шагаю.
Повторяю короткий стишок на ходу.
Но о школьной похлёбке не забываю.*

*Там сейчас повара над едою мудрят.
Чтобы мы хорошо продолжали учиться,
Чёрным хлебом накормят ребят
И похлёбкой дадут насладиться.*

*О! Спасибо вам всем.
Вы смогли наскрести
На ребячьи обеды в те годы далёкие,
Оставалось нам самое лёгкое —
Только ложки с собой принести.*

Вот ответ: спасительный круговорот тепла. Если ты памятливы на добро, способен быть благодарным; помнишь о том, как когда-то послужили тебе, то и через тебя всё спасительное приумножится. Главное, не искать своего, не стяжать, а искренне служить.

Указ об Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей — это ещё не абсолютный пример новой риторики, но её особые приметы там есть. И главное, что это документ. В нём уже прозвучало то, что до СВО произнести было невозможно. Об отдельных пунктах документа ещё будут спорить, некоторые с корректорской вёдливостью станут выносить на его поля пометки о языковых неточностях, но это всё частности, не отрицающие факта общественного и риторического прорыва.

/ Дмитрий МЕЛЁШИН /

Как сломать хребет западной деструктивной пропаганде?

О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

Сегодня становится всё более очевидным, что наше молодое поколение находится под сильнейшим влиянием деструктивной пропаганды. С одной стороны, происходит навязывание культа сиюминутных удовольствий, распушенности и всевозможных извращений. С другой — возводятся в норму «идеалы» человеконенавистничества (в самых разных его проявлениях), унижения человеческого достоинства, демонстративного проявления неуважения к самим себе и другим людям. Всё это сопровождается дискредитацией традиционных ценностей и подменной понятий, очернением русской истории и осквернением памяти о Великой Победе, уродованием и «англификацией» русского языка. Кроме того, детей, подростков, молодых людей и девушек студенческого возраста с помощью социальных сетей вовлекают в противоправную и экстремистскую деятельность, склоняют к употреблению наркотиков, асоциальному и суицидальному поведению.

Последнее время стали появляться публикации, подробно разбирающие приёмы и механизмы воздействия такой пропаганды. В частности — книга Андрея Афанасьева «Дети интернета», содержащая большое количество показательных примеров. В ней приводится ужасающая статистика лаборатории «Квибрум», согласно которой, к 2019 году под влиянием деструктивного контента находилось семь миллионов подростков¹. В наши дни это число, надо полагать, значительно возросло.

Но реальная картина может оказаться гораздо хуже, если начать анализировать и учитывать пагубное влияние на молодое поколение остального как бы безопасного «развлекательного» интернет-контента и всего того, что выдаёт нам «на гора» современная массовая культура.

Не секрет, что основные тенденции в этой сфере целенаправленно формируются усилиями современного коллективного Запада. Происходит это примерно следующим образом: некие «центры принятия решений» желают навязать обществу определённую идеологию, в соответствии с которой задаются так называемые «тренды», создаются образцы для подражания, определяющие, что модно, а что устарело, формируя тем самым актуальную повестку. На заданные «идеологические стандарты» и модные тенденции опираются в своей деятельности многие «производители контента» (от блогеров и небольших авторских сообществ до крупных медиахолдингов) по всему миру, в том числе и в нашей стране. Производители эти, судя по всему, не задают лишних вопросов и исходят либо из чисто коммерческих интересов, либо из слепой веры в непререкаемую правоту обозначенных западными «центрами» идей и концепций. Так в общих чертах работает глобальная пропагандистская машина, повсеместно продвигающая «прогрессивные западные ценности».

Очевидно, что в связи с проведением нашей армией специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины эта разрушительная пропаган-

дистская машина станет работать ещё агрессивнее и изощрённее, навязывая всему миру откровенную русофобию и вовлекая всё больше представителей нашего молодого поколения в процесс деградации и подрывной антигосударственной деятельности.

Возникает закономерный вопрос: что делать с этой чудовищной русофобской развратно-деградационной машиной? Ведь просто взять и запретить её не получится. Можно, например, добиться закрытия пары-тройки десятков крупных оппозиционных или откровенно деструктивных интернет-изданий и каналов в соцсетях (или даже целых соцсетей). Однако их «эстафету» подхватят сотни других каналов, внешне безобидных и политически нейтральных, которые в определённый момент «вскроются» и начнут постепенно продвигать экстремистки-революционные или депрессивно-пораженческие настроения, уповая на трудности в экономике, на «миллионы невинных жертв» военных действий и т.д. и т.п.

Поэтому западному информационному «мусоровозу» нужно противопоставить свой победоносный «русский танк». На их тренды и их идеологию ответить своей адекватной альтернативой. Что важно — эта альтернатива должна быть

Западному информационному «мусоровозу» нужно противопоставить свой победоносный «русский танк». На их тренды и их идеологию ответить своей адекватной альтернативой. Русский космизм — это своего рода синтез прикладных научно-технических идей и футуристических идей цивилизационного строительства с традиционными духовно-нравственными идеалами и ценностями русской культуры. Именно поэтому это явление более всего подходит на роль «локомотива» новой идеологии Победы.

¹ Афанасьев А.А. Дети Интернета, что они смотрят и кто ими управляет — М.: Издательство «Наше завтра», 2021 г., с. 17

В русском космизме делается особый акцент на уникальных качествах человека, которые делают его активным, а не пассивным участником эволюционного процесса. Людей отличает разумное сознательно творческое начало и богатейший внутренний мир — микрокосмос, который, в сущности, подобен внешнему — макрокосмосу. Согласно логике русского космизма, человеку следует масштабно преобразовывать и совершенствовать внешний окружающий мир, преобразуя и совершенствуя свою внутреннюю природу.

привлекательной для молодого поколения.

Основа для создания такой альтернативы была представлена в интегральном докладе Изборского клуба «Идеология Победы как национальный проект»². Теперь необходимо разобраться с тем, как на этой основе совершить коренной перелом в информационной войне, выиграв битву за сознание нашего молодого поколения. А для этого нужно понять, на какие фундаментальные идеи опирается вражеская деструктивная пропаганда, как обличить глубокую ущербность и несостоятельность этих идей, а, главное, что предложить взамен.

РУССКИЙ КОСМИЗМ КАК ФУНДАМЕНТ НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

Прежде, чем перейти к рассмотрению конкретики, следует обозначить своего рода «точку опоры». В интегральном докладе Изборского клуба неоднократно упоминалось такое явление нашей культуры, как русский космизм. Это довольно широкое течение отечественной религиозно-философской и научной мысли второй половины XIX — начала XX вв., к которому

относятся такие знаменитые учёные, изобретатели, мыслители и деятели культуры, как Н. Ф. Фёдоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, А. Н. Скрябин, С. А. Подолинский, Н. Г. Холодный, В. Ф. Купревич, Н. А. Умов, Вл. С. Соловьёв, Н. А. Булгаков, А. В. Сухово-Кобылин, В. Ф. Одоевский и многие другие.

Уникальная особенность этого течения заключается в его активно-эволюционной направленности: прогресс цивилизации в русском космизме обозначен как широко-масштабное и творческое преобразование окружающего мира во всей его полноте (включая космическое пространство), в процессе которого человек преобразуется сам, преодолевая свои природные недостатки (такие как порочность, зависимость от животных инстинктов, старение, физическое и интеллектуальное несовершенство). При этом в обществе сохраняется прочное единство и согласие — все люди, несмотря на какие-либо различия, объединены Общим делом Большого развития.

Русский космизм — это своего рода синтез прикладных научно-технических идей и футуристических идей цивилизационного строительства с традиционными

духовно-нравственными идеалами и ценностями русской культуры. Именно поэтому это явление более всего подходит на роль «локомотива» новой идеологии Победы.

Теперь, перейдём к разбору ключевых идей и представлений, на которых строится западная деструктивная пропаганда и того, чем мы можем на них ответить.

ЧЕЛОВЕКООБРАЗНАЯ ОБЕЗЬЯНА ИЛИ ЧЕЛОВЕК?

Деструктивная пропаганда и массовая культура исходит из того, что человек — это всего лишь животное. За последние два столетия появилось множество философских, наукообразных и идеологических конструкций, которые представляют построение отношений между людьми по принципам звериного царства и поведение людей, подчинённое животным инстинктам, в качестве нормы, естественного хода вещей или даже некоего идеала, к которому нужно стремиться. Самый яркий пример такой «конструкции» — это социальный дарвинизм.

Идея о сугубо животной природе человека позволяет оправдывать любое безрассудное или распущенное поведение, любые извращения, а также ненависть людей по отношению друг к другу на расовой, этнической, языковой, культурной или иной почве по следующей схеме: есть «сильная избранная альфа-погода», а есть все остальные — «слабые», которые должны или прислуживать «альфам», или вымирать по «закону джунглей». При этом в слабость можно записать любые качества и признаки, которые не нравятся тем, кто провозгласил себя «сильными».

Однако человек разумный всё же принципиально отличается от других живых существ. И одно из главных отличий заключается

² Идеология Победы как национальный проект (интегральный доклад Изборского клуба) — «Изборский клуб. Русские стратегии», 2021, № 10 (96), с. 8–62

в том, что *все живые организмы подстраиваются под изменчивую среду обитания, и только люди могут подстраивать среду под себя*, начиная, например, с построения утеплённого жилища с печкой (в случае похолодания климата), и вплоть до создания «с нуля» необходимых для жизнедеятельности условий, причём в таких местах, где ранее до прихода человека жить было практически невозможно, например: под землёй, в арктических пустынях, в открытом космосе, на других планетах.

Примечательно, что в русской культуре вопрос адекватного понимания человека давно уже был прояснён. Так, в Толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даля, человек определяется как «высшее из земных созданий, одарённое разумом, свободной волей и словесною речью... Как животное отличается от растения осмысленною побудкою и образует особое царство, так и человек отличается от животного разумом и волей, нравственными понятиями и совестью, и образует не род и не вид животного, а царство человека»³. Как видно, у Даля люди справедливо выделяются в отдельное царство живой природы, что, однако, не согласуется с современной западной наукой, с точки зрения которой мы все являемся не более чем разновидностью приматов.

В русском космизме делается особый акцент на уникальных качествах человека, которые делают его активным, а не пассивным участником эволюционного процесса. Людей отличает разумное сознательно-творческое начало и богатейший внутренний мир — микрокосмос, который, в сущности, подобен внешнему — макрокосмосу.

При этом, человек не является «венцом творения». Как отмечал

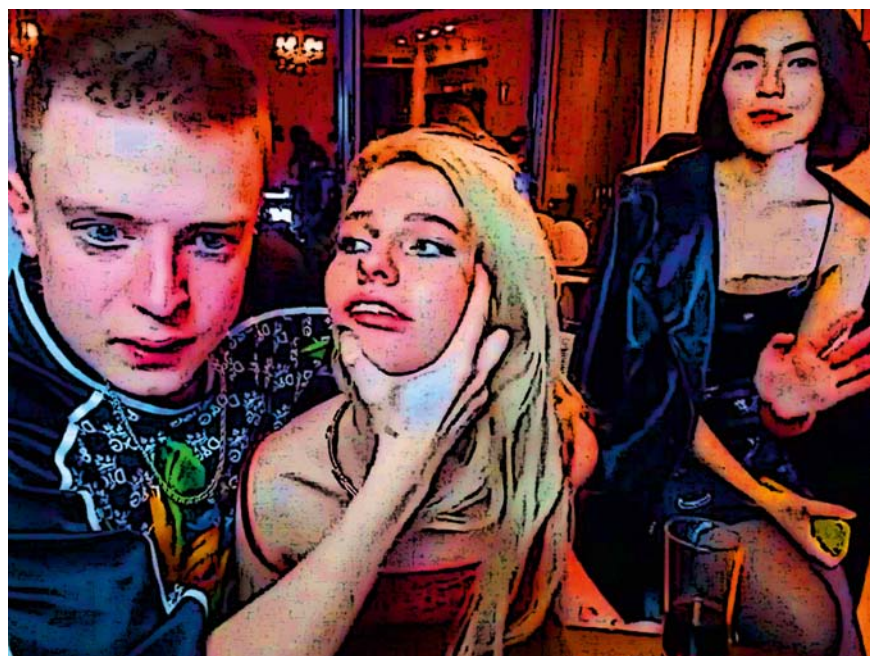
академик В. И. Вернадский «Homo Sapiens не есть завершение создания, он не является обладателем совершенного мыслительного аппарата. Он служит промежуточным звеном в длинной цепи существ, которые имеют прошлое и, несомненно, будут иметь будущее»⁴. Иными словами, человечеству есть к чему стремиться.

Топтаться на месте, кое-как подерживая обыденный комфорт и материальное благосостояние, в долгосрочной перспективе не выйдет, поскольку это, так или иначе, может повлечь за собой тотальную деградацию, чреватую вымиранием человека как биологического вида. Рано или поздно, под воздействием внешней среды или собственноручно созданных проблем, человечество вынуждено будет выйти из зоны комфорта и «взять эволюцию в свои руки».

Согласно логике русского космизма, человеку следует масштабно преобразовывать и совершенствовать внешний окружающий мир,

преобразуя и совершенствуя свою внутреннюю природу. А это подразумевает в первую очередь достижение верховенства разума и совести над животными инстинктами, над стремлением жить сиюминутными удовольствиями и конкурентной борьбой с себе подобными.

Родоначальник русского космизма Н. Ф. Фёдоров (Гагарин) утверждал, что «природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою» и что «зритель безмерного пространства, зритель миров этого пространства должен сделаться их обитателем и правителем»⁵. Академик В. И. Вернадский, в свою очередь, указывал, что человеческий разум, а также «устремлённая и организованная воля» человека как «существа общественного» есть не что иное как «великая геологическая, быть может, космическая сила»⁶, а основоположник теоретической космонавтики К. Э. Циолковский говорил, что наш разум — это «сильнейший фактор Вселенной,

³ <http://slovardalja.net/word.php?wordid=42926>

⁴ Вернадский В. И. Размышления натуралиста: Научная мысль как планетное явление. — М.: Наука, 1977, с. 55

⁵ Фёдоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995 г. Том II, с. 243–244

⁶ Всемирная энциклопедия: Философия/Гл. научн. ред. и сост. А. А. Грицанов. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, Современный литератор, 2001. — 1312 с.

более мощный, чем моря и океаны, Солнце и даже всевозможные катаклизмы. Во всей Вселенной нет ничего более могущественного, чем ум человека или ему подобного существа, если таковое существование вообще возможно где-либо в других галактиках»⁷.

То есть люди обладают великой силой и способностью управлять природой и эволюцией. Мы можем осваивать космос, перенося жизнь на другие планеты, что делает наше существование невероятно выгодным для матери-природы, суть которой как раз таки в постоянном распространении жизни. А чтобы распространиться за пределы земной биосферы, природе потребуется помощь разумного существа, такого как человек.

К слову сказать, одна только эта мысль уже подтачивает основы западного радикального экологизма (энвайронментализма) и делает несостоятельными все рассуждения про «ужасное человечество», которое только и занято тем, что «загрязняет и убивает планету».

Но, с другой стороны, как тогда объяснить существующий общемировой экологический кризис?

Если человек в процессе изменения своей среды не будет меняться в лучшую сторону сам, а будет всё время опираться на статичное животное начало — слепые врождённые инстинкты и желания (например, жажда совокупления, стремление к комфорту-безопасности, к доминированию или самоутверждению в качестве «сильнейшего» и т.д.), то такие изменения могут оказаться в конечном итоге губительными как для среды, так и для самого человека.

Причины экологического кризиса следует искать не в сущности человека, а в той культурной среде, которая формирует ошибочное или заведомо ложное понимание этой сущности и никак не способствует воспитанию в людях человечности,

развитию масштабного мышления и осознания своей глобальной ответственности.

Что мы можем сегодня увидеть в содержании интернета, продуктов массовой культуры и средств массовой информации? Сплошное потакание скотству, огромный поток порнографии и оголтелую пропаганду того, что уподобляться животным и гоняться за сиюминутным удовольствиями — это не просто «естественно», но это ещё и «круто», весело, почётно, выгодно... Потребительство, безрассудность, мнимая свобода самовыражения, а вместе с тем — низведение человека до уровня скотины позиционируются в самом привлекательном ракурсе.

На текущий момент уже появилось множество субкультур и модных течений, в которых уничижительное или неуважительное отношение людей к самим себе и друг к другу является неотъемлемой частью образа жизни, что находит своё отражение в характерном поведении (конфликтность со старшим поколением, сознательное упрощение и искажение языка, отсутствие национального самосознания, нигилизм, инфантилизм, половая распущенность, садомазохизм и любые иные формы извращений и неплототворного полового поведения) и во внешнем виде (вызывающая, слишком свободная или рваная одежда, татуировки, пирсинг, крашенные в яркие цвета волосы и т.п.).

⁷ Чижевский А.Л. На берегу Вселенной: годы дружбы с Циолковским, М., 1995, с. 396

Но сегодня модные тенденции в культуре и медийной сфере, как мы можем наблюдать, постепенно смещаются. На фоне усиления глобальных проблем, особенно в сфере экономики и экологии, западная цивилизация предлагает всем нам перестроиться на новый лад и, вместо идеологии безрассудного потребительства, принять идеологию своеобразного «антипотребительства». В ней человек представляется уже не просто как животное с «потребностями», а как чуть ли не наихудший и самый жестокий вид на планете, способный только потреблять и «уничтожать всё, к чему прикоснётся». А раз так, то такому виду (а сама западная элита, судя по всему, причисляет себя к виду «рангом повыше») просто необходимы жёсткие «дрессировочные» программы и всевозможные «учения», способствующие радикальному изменению нашего образа жизни. К таковым можно отнести, например, «экологизм» (в состав которого входит бытовой «ультраминимализм», веганство, концепции «зелёной энергетики», минимизации «углеродного следа» и т. п.) и трансгуманизм (подразумевающий роботизацию людей и тотальную цифровизацию жизни общества для установления жёсткого контроля над поведением каждого его члена при помощи электронных автоматизированных систем управления и систем обработки данных, которые нынче позиционируются под модным обобщённым понятием «искусственный интеллект»). В этом же ряду нетрудно разглядеть программы «планирования семьи», «полового воспитания», концепции «толерантности», «инклюзивности» и «гендерного многообразия». Разумеется, всё это преподносится под видом «цивилизованности», «прогресса», «блага» живой природы, «спасения» планеты от «перенаселения и глобального потепления». Вот только реальных проблем эти идеологические новоделы не решают. Но зато с их помощью западные

На фоне усиления глобальных проблем, особенно в сфере экономики и экологии, западная цивилизация предлагает всем нам перестроиться на новый лад и, вместо идеологии безрассудного потребительства, принять идеологию своеобразного «антипотребительства». В ней человек представляется уже не просто как животное с «потребностями», а как чуть ли не наихудший и самый жестокий вид на планете, способный только потреблять и «уничтожать всё, к чему прикоснётся».

элиты пытаются блокировать развитие цивилизации в целом и нашего государства в частности, чтобы обеспечить себе широкий простор для манипуляций общественным сознанием, а своим ТНК дать возможность извлекать прибыль с помощью «зелёной», трансгуманистической и инклюзивной повестки, с тем же успехом, с каким они извлекали всё это время прибыль в условиях общества потребления.

Между тем, альтернатива, которую выдвигает Русская цивилизация — идеология Победы и культура Большого развития, — будет способствовать реальному разрешению того же экологического кризиса (и одновременному сведению на нет всей, разведённой на эту тему, наукообразной софистики с явным человеконенавистническим уклоном). Потому что наша альтернатива будет нести в себе, в первую очередь, адекватное представление о человеке как о творце и «вертикально ориентированном существе», преодолевающем «ограничения природы и обстоятельств» (а не как о животном, с которым нужно обращаться методом «зелёного кнута» или «потребительского пряника»).

Теперь важно понять, что нужно сделать, чтобы в нынешних реалиях начать формировать и продвигать такое представление.

Первое. В контексте новой идеологии Победы необходимо чётко определить следующее:

- понятия «человек», «человечность», «человечество», а также, непосредственно связанные с ними, такие фундаментальные для Русской цивилизации, понятия, как «справедливость», «соборность» и «совесть»;
- что есть «человеческое» — творческое, а что есть «животное» — инстинктивное начало, какие у этих начал свойства и признаки;
- соответственно, понятия «бесчеловечность», «расчеловечивание», «человеконенавистничество» и определить то, по каким критериям эти явления можно распознать.

Чёткая определённости в этих вопросах потребует по меньшей мере для того, чтобы выявлять, какие СМИ, публичные страницы в соцсетях, произведения современного искусства, а самое главное — какие организации и действующие лица занимаются романтизацией «животного начала», пропагандой бесчеловечных ценностей или человеконенавистничества. Такие нужно соответствующим образом маркировать (например, как маркируют сейчас иноагентов со всеми вытекающими последствиями) и принимать иные меры.

Сразу оговоримся — речь здесь идёт не о цензуре как таковой, а о том, чтобы государство в своей политике опиралось на чёткое понимание того, какая культура способ-

ствуется государственному развитию, а какая, наоборот, создаёт условия для деградации населения и усугубления негативной демографической обстановки; каких творческих деятелей надо поощрять, а кому ни в коем случае нельзя оказывать поддержку.

Второе. Задача на общественно-политическом фронте.

Уже в ближайшей перспективе следует инициировать широкую общественную дискуссию и ребром поставить на повестку дня вопрос о соответствующих реформах в сфере культуры и сфере деятельности СМИ, об «очеловечивании» информационного и культурного пространства. Результатом этой дискуссии должны стать, как минимум, успешные законодательные инициативы.

Для начала, например, необходимо добиться принятия закона, согласно которому любой контент, равно как и любое произведение искусства (или «медийный продукт»), который как-либо пропагандирует, романтизирует, показывает в положительном свете бесчеловечное (бессовестное) поведение или содержит в себе признаки откровенного человеконенавистничества, будет маркироваться соответствующим образом и не допускаться к показу и распространению на территории государственных учреждений, а также во всех СМИ и на всех интернет-площадках, подконтрольных государству. Авторы (производители) такого контента (как физические, так и юридические лица) при этом будут лишаться возможности получать от государства финансовую, информационную и любую иную поддержку.

Также необходимо добиться принятия законов, вводящих (или уже существующих в той или иной степени уже существующее) наказание за пропаганду наркотиков, проституции, гомосексуализма, транссексуализма; за романтизацию суицидального или психопатического поведения, насилия, экстремизма и уголовщины посредством интер-

нета или отдельных продуктов, таких как кино, сериалы, музыкальные клипы, театральные постановки и т.д.

Тому, кто хочет заниматься «современным искусством» и популяризацией «западных ценностей», можно формально ничего не запрещать, но пусть он это делает на свои, честно заработанные, деньги и как можно дальше от центральных телеканалов, государственных платформ и учреждений. Так или иначе, наши последующие шаги, основанные уже на «мягкой силе», сделают их деятельность невыгодной и в конечном итоге малоэффективной.

Третье. Задача на фронте образования и работы с детьми и молодёжью.

В краткосрочной перспективе, необходима разработка и реализация специальных лекций с презентациями для разных возрастных категорий (школьников младших классов, старшеклассников и студентов), цель которых — прояснение вопросов о человеке и человечности, об отличии человека от животного и ряда других важнейших идеологических и этических вопросов, а также развенчание основных западных пропагандистских штампов. Иными словами, нужно приходить в школы и вузы со своего рода «уроками человечности» (с включённым в них разделом информационно-идеологической безопасности), чтобы, с одной стороны, опираясь на интеллектуальное наследие русского космизма (и вообще всей русской культуры), помочь подрастающему поколению сформировать адекватное представление по данному вопросу, с другой стороны — наглядно продемонстрировать несостоятельность западных идеалов и ценностей.

Такие уроки должны проводиться специально подготовленными лекторами с хорошими ораторскими качествами и сопровождаться иллюстративными презентациями, оформленными в соответствующей эстетике Большого развития. В про-

цессе лекции должно быть налажено обратное взаимодействие с аудиторией по схеме «вопрос лектора — ответ студента», а по окончании обязательно обсуждение и ответы на вопросы студентов. Лектору (или сопровождающему его наблюдателю) необходимо снимать обратную связь, фиксировать часто задаваемые вопросы и настроение тех или иных категорий слушателей. Понятно, что для разных возрастов должны быть разными способ подачи материала, количество лекций, степень углубления в тему и элементы оформления.

Важно, что сам факт наличия программы, предполагающей проведение таких «уроков человечности», раз и навсегда закроет дорогу прямо противоположным по своей сути урокам так называемого «секспросвета» (животного «полового воспитания»), на которых открыто говорят, что вести себя, как похотливая обезьяна, и «делать это» со всеми подряд — абсолютно нормально, главное при этом «предохраняться». А то, что потом нормальную семью будет трудно построить и рождаемость в стране будет низкой — об этом «просветители» предпочитают умалчивать...

В наших уроках помимо темы человека как творца, активного эволюционного преобразователя и человечности как совокупности качеств, способствующих сохранению единства людей на неопределённо долгое время, нужно также поднимать и разбирать (или хотя бы прояснять в общих чертах) следующие темы:

- Жизненная необходимость изменения среды, необходимость Большого развития. Важно донести мысль, что человек не может не изменять мир к лучшему. Люди должны масштабно преобразовывать и совершенствовать мир, параллельно при этом совершенствуя самих себя.
- Уважение людей друг к другу, уважение к самим себе, к своему телу. Необходимо объяснять, что человек в одиночку мало

что может изменить, люди — существа социальные, мы все живём вместе, и чем лучше организована общественная жизнь и внутрисоциальное взаимодействие, тем больших успехов в развитии мы можем добиться. В обществе всегда должно сохраняться единство и согласие ради всеобщего блага, а это возможно только при человеческом отношении людей друг к другу, при взаимном уважении. Но если человек сам себя не уважает, то уважение к нему со стороны других людей также может быть поставлено под вопрос. Что касается такой категории, как «уважение к своему телу», — это подраздел, который даёт возможность адекватно поставить вопросы не только о вреде наркотиков и других веществ, наносящих вред здоровью, но и о нормальном цивилизованном внешнем виде, о вреде распушенного поведения, увлечения татуировками и пирсингом. Человек, который себя по-настоящему уважает, никогда не будет целенаправленно портить себе здоровье и внешний вид, ради того, чтобы где-то самоутвердиться или просто для развлечения. Эту мысль необходимо доносить до молодого поколения. Естественно, делать это необходимо очень деликатно и на языке, доступном соответствующей аудитории.

- Логически продолжая темы необходимости Большого развития и уважения к себе, нужно обозначить основные пороки, разрушающие цивилизованное человеческое общество, а также показать на конкретных примерах, как эти пороки пропагандируются западной массовой культурой. Особенно здесь можно выделить мракобесие (как нежелание учиться, познавать, получать объективные знания об окружающем мире), безразличие или равнодушие (как нежелание решать общественно-значимые

проблемы, менять окружающий мир в лучшую сторону) и предательство (другого человека, в том числе супружеская измена, коллектива, Родины).

Отправной точкой лекционной деятельности должны служить молодёжные организации, в которых сосредоточены самые общественно и политически активные представители молодого поколения в возрасте от 16 до 25 лет. После проведения первых пробных лекций перед данной аудиторией нужно будет проанализировать её реакцию, снять обратную связь, после чего доработать лекционный материал, если возникнет такая необходимость, и запустить его в качестве целевой программы на федеральном уровне. На первом этапе реализация данной программы может производиться на базе НКО с привлечением средств государственных грантов при условии обязательного административного содействия на местах со стороны государственных образовательных и культурных учреждений, а также общественных организаций, занимающихся молодёжной политикой.

Самое главное здесь — не проводить эти лекции «для галочки» и не скатываться к формальности. Данная программа должна восприниматься не в качестве формально-

го мероприятия, но как операция по спасению молодого поколения от изощрённой деструктивной пропаганды, а потому за любые попытки осознанного препятствования её осуществлению, или же за попытки её дискредитации должна быть предусмотрена строгая ответственность.

В среднесрочной перспективе должны быть соответствующим образом проработаны образовательные программы по предметам «литература» и «обществознание». Представляется целесообразным также ввести в школьную программу (или в вузовские общеобразовательные программы первого курса) предмет «этика», а курс ОБЖ/БЖД дополнить темами по информационной безопасности и противодействию пропаганде.

В долгосрочной перспективе нужно добиться того, чтобы активно-эволюционная концепция человека и соответствующие ей идеалы и смыслы проходили красной нитью через все гуманитарные предметы, преподающиеся не только в школах, но и в вузах.

Четвёртое. Задача на информационном фронте.

Необходимо организовать постоянную работу в соцсетях, направленную на систематическое противодействие западной про-

пагандисткой деятельности. В частности, следует наладить создание и распространение качественного контента, который:

- даёт адекватное представление о человеке, человеческих качествах, и об активно-эволюционной направленности человеческого развития, а также о таких важных понятиях, как человечность, справедливость, соборность, совесть, стыд, уважение, самоуважение и т.д.;
- на конкретных примерах показывает качественное отличие человека разумного как от животных вообще, так и от человека, уподобляющегося животному;
- обличает на конкретных примерах, порочность и бесчеловечность массовой культуры и методы западной деструктивной пропаганды;
- раскрывает истинные причины экологического кризиса и показывает путь выхода из него через «очеловечивание» культуры, нейтрализуя тем самым идеи «экологического фашизма»;
- ярко и точно показывает альтернативу — идеал жизни настоящего человека, идеал Большого развития, образ будущей человеческой цивилизации, преодолевшей гнёт животных инстинктов, массовой культуры и глобальных кризисов, и вышедшей далеко за пределы Земли. Причём важно в этом контексте показывать не только «общие планы», но и бытовые детали: как строится обычная повседневная жизнь, отдых и досуг людей будущего.

В целом, нужно развернуть на отечественных интернет-платформах всестороннее продвижение активно-эволюционной концепции человека и человечества как важнейшего сегмента новой идеологии Российской Федерации. Такое продвижение должно осуществляться на различных тематических площадках и должно быть адаптировано к различным целевым и возрастным аудиториям.

Пятое. — Задача на культурном фронте.

На региональном и федеральном уровнях необходима организация и проведение масштабных (в первую очередь молодёжных) творческих конкурсов (художников, певцов, поэтов, режиссёров и т.д.), посвящённых образам будущего (образ человека труда и т.д.) и объединённых общим мотивом популяризации лучших человеческих качеств и идеалов, в т.ч. связанных с концепцией Большого развития. Конкретным результатом подобных конкурсов должен стать отбор новых молодых талантов, которые займут место прозападной «творческой интеллигенции» и будут работать в рамках новой культурно-идеологической парадигмы Большого развития.

Наша долгосрочная сверхзадача — обеспечение «очеловечивания» культуры, то есть её полное избавление от вредоносной западной пропаганды идеальным сочетанием методов «жёсткой» (законодательные запреты и ограничения) и «мягкой» силы

(пропагандистско-разъяснительная работа в информационном пространстве и прямая воспитательно-пропагандистская работа с подрастающим поколением в школах и вузах).

ИНФАНТИЛЬНОСТЬ ИЛИ ДАЛЬНОВИДНОСТЬ?

Ещё одна ключевая идея, на которой держится западная пропаганда, выражается в лозунгах «живи здесь и сейчас» и «лови момент», то есть яркий момент резкого и очень сильного прилива так называемых «гормонов радости» (дофамина, серотонина, эндорфина) — постоянное стремление к получению сиюминутных удовольствий выставляется в качестве цели и нормы жизни. При этом не важно, что может выступать источником таких удовольствий — наркотики, походы в ночной клуб, экстремальные виды спорта или обычные поездки в отпуск. Когда высшей ценностью у человека становится «кайф», а высшим смыслом существования — бесконечная погоня за этим «кайфом»,

то он старается жить «одним днём» и заикливается на настоящем так сильно, что практически перестаёт думать о будущем, становясь в итоге недалёковидным, безответственным и даже в какой-то степени инфантильным.

Сиюминутное удовольствие как высшая ценность лежит в основе гедонистического потребительского мировоззрения, а характерным признаком этого мировоззрения является нежелание его носителя утруждать себя «слишком сложными» раздумьями как о далёком, так и о весьма близком будущем. Хотя сегодня коллективный Запад, как уже было указано выше, смещается в сторону «антипотребительства», активно развивая идеи энвайронментализма, «культ момента» при этом никуда не уходит, а продолжает процветать, в частности, в молодёжной среде. А риторика на тему «позаботимся о будущем нашей планеты» отнюдь не побуждает людей развивать стратегическое мышление, скорее загоняет их в узкие рамки заранее подготовленных стереотипов и футурологических конструкций. Например, что в будущем, чтобы «сохранить планету», людям придётся «затянуть потуже пояса», отказаться от употребления мяса, пересесть на велосипеды и общественный электротранспорт и т. п. Но станут ли люди от этого более дальновидными и ответственными, перестанут ли прожигать жизнь в бессмысленной «ловле момента»? Вопрос риторический.

Мыслителей-космистов отличает необыкновенная дальновидность и смелость, позволявшая им не только помыслить о горизонтах далёкого будущего, но и попытаться в буквальном смысле его спроектировать. Именно оптимистическое активно-проектное отношение к будущему как нельзя лучше характеризует феномен русского космизма, представляющего собой богатейший клад футуристических научно-технических и социально-философских идей.

Мыслителей-космистов отличает необыкновенная дальновидность и смелость, позволяющая им не только помыслить о горизонтах далёкого будущего, но и попытаться в буквальном смысле его спроектировать. Именно оптимистическое активно-проектное отношение к будущему как нельзя лучше характеризует феномен русского космизма. Воспитание «человека дальновидного» с чувством глобальной ответственности и развитие масштабного стратегического мышления должно стать одним из безусловных приоритетов отечественной системы образования.

В процессе Большого развития цивилизации (и космической экспансии с огромным, трудновообразимым на сегодняшний день, пространственно-временным размахом деятельности) человечество неизбежно подойдёт к вопросам продолжения средней продолжительности жизни и значительного расширения горизонтов своего планирования.

Но пока активно развивающееся сегодня (особенно у подрастающего поколения) клиповое мышление только способствует инфантилизации и тотальному искоренению способности думать наперёд, мыслить масштабно. На это ещё накладываются проблемы современного образования. А с помощью деструктивной пропаганды ситуацию ещё больше усугубляют, массово внедряя идеи вроде «лови момент» и «после нас хоть потоп» в качестве нормы поведения и смысла жизни. Поэтому уже сейчас необходимо развитие масштабного стратегического мышления.

Что же можно поделать с этой ситуацией?

- Организовать серию тематических футурологических дискуссий и круглых столов с широким участием студенческого сообщества.
- При помощи контента в соцсетях показывать абсурдность концепции *Carpie diem* (лат. «Лови мгновение»), опираясь на следующую логику: «если мы не будем думать

о своём будущем, то о нашем будущем подумают другие, но уже не в наших интересах». При этом очень важно популяризовать в позитивном ключе и такие понятия, как «дальновидность», «человек дальновидный», «масштабное мышление» (которое, к слову, является альтернативой деструктивному клиповому мышлению).

- Наладить на постоянной основе организацию публичных мероприятий, направленных на популяризацию научной фантастики и космической тематики, активно вовлекая в этот процесс общественные организации, занимающиеся молодёжной политикой.
- Разработать многокомпонентную программу развития масштабного стратегического мышления у подрастающего поколения, включающую в себя как непосредственно образовательные модули (например, уроки по основам аналитики, прогнозтики, управления, финансового планирования и т. д.), так и игровые модули. В неё также можно будет включить тему профориентации.
- Отдельно следует активно формировать культуру настольных и деловых игр, развивающих масштабное мышление, а также поднимать отечественный сегмент соответствующих стратегических компьютерных игр, переводя

Коллективный Запад в последние десятилетия активно перенаправляет вектор развития современной цивилизации. Западная пропаганда вытесняет конструктивную космическую и научно-фантастическую тематику из общественного сознания, продвигая вместо неё всевозможные энвайронменталистские, постапокалиптические, трансгуманистические и оккультно-мистические концепции, образы и смыслы.

на него внимание «геймерского» сообщества, и постепенно вытесняя им западные видеоигры, содержащие в себе деструктивную пропаганду.

- Немаловажно добиться проработки художественного образа «человека дальновидного» и грамотного освещения достоинств масштабного мышления в кино, сериалах, литературе и т.д. Это должно стать одной из основных задач для творческих деятелей нового поколения, отобранных на основе вышеописанной системы конкурсов.

Воспитание «человека дальновидного» с чувством глобальной ответственности и развитие масштабного стратегического мышления должно стать одним из безусловных приоритетов отечественной системы образования.

В КАКОМ НАПРАВЛЕНИИ МЫ ДВИЖЕМСЯ?

Коллективный Запад в последние десятилетия активно перенаправляет вектор развития современной цивилизации от внешней экспансии (масштабного развития земной инфраструктуры и освоения космоса) к якобы вынужденному своеобразному «взлому» человека и к развитию информационно-манипуляционных технологий. Западная пропаганда вытесняет конструктивную космическую и на-

учно-фантастическую тематику из общественного сознания, продвигая вместо неё всевозможные энвайронменталистские, постапокалиптические, трансгуманистические и оккультно-мистические концепции, образы и смыслы.

Научно-технический прогресс всё больше загоняется в узкие рамки развития конвергенции нано-, био-, инфо- и когнитивных технологий, а также технологий массового контроля, слежения и «развлечения» (виртуальная реальность, секс-роботы и пр.). При этом вопросы освоения космоса, регуляции природы, изучения мирового океана, освоения полярных широт и прочих масштабных исследований и преобразований выпадают из актуальной повестки.

В то же время развиваются и процветают разнообразные учения и секты оккультно-мистического толка, завязанные на экологическую повестку, известные под общим названием «нью-эйдж». В нашей стране подобные движения успешно мимикрируют под патриотическую повестку и камуфлируются в яркую обёртку народной славянской эстетики с вкраплениями элементов из восточных культур. Суть этого движения в целом сводится к внедрению в общественное сознание идей «возвращения к корням», «жизни в гармонии с природой» и так называемого «духовного развития». Всё это не более чем яркие ханжеские вывески, своеобразная «иде-

ологическая упаковка», за которой в реальности скрывается следующее:

- частичный или полный отказ от благ цивилизации, как от некоего «зла»;
- отказ от научного познания мира в пользу магического мышления и весьма сомнительных так называемых «духовных практик»;
- отказ от масштабного преобразования мира, научно-технического прогресса, развития инфраструктуры и освоения космоса, а вместо этого фактически пропагандируется необходимость перехода к сугубо аграрному образу жизни и родоплеменному строю.

Так под маской «славянства» и «русскости» пытаются продвинуть идею отказа от Большого развития и лишить русскую культуру её космической составляющей, историческую обусловленность которой отмечал ещё Николай Фёдоров. «Тот материал, из коего образовались богатырство, аскеты, прокладывавшие пути в северных лесах, казачество, беглые и т.п., это те силы, которые проявятся ещё более в крейсерстве и, воспитанные широкими просторами суши и океана, потребуют себе необходимого выхода, иначе неизбежны перевороты и всякого рода нестроения, потрясения. Ширь Русской земли способствует образованию подобных характеров; наш простор получит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига»⁸, — так мыслитель обозначал естественный путь России.

Однако практически во всех ответвлениях «нью-эйдж» делается один и тот же акцент на необходимости освоения личного «внутреннего космоса», при частичном или полном отстранении от проблем внешнего мира, а также на достижении некоей «гармонии с природой» при фактическом отказе от роли человека в качестве активного управленца и преобразователя-регулятора окружающей среды.

⁸ Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995 г. Том I, с. 254

Как отмечал Фёдоров: «задача человека состоит в изменении всего природного, дарового в произведённое трудом, *в трудовое*; небесное же пространство (распространение за пределы Земли) и требует именно радикальных изменений в этом роде»⁹, а Циолковский писал, что «счастье, совершенство и могущество Космоса — вот цель всякого существа, вот предмет наших стремлений, деятельности и осуществлений»¹⁰. Подчёркиваем слово «деятельность» (философия Фёдорова называется «философией Общего дела», а в рамках «нью-эйдж» на понятие «труд» не ставится каких-то особых акцентов, как и в рамках парадигмы «общества потребления»).

Подразумеваемый русским космизмом Путь Большого разви-

тия — это путь к всеобщему счастью и совершенству, к справедливости и соборности, через созидательный труд и подчинение «слепых сил» природы (в том числе и тех, что внутри самого человека — инстинктов) разумному творческому началу, избавление от природных недостатков, пороков, стремление к величайшей победе над страданиями, разрушениями и смертью. На этом пути *духовно-нравственный прогресс стоит в приоритете перед научнотехническим*, а человек не замыкается на своём «я» (или на своём «внутреннем мире»), а стремится к объединению с другими людьми в общем деле грандиозных преобразований внешнего мира (в процессе которого непременно в лучшую сторону меняется и он сам).

Возвращаясь к западной пропаганде, стоит отметить, что сегодня в массовой культуре всё большее и большее внимание уделяется именно оккультно-магической (фэнтезийной) тематике и псевдоархаической атрибутике (отсюда популярность татуировок, пирсинга, разорванной одежды и т. д.), а представления о прогрессе сводятся к так называемому киберпанку — укладу жизни, при котором грань между человеком и машиной стирается.

Однако, при всей «антикосмичности» глобальных тенденций в современной западной культуре, тема освоения космоса до сих пор остаётся достаточно популярной, в том числе и у молодого поколения. Но Запад пытается перенаправить её в сторону коммерции

⁹ Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: В 4-х тт. — М.: Издательская группа «Прогресс», 1995 г. Том I, с. 255.

¹⁰ Циолковский К.Э. Очерки Вселенной — М., 2001 г., с. 278.

и развлечений. Для этого, очевидно, на «поп-стационарную» орбиту вывели молодого «успешного бизнесмена» Илона Маска и представили его в качестве «светоча прогресса», который якобы вот-вот организует полёт на Марс.

Но, судя по последним новостям, отечественная космонавтика не собирается сдавать лидерских позиций.

Мы можем космосом и космизмом сломать хребет западной деструктивной пропаганде во всём многообразии её проявлений. Потому что космизм объёмлет в себе не только практическую космонавтику и научно-техническую тематику, но и экологическую тему, и тему духовно-нравственного развития человека. С его помощью можно перехватить и возглавить вышеперечисленные модные течения, постепенно заменив их содержанием с деструктивного на созидательное.

Условно, можно создать специальные идеологические проекты, например:

- «Экокосмизм», адаптированный под целевую аудиторию «экологизма»;
- «Технокосмизм» — для перехвата аудитории, находящейся

под влиянием транстгуманизма и «киберпанка»;

- «Этнокосмизм» — для перехвата аудитории проектов в духе «нью-эйдж», мимикрирующих под традиционные культуры.

Однако в первую очередь определено следует разработать федеральную программу популяризации космонавтики и идей русского космизма среди молодёжи, которая, с одной стороны, позволит решать чисто практические задачи привлечения в отечественную космическую отрасль новых кадров, с другой стороны — станет проводником новой идеологии Победы.

На практике это означает проведение на системной основе просветительских и культурно-досуговых мероприятий, как для школьников, так и для студентов, а также создание широкого спектра тематических каналов в социальных сетях, издание соответствующей литературы, образовательных материалов, настольных и компьютерных игр, распространение разнообразных вещей (сувениров, одежды и т.д.) и уличных плакатов с космической символикой, цитатами космонавтов и учёных-космистов.

Данная программа должна подразумевать три основных блока:

научно-технический (практическая космонавтика, астрономия), гуманитарный (космическое искусство, космическая философия) и смешанный (научно-техническое и научно-фантастическое творчество). Также с её помощью можно будет придать новые силы уже существующим общественным движениям. Например тем, которые направлены на популяризацию трезвости и здорового образа жизни. Можно разработать концепцию «здоровья как у космонавта» или «космического долголетия» и продвигать ЗОЖ уже в совершенно новой, футуристической форме.

Вопросы продления молодости занимают немаловажное место в русском космизме. Потому что неизбежное масштабное освоение космоса в будущем потребует перехода на качественно иной уровень медицины и здравоохранения. В связи с продвижением за пределы Земли возникнет необходимость значительно увеличить как среднюю продолжительность жизни, так и возраст наибольшей активности людей. Государству уже сейчас стоит сосредоточиться на вопросах организации соответствующих научных исследований.

МОЛОДОСТЬ: СУБКУЛЬТУРЫ БОЛЬШОЙ ДЕГРАДАЦИИ ИЛИ КУЛЬТУРА БОЛЬШОГО РАЗВИТИЯ?

Ещё одно ключевое представление, на котором зиждется массовая культура и западная деструктивная пропаганда — это представление о молодости. С одной стороны, его можно выразить словами «молодость всё простит» — это означает, что пока люди молодые, они должны пускаться во все тяжкие и при этом стараться максимально угробить себе здоровье всевозможными сексуально-наркотическими и экстремальными «развлечениями», чтобы потом было очень трудно или практически невозможно создать здоровую семью, а западным фармацевтическим корпорациям было бы чем поживиться (не говоря уже о том, как наживаются профильные организации по «производству» этих самых «развлечений»).

Другая сторона медали заключается в том, что молодость выставляется пропагандой как время некоей «свободы от морали», свободы бессмысленного самовыражения, через протест перед старшими поколениями или хвастовство перед своими сверстниками, свободы выбирать способы деградировать и потом придумывать (самим себе, в первую очередь) разнообразные оправдания.

А на таком отношении, на отрицании традиционных устоев (и всего того, что чтут старшие поколения), на красивых оправданиях банального нежелания трудиться и развиваться, а также на подражании кумирам (которое почему-то называется «свободой самовыражения») выстраиваются всевозможные молодёжные субкультуры, которые, в свою очередь, являются проводниками отдельных «тематических» направлений западной деструктивной пропаганды в молодёжной среде, а заодно — потенциальными или фактическими рассадниками наркотиков, преступности, полити-

ческого экстремизма и сектантства (ведь, раз «молодость всё простит», то почему бы и не попробовать...).

Субкультуры — это мощное оружие Запада по утилизации созидательного потенциала молодого поколения. Подробно это явление лучше рассмотреть в отдельной публикации, важно подчеркнуть главное: субкультуры — это, как правило, неформальные объединения молодёжи на основе общей досуговой деятельности. Соответственно для того, чтобы устранить это явление в качестве угрозы, необходимо, с точки зрения Идеологии Победы и Большого развития, качественно и всестороннее проработать вопрос организации здорового отдыха и досуга для молодого поколения, разработать адекватный образ здоровой молодой жизни (предполагающий все условия для продления непосредственно жизни и молодости).

Отдых в молодёжной среде больше не должен устойчиво ассоциироваться с алкоголем, наркотиками, развратом, самовыражением через подражание, кривлянием на камеру или погружением в виртуальную реальность. Уже существует альтернативный формат, который нужно «подхватить» и развивать на системной основе, сделав его «визитной карточкой» новой молодёжной политики, основанной на Идеологии Победы и Большого развития. Это формат так называемых «антикафе» — безалкогольных заведений, где платят за время пребывания, получая при этом доступ к определённым угощениям и возможность поработать или провести время с друзьями, играя, например, в настольные игры. Там молодёжь может собираться и отдыхать, не отравляя свой организм и ничем не рискуя, а наоборот, получая как удовольствие от приятного времяпрепровождения, так и пользу.

Кроме того, есть ещё формат «арткафе» — это заведения, совмещающие в себе кафе и пространство для проведения творческих выставок и мероприятий на регулярной основе (в том числе небольших концертов).

Необходимо разработать федеральную программу развития «молодёжных клубов», схожих по формату с «арткафе» или «антикафе» (только с бесплатным посещением). Их можно создавать, например, на базе государственных домов культуры или библиотек.

Каждый такой «клуб», с одной стороны, должен иметь уникальное отличительное оформление или свой «тематический профиль», с другой стороны — в эстетике интерьера, в деталях, в наполнениях книжных стеллажей, в проводимых мероприятиях — во всём должен чувствоваться дух Большого космического развития. Следует со временем таким же образом оформить и детские летние лагеря и иные площадки для отдыха детей, подростков и студентов, в той или иной степени подконтрольные государству. А если государство начнёт задавать такую тенденцию, то его примеру последуют и частные предприниматели.

Создание государственной сети молодёжных клубов позволит облегчить выполнение задач, обозначенных в предыдущих пунктах, в целом позволит продвигать новую идеологию в молодёжной среде и сформировать иной формат развлечений — здоровых, душевных, ярких и запоминающихся, но при этом, не наносящих вреда здоровью.

Такие клубы должны присутствовать в каждом городе и населённом пункте нашей необъятной Родины — они должны стать точками объединения, здорового досуга и развития местной молодёжи. Эстетическое оформление этих заведений должно вдохновлять на подвиги изобретателей и первопроходцев (или на соответствующее творчество). Естественно, большая часть таких заведений должна располагать всеми возможностями для проведения творческих и культурно-досуговых мероприятий, в них должны быть обустроены лектории, сцены, отдельные тихие рабочие пространства и т.д. и т.п.

Сеть подобных заведений даст возможность перехватить влияние

Запада на наше молодое поколение при условии строгого контроля со стороны государства (в т. ч. идеологического) за исполнением программы создания и развития таких заведений. Нам сейчас, как никогда, нужна физическая (а не только виртуальная) база для объединения молодёжи на местах вокруг новых идей Большого развития.

КОСМОПОЛИТИЗМ ИЛИ КОСМОПАТРИОТИЗМ?

В заключение рассмотрим ещё одно ключевое направление западной пропаганды, которое можно обозначить как «антипатриотизм».

С одной стороны, «антипатриотизм» заключается в отрицании своей родины, своего народа, национальной самобытности, традиций, менталитета, семьи, языка. Западная пропаганда обставляет всё так, чтобы люди, попавшие под её влияние, постепенно отказывались от традиционной культуры в пользу массовой культуры (или той или иной субкультуры) и испытывали стойкое отвращение по отношению как к традиционному укладу жизни, так и ко всему, что связано с их родиной и подлинной национальной самобытностью.

С другой стороны, происходит дискредитация патриотизма. Яркий пример того, как подобная дискредитация осуществляется на деле, — ситуация, сложившаяся с производством «патриотических» фильмов в современном отечественном кинематографе. Как правило, ки-

нокомпаниями и отдельные режиссеры, подвизающиеся на этой ниве, ориентируются на западные стандарты, руководствуясь западными идеалами и ценностями (что делает их фактической частью западной пропагандистской машины).

Необходимо разработать новую парадигму военно-патриотического воспитания молодёжи, основанную на тезисе о нашем великом прошлом и культурно-историческом наследии как прочной опоре и отправной точке для движения в ещё более великое будущее. Необходимо акцентировать особое внимание на космических достижениях и космическом векторе развития будущего нашей цивилизации, на отечественных учёных и первооткрывателях, а также на причинах самобытности и уникальности нашей цивилизации, не похожей ни на Восток, ни на Запад. При этом все утверждения о величии России и её особой исторической роли в диалоге с молодёжью не должны сводиться к примитивным «уропатриотическим» лозунгам, а иметь под собой чёткое обоснование.

Исторический путь России следует представлять, как единое целое, как историю цивилизации, ставшей лидером в космосе, находя и подчёркивая при этом в каждом историческом периоде определённые позитивные стороны (делая акцент на процессах, которые со временем позволили России преодолеть трудности и воспрянуть вновь). Особое внимание следует уделить истории формирования наших культурных

кодов, и в первую очередь истории и специфике кода народа-первопроходца, актуального для дальнейшего развития нашей цивилизации. С учётом озвученных пожеланий в перспективе представляется целесообразным соответствующим образом скорректировать образовательные программы в школах, профессиональных училищах и вузах.

Концепции космополитизма и «плавильного котла», которые навязывает западная деструктивная пропаганда, следует постепенно вытеснить из отечественной культуры, заменив её концепцией, основанной на образе большого мирового «оркестра», в котором у каждого народа свой «инструмент», а вместе все народы мира играют «космическую симфонию» Большого развития.

Иными словами, с точки зрения Русской цивилизации, все народы должны жить в мире и соборности, быть сплочёнными общими высокими идеалами (человечности, справедливости, правды и т. д.) и общим делом, но при этом каждый отдельно взятый народ не должен лишаться возможности сохранить свою самобытность и развивать свою национальную культуру.

Наш «космопатриотизм» должен ассоциироваться с образом будущего (а не с попытками вернуться в прошлое), с образом Священной Победы (9 мая и 12 апреля, Русская весна) и с восприятием России как уникальной цивилизации, способной организовывать мирную жизнь и совместное развитие множества национальностей, и как цивилизации со своей особой исторической миссией — стать локомотивом общемирового Большого развития, дирижёром мирового оркестра стран и народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В общем и целом, программа по перехвату влияния Запада на наше подрастающее поколение и по установке новой идеологии Большого развития может выглядеть следующим образом:

Наш «космопатриотизм» должен ассоциироваться с образом будущего, с образом Священной Победы и с восприятием России как уникальной цивилизации, способной организовывать мирную жизнь и совместное развитие множества национальностей, и как цивилизации со своей особой исторической миссией — стать локомотивом общемирового Большого развития, дирижёром мирового оркестра стран и народов.

1. При Изборском клубе создаётся рабочая группа, которая тщательно прорабатывает все аспекты практического внедрения новой идеологии, готовит программу «уроков человечности», развития масштабного мышления, футурологических круглых столов, а также всех иных целесообразных проектов и мероприятий по популяризации идей, изложенных в интегральном докладе по идеологии Победы и идей русского космизма.

2. Далее на основе рабочей группы формируется отдельная организация (её целесообразно было бы обозначить политически нейтрально, например, как «творческое объединение»), основными задачами которой становятся налаживание связей с различными молодёжными движениями и студенческими сообществами, запуск программы «уроков человечности» и создание «первой волны» необходимого качественного контента, в частности интернет-видеофильмов, плакатов, подкастов и пр., вскрывающих суть западной деструктивной пропаганды и дающих подробное представление об альтернативе — идеологии Победы и Большого развития.

3. В процессе проведения «уроков человечности» (и иных необходимых публичных мероприятий) отбираются наиболее активные и заинтересовавшиеся из числа слушателей, на их основе формируется новое молодёжное «движение Большого развития», главными задачами которого на первом этапе становится организация и развитие обширной сети влияния на социальных интернет-платформах, создание и распространение через эту сеть соответствующего идеологического и познавательного контента, а также организация и проведение соответствующих мероприятий, в том числе творческих конкурсов регионального и федерального уровня (при необходимом содействии государственных учреждений и органов власти на всех уровнях).

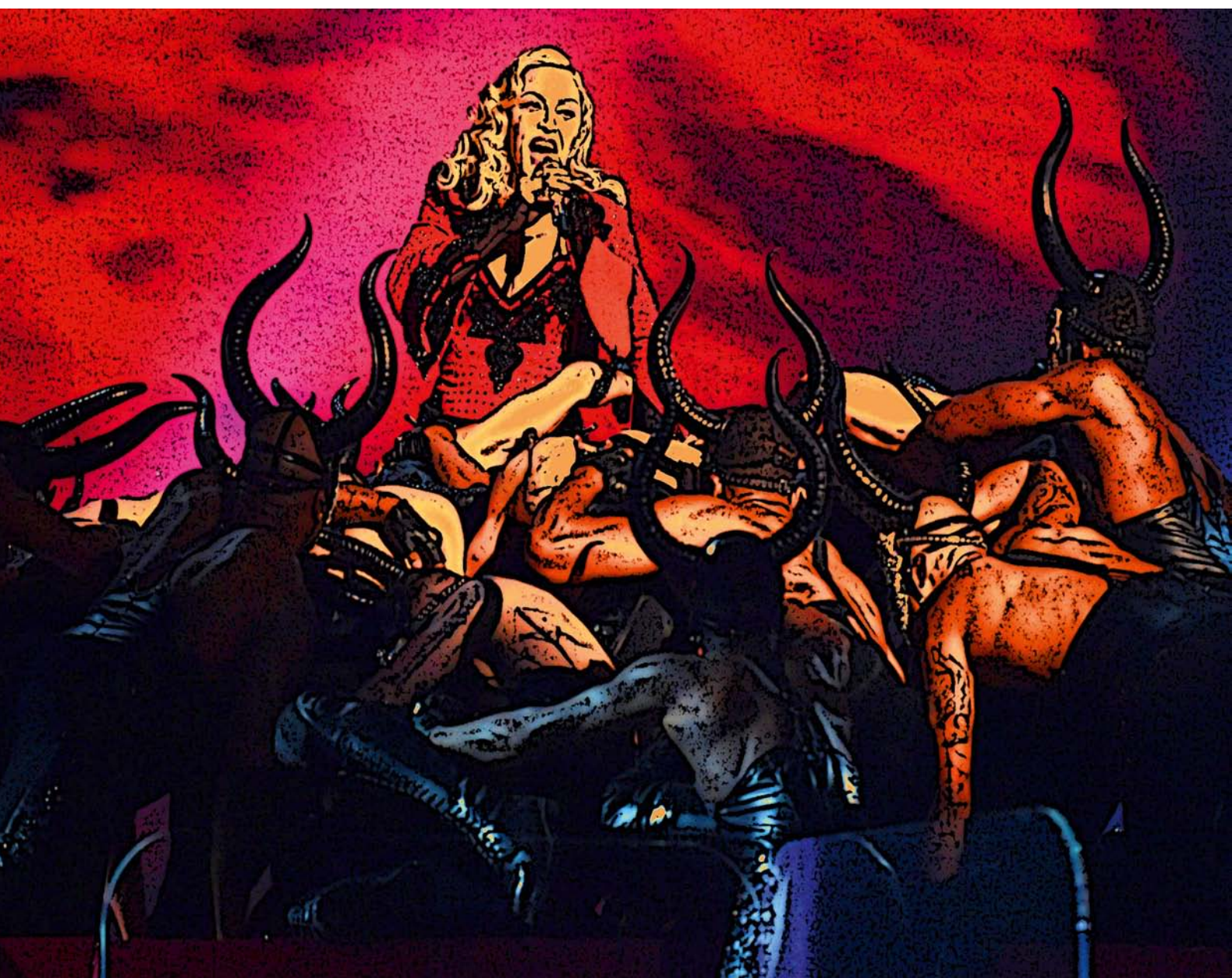
4. Далее движение активно развивается, реализует проекты и пополняет свои ряды студентами, в основном учащимися на гуманитарных и творческих направлениях подготовки. Работает движение при этом исключительно в сфере культуры, СМИ и информационно-идеологической безопасности, не привязываясь к каким-либо поли-

тическим событиям и мероприятиям. Главной провозглашаемой целью движения становится «очеловечивание» культурного пространства и СМИ, становление новой культуры Большого развития. Но ещё одна важная цель создания подобного движения — это кузница молодых кадров, новых патриотически настроенных творческих деятелей, создателей контента, журналистов, блогеров и т.д.

5. Молодёжное движение большого развития синхронизируется с вышеописанной программой развития молодёжных клубов и осуществляет работу по информационно-идеологической безопасности на местах. Также движение по мере развития получает широкие возможности для создания контента и произведений искусства, принимает активное участие в различных культурных программах, например, возрождения детско-юношеского кинематографа и т.п.

Считаю целесообразным в качестве первого шага Изборскому клубу организовать серию круглых столов для обсуждения программы подобных мероприятий.

Так победим!

/ Алексей КОМОГОРЦЕВ /

Старые волки в новой шкуре: ГНОСТИЧЕСКИЕ КОРНИ ТРАНСГУМАНИЗМА

ЭЗОТЕРИЗМ И ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЭРА

«Если под идеалом ты понимаешь какое-то божество, то оно у нас имеется. Это бог-плут, бог-обманщик, бог-каннибал, рождённый от кровосмесительной связи и пожравший своих родителей. Служа этому богу, мы плюем ему в лицо, приносим ложные клятвы, сквернословим, предаёмся всяческим извращениям. Он не только позволяет всё это, он принуждает нас поступать подобным образом. Таково его естество, таковы его заповеди...»

Ю. Брайдер, Н. Чадович
«Клиники максаров»

Некоторые малоизвестные или скорее малоафишируемые истоки такого явления, как трансгуманизм, были опубликованы в весьма примечательной работе теоретика интегральной психологии, профессора философии Университета Колорадо в Боулдере Майкла Зиммермана «Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме»¹.

Автор искренне изумляется сделанному им в процессе подготовки этой работы открытию: учёные «подчас подчищают истоки модерна» для сокрытия факта, что он отчасти сформировался под влиянием взглядов, которые сегодня принято именовать эзотеризмом. После чего профессор Зиммерман констатирует, что т.н. пострелигиозная современность не преуспела в избавлении от «оккультных мечтаний, духовных трансформаций и метафизической тоски». Напротив, они «ушли в подполье, выгрызли свой путь в культурные,

психологические и мифологические мотивационные структуры, которые лежат в основании мира модерна»².

Используя для обозначения постчеловеческой эры, глашатаем которой являются современные трансгуманисты, постгуманисты и иже с ними, термин сингулярность³, профессор Зиммерман постулирует, что в основании современного «гуманизма сингулярности» лежат две основные эзотерические «установки»: герметизм и гностицизм.

Он пишет: «Учёные нередко используют алхимические метафоры для того, чтобы описать прорывы, которые порождают знание (гнозис), необходимое для сотворения новых форм жизни, преобразования жизни человеческой и конструирования наших богоподобных преемников. Согласно Гленну Маги, прототипом современного учёного был «герметический идеал человека как мага, достигаю-

щего тотального знания и владеющего богоподобными силами, чтобы привести мир к совершенству»⁴.

В противовес расхожему представлению философов о «современности как о решительной борьбе с предрассудками и замене их беспристрастным рациональным исследованием» профессор Зиммерман предлагает альтернативный нарратив: распад традиционных религиозных, космологических и общественных порядков открыл «пространство возможностей», благодаря которому мыслители, испытавшие влияние различных эзотерических традиций (гностицизма, герметизма, каббалы, розенкрейцерства, масонства и т.д.), смогли реализовать как «серьёзные игроки», определившие цели и устремления современности⁶.

Профессор Зиммерман пишет: «Герметизм, алхимия, магия и прочие эзотерические верования и практики

В противовес расхожему представлению философов о «современности как о решительной борьбе с предрассудками и замене их беспристрастным рациональным исследованием» профессор Зиммерман предлагает альтернативный нарратив: распад традиционных религиозных, космологических и общественных порядков открыл «пространство возможностей», благодаря которому мыслители, испытавшие влияние различных эзотерических традиций (гностицизма, герметизма, каббалы, розенкрейцерства, масонства и т.д.), смогли реализовать как «серьёзные игроки», определившие цели и устремления современности.

¹ Religious Motifs in Technological Posthumanism by Michael E. Zimmerman. // Western Humanities Review. Special issue on Nature, Culture, Technology, ed. Anne-Marie Feenberg-Dibon and Reginald McGinnis, Vol. LXIII, № 3 (Fall, 2009), pp. 67–83. Русский пер. Е. Пустошкина: Зиммерман М. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме. // URL: <http://eroskosmos.org/religious-motifs-in-technological-posthumanism/>

² Erik Davis, Techgnosis: Myth, Magic and Mysticism in the Age of Information. — New York: Harmony Books, 2004. Русский перевод: Дэвис Э. Техногнозис. Миф, магия и мистицизм в информационную эпоху. Серия: Philosophy. — ЕКб.: Ультра. Культура, 2008. — 480 с.

³ Технологическая сингулярность — гипотетический момент, когда технологическое развитие станет неуправляемым и необратимым.

⁴ Glenn Alexander Magee, Hegel and the Hermetic Tradition. Ithaca: Cornell University Press, 2001.

⁵ Зиммерман М. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме.

⁶ Western Esotericism and the Science of Religion, ed. Antoine Faivre and Wouter J. Hanegraaff. Leuven: Peeters, 1998.

пронизывали ранний этап современной науки, на каком-то уровне оставаясь влиятельными и по сей день. Герметические, алхимические и прочие эзотерические школы помогли сформировать видение, зачем вообще заниматься наукой и технологией. Они не были «незаинтересованными» предприятиями, вместо этого они мотивировались целой совокупностью факторов, как возвышенных, так и своекорыстных, как и в случае с наукой и технологией сегодня⁷⁸.

Опираясь на работы немецко-американского философа Эрика Фегелина (1901–1985), последовательно вскрывавшего и разоблачавшего гностическую природу тоталитарных режимов XX века, Реформации, английской пуританской революции, революции «просвещенцев» и позитивистов XVIII–XIX вв.⁹, профессор Зиммерман проводит параллель между «гностическими и герметическими установками, свойственными гуманизму сингулярности»: «Такие виды гуманизма считают, что: 1) есть многое в мире, в отношении чего можно иметь недовольство (включая заточение в жалком, слабом, смертном человеческом теле); 2) этот мир переполнен страданием, невежеством и смертью, которым следует положить конец; 3) спасение от подобного зла возможно; 4) порядок бытия надлежит изменить и усовершенствовать посредством человеческого процесса развития и эволюции; 5) люди способны претворить такие изменения вначале через трансгуманизм, а окончательно — через постгуманизм;

6) люди теперь открывают гнозис, который необходим для осуществления такого изменения»¹⁰.

В другой своей работе «Последний человек или сверхчеловек? Трансгуманистические интерпретации ницшеанской темы», посвящённой влиянию концепции сверхчеловека Ф. Ницше на идеологический фундамент трансгуманизма, профессор Зиммерман продолжает развивать тему о взаимосвязи эзотеризма и трансгуманизма: «Ницше мог не предвидеть особые обстоятельства, которые могут сделать возможным появление постлюдей, всё более независимых от биологических потребностей и использующих широкий спектр технологических средств для того, чтобы ваять из себя художественные выражения власти. Тем не менее он был хорошо осведомлён о *магах-герметиках*, которые мечтали о приобретении знания, необходимого для превращения людей в богов. Об этой версии гуманизма, воодушевляющей транс- и технопостгуманистов, Ницше пишет: “Верите ли вы в то, что науки возникли бы и достигли зрелости, если бы им не предшествовали кудесники, алхимики, астрологи и ведьмы, те самые, кто своими предсказаниями и подтасовками должны были сперва вызвать жажду, голод и вкус к *скрытым и запретным* силам? И что при этом должно было *быть предсказано* бесконечно больше, чем может быть когда-либо исполнено, дабы в области познания вообще исполнилось нечто?”¹¹

До Нового времени и в раннее Новое время алхимики и маги стреми-

лись к власти над природой, которая исполнила бы человеческое предназначение быть богами на земле. Стивен МакНайт утверждал, что эти желания не испарились с “эпистемологическим прорывом”, который, по общему мнению, отделил средневековые практики от ранней современной науки. Наоборот, “эзотерические традиции сильно повлияли на интеллектуальные достижения Ренессанса, которые, в свою очередь, внесли вклад в научную революцию”¹². Переоткрытие предположительно древних, дохристианских священных рукописей, особенно “Терметического корпуса”, стало сенсацией среди ренессансных интеллектуалов и художников. Как отмечает МакНайт, “новое понимание человеческой природы” как движущейся к земной божественности было сформулировано такими ренессансными интеллектуалами, как Фичино и Пико, подхвачено фигурами XVI и XVII веков, такими как Агриппа, Бруно и Кампанелла, и в конечном счёте нашло выражение в “утопических темах трёх патриархов эпохи модерна: Бэкона, Конта и Маркса”¹³. Гегеля тоже следует добавить в этот список¹⁴¹⁵.

Для понимания настоящих истоков трансгуманизма и связанных с ним течений особенный интерес представляют обозначенные профессором Зиммерманом фигуры знаменитого философа и мистика Джордано Бруно (1548–1600) и основателя флорентийской Платоновской академии в Кареджи, итальянского философа-неоплатоника Марсилио Фичино (1433–1499).

⁷ Mark S. Morisson, *Modern Alchemy: Occultism and the Emergence of Atomic Theory*. — New York: Oxford University Press, 2007.

⁸ Зиммерман М. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме.

⁹ Фегелин Э. Гностицизм — природа современности. // URL: <https://antimodern.ru/voegelin01/>

¹⁰ Зиммерман М. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме.

¹¹ Ницше Ф. Вечная наука. Перевод К.А. Свасьяна, раздел 300. // URL: <http://www.nietzsche.ru/works/main-works/svasian/?curPos=1>

¹² Stephen A. McKnight, *Sacralizing the Secular: The Renaissance Origins of Modernity*. Baton Rouge: LSU Press, 1989.

¹³ Ibid.

¹⁴ Glenn Alexander Magee, *Hegel and the Hermetic Tradition*. Ithaca: Cornell University Press, 2008.

¹⁵ Last Man or Overman? Transhuman Appropriations of a Nietzschean Theme by Michael E. Zimmerman. // *The Hedgehog Review: Critical Reflections on Contemporary Culture*, Volume 13, № 2 (Summer, 2011), pp. 31–44. Русский пер. С. Гуленкина: Зиммерман М. Последний человек или сверхчеловек? Трансгуманистические интерпретации ницшеанской темы. // URL: <http://eroskosmos.org/transhumanistic-nietzsche/#fn-10579-17>

Помимо «очага» изучения и распространения герметической традиции Платоновская академия в Карджи являлась одним из важнейших европейских центров по изучению оккультизма и различных магических техник. Эту ипостась деятельности Фиchino раскрывает в своей книге «Эрос и магия в эпоху Возрождения»¹⁶ профессор сравнительного религиоведения Йоан Петру Кулиану (1950–1991).

По словам автора книги «Эрос, магия и смерть профессора Кулиану» Теда Энтонa, Кулиану был вхож в ряд оккультных организаций и анализировал современные медийные технологии на предмет их связи с древними магическими практиками¹⁷. В своих работах Кулиану возводил научно-философские парадигмы Нового времени к архаическим мифологиям, развивая интуиции своего учителя религиоведа, историка и этнографа Мирчи Элиаде о влиянии европейского мистицизма и герметизма на Просвещение, и особенно тезисы швейцарского писателя и философа Дени де Ружмона¹⁸ о решающем влиянии гностической традиции катаров и альбигойцев на европейскую культуру эпохи Просвещения¹⁹. В работе «Дуалистический гнозис на Западе»²⁰ профессор Кулиану убедительно доказывал, что парадигма европейского Модерна, при всём её рационализме, является версией дуалистического гностицизма, основанного на противопоставлении человека Богу и миру²¹.

В 1984 году в чикагском доме учителя Кулиану Мирчи Элиаде случился загадочный пожар. Пламя уничтожило значительную часть источников и редких документов, касающихся

религиозных истоков западной цивилизации начиная с XVI века до наших дней. Пожар произошёл именно в тот момент, когда Элиаде в работе над своей многотомной «Историей религиозных идей» дошёл до описания периода, с которым были связаны сгоревшие документы. Спустя два года, так до конца и не оправившись от колоссальной утраты и не доведя до конца последнее дело своей жизни, Элиаде умер.

В том же 1984 году профессор Кулиану сказал специалисту по магическим обрядам в румынской народной культуре, религиоведу и этнологу Андрею Ойштану, что «приблизился к очень рискованным темам, которые представляют собой «настоящие зыбучие пески»²². В том же самом году вышла в свет его работа «Эрос и магия в эпоху Возрождения», в которой Кулиану обращается к творческому наследию Марсилио Фиchino и Джордано Бруно.

Анализируя трактат Бруно «О связях как таковых»²³, Кулиану делает вывод, что по своему значению эта работа превосходит многие труды по политической и социальной теории современности. А по своему цинизму и откровенности она сравнима лишь со знаменитым трактатом «Государь» Никколо Макиавелли.

В своей работе Бруно раскрывает механизмы магической манипуляции отдельными индивидами и массами, а также механизмы дистанционного контроля над людьми. Кулиану откровенно указывает на то, что фигура мага, или Великого манипулятора, стоящая в центре концепции Бруно, является прототипом безличных систем масс-медиа, механизмов по промыванию мозгов, которые осуществляют тёмный (оккультный) контроль над массами в западном мире.

Задача мага — выстроить сеть, связать (добиться своего, как мы бы

¹⁶ Йоан Петру Кулиану Эрос и магия в эпоху Возрождения. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. — 608 с.

¹⁷ Бовдунов А. Профессор Кулиану и тайная история Запада. Часть 1. «Великий Манипулятор». // URL: <http://zavtra.ru/blogs/aleksandr-bovdunov-professor-kulianu-i-tajnaya-istoriya-zapada-chast-1-velikij-manipulyator-2012-11-22-040126>

¹⁸ Rougemont Denis de. L'Amour et l'Occident. P.: Plon, 1972.

¹⁹ Culiano P.I. The Tree of Gnosis. Gnostic Mythology from Early Christianity to Modern Nihilism. San Fransico: Harper, 1992.

²⁰ Culiano P.I. Gnozele dualiste ale Occidentu lui. Bucureşti: Polirom, 2013.

²¹ Дугин А. Йоан Кулиану: Модерн и чёрная магия Кибелы. // URL: <https://www.geopolitica.ru/article/yoan-kulianu-modern-i-chernaya-magiya-kibely>

²² Бовдунов А. Профессор Кулиану и тайная история Запада. Часть 1. «Великий Манипулятор».

²³ Бруно Джордано О связях как таковых. — М.: Издание книжного магазина «Циолковский», 2018. — 176 с.

сейчас сказали) методом непрямого воздействия. Модель Бруно состоит из манипулируемых индивидов и Великого Манипулятора, активно использующего сети и ловушки, а также прочие инструменты «связывания».

Бруно отмечает, что задачей Манипулятора является не прямое оболванивание или пропаганда, а создание иллюзии удовлетворения человеческих желаний и потребностей. Поэтому он должен знать и предвидеть эти потребности и желания, ожидания общества.

Главным инструментом манипуляции для Бруно является Эрос. Все человеческие чувства, как низменные, так и возвышенные, он сводит к любви. Тщеславие является любовью к чести, жадность — к богатству, зависть — любовью к себе, которая не выносит превосходства другого. Ненависть, которая особенно выделяется Бруно в качестве инструмента контроля, также является любовью, только с отрицательным знаком.

Наиболее успешная манипуляция, по мнению Бруно, осуществима, если удастся разжечь в манипулируемых любовь к себе — эгоизм. Для Великого Манипулятора важно, чтобы люди оставались подверженными страстям, а общество состояло из разрозненных, легко манипулируемых эгоистов и эгоистичных групп.

Главной целью манипуляции является контроль над человеческой фантазией или воображением, которые Бруно называет «главными воротами» или «связью связей». Так как в большинстве случаев не человек управляет своим воображением, а оно управляет им.

В XX веке ровно к тем же самым выводам пришла школа социологии воображения Жильбера Дюрана, выдвинувшего теорию, согласно которой все важнейшие элементы социального предопределены различными типами и режимами работы воображения, его символическими структурами и архетипами²⁴.

Выводом трактата Джордано Бруно является то, что всё манипулятивно, а единственно возможным инструментом манипулятивной магии является пронизывающая всё любовь, или Эрос. При этом сам Манипулятор должен быть абсолютно индифферентен любому внешнему воздействию, а значит, любой форме любви, включая любовь к добру и правде или ко злу. Образ Великого Манипулятора вполне сопоставим с одним из главных фетишей транс- и постгуманизма — всемогущим искусственным интеллектом.

Социальный мир, выстраиваемый вокруг Великого Манипулятора, организован по принципу сети связей вокруг анонимного мага, который осуществляет негласный контроль посредством подчинения воображения. Уже в XVI веке Бруно писал, что магическое воздействие на общество, эксплуатирующее человеческие страсти, осуществляется Манипулятором через использование визуальных образов и звуков.

Описанная профессором Кулиану концепция Джордано Бруно демонстрирует поразительное сходство с реалиями современного западного мира. Концепция сетевого общества стала практически общеупотребимой,

а власть во многом осуществляется именно за счёт контроля над воображением. В этом смысле стоит особо упомянуть американскую «фабрику грёз» — Голливуд, оказавший максимальное влияние на культуру человечества за последние 100 лет.

В современном мире тотальный контроль над воображением осуществляется с помощью аудиовизуальных средств: телевидения, кино, виртуальной реальности. Современное атомизированное общество потребления — это общество, где царствует культ эгоизма и чувственного удовлетворения, пронизанного сексуальными энергиями низшего порядка.

Кулиану видел прямую связь между положением дел в современном западном обществе и магическими рецептами Великого Манипулятора Джордано Бруно. Это не вызывает удивления, если помнить о той популярности, которой пользовалось интеллектуальное наследие Бруно у оккультных организаций Запада, претендующих на высшее знание, а значит, и на вполне конкретную политическую власть.

Заслуживает упоминания, что памятник Джордано Бруно, установленный в Риме в 1889 году на месте его казни, был заказан масонами. А его

²⁴ Бовдунов А. Профессор Кулиану и тайная история Запада. Часть 1. «Великий Манипулятор».

непосредственный автор итальянский скульптор и парламентарий Этторе Феррари являлся по совместительству Великим мастером регулярной масонской ложи Великий восток Италии.

К тому же именно Джордано Бруно был важнейшим участником того процесса, который английский историк Возрождения Фрэнсис Йейтс окрестила «Розенкрейцерским Просвещением»²⁵. Именно оно оказало решительное влияние на формирование европейской эпохи Просвещения и создание нового буржуазно-капиталистического общества. Общества, в котором на смену христианской иерархии приходит власть невидимых центров силы, претендующих на роль глобального центра силы — Великого Манипулятора.

Профессор Кулиану полагал, что способность активного управления человеческими фантазмами была доведена до совершенства ещё в рамках культуры Возрождения, которую он определял как «культуру воображения». По его мнению, именно в этой эпохе кроются настоящие истоки современных манипулятивных технологий.

Далеко не случайно один из аспектов чрезвычайно популярного в те времена Царского (Королевского) Искусства алхимии состоит в знании рычагов управления тайными общественными силами и умении на них нажимать надлежащим образом и в нужной последовательности.

Профессор Кулиану отмечает, что концепция Великого Манипулятора Джордано Бруно является во многом продолжением идей руководителя флорентийской Платоновской академии Марсилио Фичино.

Он констатирует, что для Фичино, как и для Бруно, любая магия основана на сексуальной энергии (Эросе). Для обоих магия является, в том числе, социальной и политической технологией. Фичино, как и Бруно, активно использует в отношении магии и любовной игры термин «сеть», а также такие выражения, как «капкан», «ловушка», «силки», «приманка». В магических формулах, используемых в трактате Бруно, призывается «великий демон» (Daemon Magnus), но именно так именовали любовь итальянские неоплатоники. Первым же это выражение применил Фичино в комментариях к «Пире» Платона²⁶.

Примечательно, что Кулиану всего на пять лет пережил своего учителя Элиаде: 21 мая 1991 года он был убит в туалете Чикагского университета выстрелом в голову. Его лицо было обезображено настолько, что коллеги не смогли сразу опознать убитого. Все говорило в пользу того, что это было не простое убийство, а ритуальная казнь. Несмотря на то что к расследованию подключилось ФБР и что оно находилось в поле зрения правительства США, личность убийцы и мотивы преступления не были установлены. Детектив Чикагского департамента полиции, опросивший более 100 человек, через два года после случившегося сказал, что в этом «таинственном» деле слишком много вопросов, на которые нет ответа. Весьма симптоматично, что в день убийства в Чикагском университете Кулиану читал заключительную лекцию своего курса, посвящённую гностицизму²⁷.

На примере истории профессора Йоана Кулиану и его учителя Мирчи

Элиаде можно заключить, что на современном Западе, похоже, не только учёные «подчас подчищают истоки модерна».

На гностические корни современного транс- и постгуманизма указывают не только профессор Кулиану (опосредованно) и профессор Зиммерман (непосредственно). Того же мнения придерживается современный британский философ Джон Грей, считающий трансгуманизм «научной формой гностицизма». В своей книге «Душа марионетки» Грей утверждает, что сегодня «не только эта горстка потерянных душ» (трансгуманисты), но и большинство людей на Западе придерживаются гностических убеждений²⁸.

Преподаватель философии Джеймс Хоскинс также полагает, что жаждущие постчеловеческого будущего, растворённого в цифровой среде, — это современные гностики²⁹. Однако, в отличие от Грея, Хоскинс считает, что гностической позиции придерживаются далеко не все трансгуманисты. Мировоззренческое ядро другой группы, в состав которой входят и представители христианских конфессий, состоит в том, что физическая реальность — это благое творение Бога и людей, призванных участвовать в уходе за этим творением и заботе о нём, в т. ч. с использованием новейших достижений науки и техники³⁰.

Как уже упоминалось выше, такая идеологическая неоднородность современного транс- и постгуманизма не прошла мимо внимания профессора Зиммермана, который выделяет две основные эзотерические «установки» «гуманизма сингулярно-

²⁵ Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция. — М., 2000.

²⁶ Бовдунов А. Профессор Кулиану и тайная история Запада. Часть 1. «Великий Манипулятор»; Часть 2. «Псы Актеона». // URL: <http://zavtra.ru/blogs/aleksandr-bovdunov-professor-kulianu-i-tajnaya-istoriya-zapada-chast-2-psyi-akteona-2012-12-17-092213>

²⁷ Горшунова О.В. Йоан Кулиану: в четвёртом измерении. // «Этнографическое обозрение» № 6, 2008. С. 94–110.

²⁸ Найдераузер Йоханнес, Философ Джон Грей считает, что стремление человека к свободе — это иллюзия. // URL: <https://www.vice.com/ru/article/exmj3e/john-gray-freedom>

²⁹ James Hoskins, Transhumanism Is the New Gnosticism. Christ & Pop Culture, 17 feb 2015. // URL: <http://christandpopculture.com/transhumanism-new-gnosticism/>

³⁰ James Hoskins, Transhumanism and Christian Orthodoxy: Where Do We Draw the Line? Christ & Pop Culture, 20 apr 2017. // URL: <https://christandpopculture.com/transhumanism-christian-orthodoxy-draw-line/>

***С возрождением античной культуры в эпоху
Ренессанса происходит возрождение гностических
идей, которые с тех пор составляют
имплицитный интеллектуальный горизонт
западной культуры. Вместе с ослаблением
и вытеснением традиционного христианства
различные изводы гностической доктрины
постепенно замещают место мировоззренческого
и метафизического ядра западного
цивилизационного проекта.***

сти» — герметическую и гностическую. Констатируя фундаментальную оппозицию этих «установок», профессор Зиммерман пишет: «Тогда как первый (герметизм) подчёркивает, что человечество может обрести знание, требуемое для трансформации Творения, последний (по крайней мере, в своём древнем варианте) считает Творение в сущности своей ошибочным и тем самым недостойным сохранения»³¹.

В качестве примера «герметического гуманизма» профессор Зиммерман приводит технопостгуманизм известного американского изобретателя и футуролога Рэймонда Курцвейла, обосновавшего технологическую сингулярность: «С его точки зрения, люди важны, но они никоим образом не являются финальной формой на длинном эволюционном пути, когда материя становится жизнью, затем обретает самосознание и, наконец, достигает статуса имманентной Божественности. После превращения себя в виртуальных бессмертных, пророчествует Курцвейл, технопостгуманисты начнут ко-

лонизацию галактики Млечного Пути, в процессе пересоздавая вселенную по своему собственному образу. Курцвейл представляет себе сингулярность как исполнение древнего религиозного чаяния, а именно — избавления вселенной от страдания и неведения и превращения её в самосознающее целое»³². «Когда мы насытим материю и энергию вселенной интеллектом, они «пробудятся», станут сознательными и высокоразумными. Это так близко к Богу, как только я способен себе представить»^{33,34}.

При этом профессор Зиммерман констатирует, что «такие разговоры о Боге не пользуются поддержкой среди атеистичных транс- и постгуманистов»³⁵.

Примечательно, что упомянутый выше британский философ Джон Грей в книге «Комиссия по бессмертию»³⁶ в качестве одного из главных источников «магического мышления» Рэймонда Курцвейла и олицетворяемого им сегмента трансгуманизма называет именно СССР 1920-х годов с его намерениями, по выражению

Грея, «создать здесь, на Земле, новые коллективные небеса»³⁷.

Как бы то ни было, мы должны констатировать, что в трансгуманизме, как, впрочем, и во всём современном Западном мире, «первую скрипку» играют отнюдь не Курцвейл и его многочисленные единомышленники, а представители «правого» гностицизма, для которых «дольний» материальный мир изначально и по определению погружён во зло окончательно и неисправимо. А потому гностическое магическое действие следует направлять либо на личный уход из этого «проявленного» мира, либо на власть над этим «злым» миром, либо на полное уничтожение материального мира как тотального зла»³⁸.

Одной из главных аксиом «правого» гностического мировоззрения является фундаментальное и непреодолимое неравенство человеческих существ. Н. С. Ищенко в работе «Идеи гностиков в советской фантастике» пишет по этому поводу следующее: «Наш мир — это обречённое тлению и ужасу место, которое нельзя улучшить, а можно только уничтожить. Однако в этом ужасном аду есть светлые моменты — это души людей. Души людей как искры истинного света, они занесены в этот мир из того самого высшего и самого светлого предела и состоят, по существу, из добра, противоположного злу. И тут появляется самая главная гностическая идея, которая выступает маркером гностического мировоззрения: такие души-искры имеют не все люди, а только некоторые. В гностических учениях большинство людей имеют

³¹ Зиммерман М. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме.

³² Michael E. Zimmerman, The Singularity: A Phase in Divine Self-Realization? // Cosmos and History: The Journal of Natural and Social Philosophy, Vol. 4, No 1–2, 2008.

³³ Ray Kurzweil, The Singularity Is Near. New York: Penguin, 2006. P. 375.

³⁴ Зиммерман М. Последний человек или сверхчеловек?

³⁵ Там же.

³⁶ The Immortalization Commission: Science and the Strange Quest to Cheat Death by John Gray. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2011.

³⁷ The Immortalization Commission: Science and the Strange Quest to Cheat Death by John Gray — review by Richard Holloway. // URL: <https://www.theguardian.com/books/2011/jan/30/immortalization-commission-john-gray-review>

³⁸ Бялый Ю. Преемственность гностической идеологии и исторические европейские выявления «культуры смерти».

душу из той же материи, что и всё остальное в этом мире. Такие люди зовутся людьми природными, *гиликами*, и они погибнут вместе с душой, когда умрут. Есть люди душевные (*психики*. — А. К.), которые имеют шанс попасть в нижний круг рая, если будут вести строгий образ жизни и соблюдать все предписания морали. И наконец, есть истинные люди, люди духовные, *пневматики*. Только их души заброшены к нам сюда из верхнего мира, и только эти души возвратятся туда после смерти³⁹. Однако для того, чтобы вернуться в высшую сферу, пневматик должен владеть особыми техниками и обладать неким особым знанием. «Знание» по-гречески «гнозис», отсюда и происходит название «гностики»⁴⁰.

Ищенко констатирует, что гностицизм во многом явился реакцией умирающего античного мира на появление христианства. Гностическое учение в первые века н.э. можно рассматривать как попытку перехвата инициативы и использования в своих целях новых, набирающих популярность христианских образов и идей: «Согласно гностическим учителям, Иисус пришёл в наш мир только ради них, ради *пневматиков*. Всё, что написано в Евангелиях, это истории для простаков, сквозь которые только иносказательно просвечивает подлинный смысл, а на самом деле Иисус принёс тайное знание, тот самый гнозис, который с тех пор гностики передают друг другу, чтобы вернуться на свою сияющую родину⁴¹. Нужно особо отметить, что *пневматики* попадают в высшую сферу не за своё поведение и не за свои заслуги, а только по своей природе. Они не обязаны соблюдать моральные нормы и могут вести себя как угодно — они будут спасены просто потому, что их души

изначально оттуда, из царства света, туда они и вернуться»⁴².

Благодаря активному сопротивлению христианской церкви указанная попытка перехвата инициативы была сорвана, и после нескольких веков упорной борьбы гностики переместились в тень, на задний план исторической авансцены. Однако вместе с возрождением античной культуры в эпоху Ренессанса происходит возрождение гностических идей, которые с тех пор составляют имплицитный интеллектуальный горизонт западной культуры. Гностические смысловые ядра оказываются чрезвычайно востребованными в среде западных элит (в т.ч. интеллектуальных), поскольку соответствуют их жизненной философии, но в ещё большей степени — их социальному статусу. Идея о людях, изначально обладающих особыми качествами, удачно наложилась на аристократические представления об особой («голубой») крови как буквальном носителе этих самых качеств. Вместе с ослаблени-

ем и вытеснением традиционного христианства различные изводы гностической доктрины постепенно замещают место мировоззренческого и метафизического ядра западного цивилизационного проекта⁴³.

Гностики последовательно пытаются не только получить доступ к рычагам актуальной политической власти, но и стать «властителями душ и умов» всего человечества, включая презираемых ими *психиков* и *гиликов*. Дело в том, что в «правом» гнозисе душа вообще никак не зависит от носителя, структуры носителя и его действий — гностический *пневматик* может вести себя как угодно, с его душой всё равно ничего не случится. *Пневматик* не может лишиться «сверхчеловечности» и «избранности» ни при каких обстоятельствах и всё равно будет спасён. Одновременно с тем «правые» гностики всегда одержимы идеей уничтожения (или как минимум радикального переустройства) всего мира, поскольку мир, сотворённый «злым богом», держит в плену их светлые

³⁹ Св. Иринея Лионский. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди./Св. Иринея Лионский; пер. протоиерея П. Преображенского, Н.И. Сагарды. — СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. — 672 с. С. 39.

⁴⁰ Ищенко Н.С. Идеи гностиков в советской фантастике. // URL: <http://terra.lgaki.info/art-zametki/idei-gnostikov-v-sovetskoy-fantastike.html>

⁴¹ Св. Иринея Лионский. Против ересей. С. 41–43.

⁴² Ищенко Н.С. Идеи гностиков в советской фантастике.

⁴³ Неклесса А.И. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности. // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира./Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып. 2. М., 2002. С. 17–47.

ВОЗВРАЩЕНИЕ «НОВЫХ БОГОВ»?

«Кульм этот никогда не прекратится, он сохранится до тех пор, пока звёзды вновь не займут удачное положение, и тайные жрецы поднимут великого Ктулху из его могилы, чтобы оживить Его подданных и восстановить Его власть на Земле. Время это легко будет распознать, ибо тогда все люди станут как Великие Старейшины — дикими и свободными, окажутся по ту сторону добра и зла, отбросят в сторону законы и мораль, будут кричать, убивать и веселиться. Тогда освобождённые Старейшины раскроют им новые приёмы, как кричать, убивать и веселиться, наслаждаясь собой, и вся земля запыхает всеуничтожающим огнём свободы и экстаза. До тех пор культ, при помощи своих обрядов и ритуалов, должен сохранять в памяти эти древние способы и провозглашать пророчества об их возрождении...»

Г. Ф. Лавкрафт «Зов Ктулху»

(опять же только их, а не остального человечества, которое вообще мусор) души, «падшие из Света в материю»⁴⁴.

Один из наиболее характерных гностических сценариев спасения из плена «злого» Демиурга Ищенко излагает на примере религиозного учения пророка Мани (III век), с которым «правый» гностицизм тесно смыкается в вопросе отношения к нашему миру: «Манихеи не признают иерархии миров; по их учению, наш единый мир сотворили добрый и злой бог, которые равны по силе между собой. Злой бог сотворил материю и человеческие тела, а добрый — души. Смерть — это освобождение из земного ада, из плена материи, и после смерти души возвращаются к светлому богу. Казалось бы, для манихей естественная жизненная стратегия — самоубийство. Однако и гностики, и манихеи признавали переселение душ. То есть уходить надо всем вместе, потому что, пока на земле рождаются дети, душе придётся возвращаться обратно, и хорошо, если на день или на год, а если нужно будет провести в этом плену лет пятьдесят? Потому манихеи, как и гностики,

выбирают следующую стратегию: **нужно обратить в свою веру всё человечество и коллективно покончить с собой. Этого можно достичь, если перестать рожать детей. Тогда в следующем поколении человечество вымрет и все освободятся** (выделено нами. — А. К.)»⁴⁵.

Подобного рода сценарии «освобождения из плена материи» следует рассматривать как настоящую откровенную точку современного транс- и постгуманистического мэйнстрима (de facto — гностического техно-сатанизма) вкупе со всеми прелестями вроде «постлюдей 2.0», «чипов в мозг», «иммунной системы из нано-роботов» и, шире, всей совокупной морали Большого Запада, придуманной не Курцвейлом и даже не ультралибералами с «неоконами»⁴⁶. Только трезво осознавая, что в данном случае мы имеем дело не с чем-то ультрасовременным, а, наоборот, чрезвычайно древним, но заполучившим в своё распоряжение новейшие технологические возможности, мы сможем надлежащим образом отразить угрозу и адекватно к ней подготовиться.

В 2012 году Национальный совет по разведке США заявил, что в ближайшие 15 лет основной тенденцией станет расширение «врождённых человеческих возможностей» при помощи НБИК-технологий (совокупность нано-, био-, информационных и когнитивных технологий)⁴⁷.

Некоторые экспериментальные НБИК-разработки уже презентованы широкой общественности. К примеру, небезызвестный Эдвард Сноуден рассказал о дистанционном мониторинге нейронов (Remote Neural Monitoring). Технология работает по принципу подводного эхолокатора: в слуховую кору головного мозга и зрительные центры посылаются кодированные низкочастотные сигналы. Это вызывает обратные колебания потенциалов мозга в определённом диапазоне,

⁴⁴ Гностицизм. Для volgota. // URL: <https://kizaki-gamrin.livejournal.com/19330.html>

⁴⁵ Смагина Е.Б. Манихейство: по ранним источникам. / Е.Б. Смагина. — М.: Восточная литература, 2011. — 519 с. С. 134–385.

⁴⁶ Гностические идеи и постлюди 2.0. // URL: <https://kizaki-gamrin.livejournal.com/14756.html>

⁴⁷ Global Trends 2030: Alternative Worlds a publication of the National Intelligence Council // URL: <https://info.publicintelligence.net/GlobalTrends2030.pdf>

а также электромагнитное излучение. Затем полученные колебания декодируют и проецируют на монитор. Фактически это позволяет осуществлять в буквальном смысле телепатическое общение: напрямую передавать звуковые и визуальные сообщения, видеть и слышать чужими глазами и ушами. Планируется, что эту технологию помимо прочего будут использовать для «выявления неблагонадёжных социальных элементов», что вызывает неизбежные аллюзии на полицию мыслепреступлений и очередной виток поиска эффективных средств тотального контроля⁴⁸.

Ещё одна разработка — оптогенетика, призванная помочь всем желающим «улучшить врождённые качества и особенности организма с помощью управления мозговой активностью». С этой целью предлагается использовать генномодифицированные нейроны, способные синтезировать опсины — светочувствительные белки, содержащиеся в глазных клетках. Их деятельностью можно управлять при помощи световых сигналов, влияя тем самым на мозговую активность. Вначале в модифицированные нейронные мембраны вводятся чувствительные к свету гены, выделенные из микроорганизмов — водорослей или вирусов. Затем в черепе сверлят отверстие и вводят тонкий оптоволоконный кабель, через который в плотные жировые ткани мозга поступают световые сигналы. Таким образом учёные манипулируют электрической активностью нейронов.

Похожего эффекта можно добиться при вживлении мозговых имплантов. Одним из пионеров в этой области стал стартап Neuralink, презентованный Илоном Маском. Через 8-миллиметровое отверстие в черепе вживляются 100 проводов и 3000 электродов. Сигналы принимает небольшой блок, который планируется располагать за ухом, а он,

в свою очередь, будет передавать данные на компьютер. Как заявляют представители проекта, конечная цель — совместить работу мозга с искусственным интеллектом, имеющим подозрительно много общего с Великим Манипулятором Джордано Бруно.

Илон Маск утверждает, что в перспективе с помощью подобных технологий человек получит возможность улучшать свои качества. Пока же разработчики сосредоточились на благородной цели помочь инвалидам вновь жить полноценной жизнью. Но о своих успехах они особенно не распространяются, поскольку проектом активно интересуются военные ведомства, заинтересованные возможностью дистанционного управления военной техникой. Те же самые функции в будущем может предоставить нейроинтерфейс Brain Gate 2 — система дистанционного управления для инвалидов, которая разрабатывается и тестируется на протяжении последних десяти лет.

Команде учёных под руководством профессора биомедицинской инженерии Дона Сонга уже удалось создать устройство для улучшения когнитивных способностей. Двадцати добровольцам вживили в мозг электроды для точечной стимуляции по заданному алгоритму; в результате кратковременная память участников опыта улучшилась на 15%, а долговременная — на 25%.

Однако в этой связи возникает резонный вопрос — за вычетом случаев оказания помощи больным людям,

можно ли назвать подобные технологические «улучшения» человека эволюцией в полном смысле слова? Само это понятие подразумевает, что приобретённые человеком качества становятся неотъемлемыми, чего не скажешь о вживлённых в мозг электродах и проводах, которые нуждаются в бесперебойной подаче связи и энергии⁴⁹.

С позиции религиозной антропологии возникает не менее весомое опасение, что такого рода «улучшательские» технологии, связанные с вмешательством в высшую нервную деятельность и уж тем более в геном человека, могут блокировать его высшие способности, раскрывающиеся в рамках различных аскетических практик.

Да и вообще, есть серьёзные основания подозревать, что под видом «гомомодернизации» и «улучшения человеческих способностей» потерявшему ориентиры человечеству «продают» новейшую модификацию системы тотального контроля во главе с Великим Манипулятором, поданным под «соусом» всемогущего ИИ (в этой связи почему-то приходит на память образ «Великого и Ужасного» Гудвина из «Волшебника изумрудного города» Александра Волкова).

Эксперт справедливо замечает: «Ситуация, когда сверхинтеллект едет по улице на машине с очень бензиновым двигателем внутреннего сгорания, а электрический ток вырабатывают в основном ТЭС на угле, нефти и сланцевом газе, а космос — это запуск на орбиту бочек

Есть серьёзные основания подозревать, что под видом «гомомодернизации» и «улучшения человеческих способностей» потерявшему ориентиры человечеству «продают» новейшую модификацию системы тотального контроля во главе с Великим Манипулятором, поданным под «соусом» всемогущего ИИ.

⁴⁸ Edward Snowden describing Remote Neural Monitoring. // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YKnVcjXfJs4>

⁴⁹ Никовин Н. Эволюция, сегрегация или общество всеобщего контроля? Что такое трансгуманистические технологии и куда они нас ведут. // URL: <https://knife.media/transhuman-threat/>

Многие сторонники «улучшения» человеческой природы считают, что техническое усовершенствование человека приведёт к созданию принципиально нового вида. Медик-исследователь и писательница Даниэль Теллер считает, что новому человеку в борьбе за жизненное пространство придётся столкнуться с «обезьяной будущего» *Homo sapiens*, точно так же, как *Homo sapiens* когда-то вступил в борьбу с неандертальцами, которая обернулась для последних тотальным уничтожением.

с лампочками и т.д. — это что угодно, только не technological singularity. <...> Сверхинтеллект полноценен только в адекватном его возможностям мире, а не в современном. В современном (и таком, который мыслят теперешние трансхьюманики) для сверхинтеллекта просто нет задач, и его мощности будут на 99% времени простаивать. Хороший мир для сверхсущностей и сверхсуществ — это большой открытый мир, где между звёздами летают корабли с гиперпространственными движками и где можно исследовать Вселенную. Уровень задач, которые ставит жизнь, будет вполне адекватен сверхинтеллекту. Оказавшись запертым в глобализированной банке с кончающимися ресурсами и вселенскими задачами уровня “Как нам вылечить прыщ на жопе?” и “Как нам уничтожить Россию, Китай и Иран?”, “Как нам провести гей-парад?” и т.д. сверхинтеллект неизбежно одичает и деградирует, заболеет психически и начнёт “беситься” и совершать полные безумства от невыносимой скуки и невозможности себя к чему-либо приложить»⁵⁰.

Относительно заявления трансгуманистов о том, что «биология может обеспечить нас средствами улучшения естественного человеческого интеллекта» эксперт задаётся закономерным вопросом: «Что считать “улучшением интеллекта”? Более высокая скорость мышления, например, не прибавляет ума. Глупец может мыслить на порядок быстрее гения. Только вот решения он будет принимать неверные и дурацкие. Зачем это нужно? Куда сможет себя приложить социально человек с улучшенным интеллектом в мире, где курс на дебилизацию и умные просто опасны?»⁵¹. Добавим, что всё это происходит на фоне гностической «чудовищной картинке не изменяемого к лучшему мира, в котором “быдло” не учат и не развивают, а всё глубже закапывают вглубь “чисто телесного” существования»⁵².

Ещё один важный аспект проблемы «гомомодернизации» затрагивается авторами уже упомянутого доклада Национального совета по разведке США «Глобальные тренды — 2030», которые откровенно заявляют: «Через 10–15 лет технологии расширения

человеческих возможностей будут доступны только тем, кто сможет за них заплатить. Это повлечёт за собой построение двухуровневого общества, и неизбежно возникнут морально-этические проблемы»⁵³.

Учёные Лондонского королевского общества, в свою очередь, подтверждают, что трансгуманистические технологии произведут настоящую социальную революцию, но одновременно их дороговизна увеличит расслоение общества⁵⁴.

Британский эколог Билл МакКиббен также уверен, что такого рода технологии будут доступны далеко не всем, а молекулярный биолог Ли М. Сильвер утверждает, что они приведут к созданию двухуровневого общества генно-инженерных «имущих» и «неимущих»⁵⁵.

Такого рода социальное расслоение вызывает непосредственные ассоциации с «правым» гностицизмом, подразделяющим человечество на элитарных *пневматиков*, бесправных *гиликов* и служебных *психиков*. В этом смысле весьма многозначительно выглядит предупреждение британского кибернетика Кевина Уорвика, адресованное противникам «гомомодернизации»: «Отказавшихся улучшаться и решивших остаться человеком новый технически улучшенный вид будет рассматривать как низших существ, точно так же, как люди сейчас рассматривают обезьян или коров»⁵⁶.

Многие сторонники «улучшения» человеческой природы считают, что техническое усовершенствование человека приведёт к созданию принципиально нового вида. Профессор Зиммерман пишет: «Постгуманисты сингулярности призывают к новым формам идентичности и перфор-

⁵⁰ Дедушка Виндж vs. гностический трансгуманистический сатанизм. // URL: <https://kizaki-gamrin.livejournal.com/14518.html>

⁵¹ Там же.

⁵² О гностицизме. // URL: <https://edelberte.livejournal.com/45650.html>

⁵³ Global Trends 2030: Alternative Worlds a publication of the National Intelligence Council.

⁵⁴ iHuman: blurring lines between mind and machine // URL: <https://royalsociety.org/-/media/policy/projects/ihuman/report-neural-interfaces.pdf>

⁵⁵ Никовин Н. Эволюция, сегрегация или общество всеобщего контроля? // URL: <https://knife.media/transhuman-threat/>

⁵⁶ Там же.

мативности, но участвующие в этом акторы будут всё меньше походить на *Homo sapiens*. Вариация на “конец человека”, предложенная сингулярностью, может означать *фактическое вымирание* нашего вида. <...> Литературно-философский постгуманизм призывает к концу гуманизма, смерти человека и стиранию субъекта (или по меньшей мере возвещает о них). Постгуманизм сингулярности призывает к закату (и, возможно, гибели) человеческого вида путём создания богоподобных роботов»⁵⁷.

Медик-исследователь и писательница Даниэль Теллер считает, что новому человеку в борьбе за жизненное пространство придётся столкнуться с «обезьяной будущего» *Homo sapiens*, точно так же, как *Homo sapiens* когда-то вступил в борьбу с неандертальцами, которая обернулась для последних тотальным уничтожением»⁵⁸.

Историк и футуролог С.Б. Переслегин делает следующий неутешительный прогноз: «Наш вид *Homo sapiens* чрезвычайно эгоистический, он настаивает на своей монополии на разум. В прошлом были и другие варианты развития человечества: синантропы, неандертальцы и так далее, но почему-то остался только один вид — наш, все остальные были уничтожены. Сверхлюди, если они появятся, будут рассматриваться как альтернативный вид. На самом деле не так уж важно, мы их будем считать не-людьми или они нас, но то, что создание сверхчеловека приведёт к колоссальной видовой борьбе, очевидно. Это будет такая война, что термоядерные войны между США и СССР из книжек фантастов 1950–1960-х годов будут восприниматься как детский утренник»⁵⁹.

Возникает устойчивое впечатление, что перед нами набор различных конкурирующих сценариев из арсенала гностического техносатанизма, преследующих в конечном итоге своей целью фактическое уничтожение *Homo sapiens*. Ещё раз напомним, что для «правых» *пневматиков* большая часть людских душ — *гиликов* и *психиков* — сотворена Силами Тьмы и из тьмы. Причём *гилик* может быть добрым, моральным и нравственным — он всё равно погибнет, ибо его душа изначально, по праву рождения, принадлежит Миру Тьмы, будучи сотворённой из «тёмной духовной материи». Т.е. большая часть людей в представлении такой модификации гностицизма — просто мусор, который может и должен быть уничтожен»⁶⁰.

Также нельзя сбрасывать со счетов сценарий, в рамках которого настоящие бенефициары современного

транс- и постгуманизма готовят технологическую почву для физического воплощения существ иного порядка. Прозрачный намёк на это мы обнаруживаем всё у того же профессора Зиммермана, который пишет: «Искусственно улучшенные люди, киборги и роботы подготовят почву для богоподобных постчеловеков»⁶¹. <...> Открытия в нанотехнологии, генетической инженерии, робототехнике и искусственном интеллекте соединятся в точке для того, чтобы сделать возможным возникновение существ столь величественных и вместе с тем столь непостижимых, что человечество будет им поклоняться, как богам, в которых мы можем поверить!»⁶²

Уже упомянутый выше британский философ Джон Грей в книге «Комиссия по бессмертию» пишет, что один из истоков идеологии трансгуманизма берёт своё начало в оккультных

⁵⁷ Зиммерман М. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме.

⁵⁸ Danielle Teller What will destroy us first: Superbabies or AI? // URL: <https://qz.com/653221/what-will-destroy-us-first-superbabies-or-ai/>

⁵⁹ Сеньшин Е. «Это не просто безработица, а лишение человечества принципиального смысла существования». Футуролог Сергей Переслегин: ныне живущие погибнут в войне людей и киборгов. // URL: https://www.znak.com/2017-01-09/znamenityy_futurolog_nyne_zhivuchie_pogibnut_v_adskey_voynye_lyudey_i_kiborgov

⁶⁰ Гностицизм. Для volgota. // URL: <https://kizaki-gamrin.livejournal.com/19330.html>

⁶¹ Andy Clark, Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence. New York: Oxford University Press, 2003.

⁶² Зиммерман М. Религиозные мотивы в технологическом постгуманизме.

кружках британской аристократии викторианской эпохи (вторая половина XIX — начало XX века), участники которых не только вступали в контакт с «духами», но и искали возможность их буквального воплощения среди живущих на Земле. В числе участников этого амбициозного «предприятия» Грей называет основателей Общества психических исследований (1882) — активиста первой волны спиритуализма Фредерика Уильяма Майерса (1843–1901), философа и экономиста Генри Сиджвика (1838–1900), а также одного из создателей современной психологии философа и психолога Уильяма Джеймса (1842–1910), лауреата Нобелевской премии в области физиологии и медицины, члена парижской масонской ложи «Космос»

№ 288 Великой ложи Франции Шарля Робера Рише (1850–1935) и, наконец, видного деятеля британского политического олимпа, 50-го премьер-министра Великобритании, министра иностранных дел и лорда-председателя Совета графа Артура Джеймса Бальфура (1848–1930)⁶³.

Следует отметить, что подобно-го рода изыскания не являлись исключительной прерогативой Викторианской эпохи. Ещё у древних обитателей Палестины зафиксирован тайный культ рефаимов — обитателей потустороннего мира, считавшихся обладателями экстраординарных знаний и обозначавшихся как «знающие (духи)» (yidde'onim). Этот культ, практиковавшийся в иудейских аскетических сектах ессеев

и терапевтов, сформировался вокруг дренеханаанейской и древнеизраильской концепции, в которой рефаимы, упоминаемые в угаритских источниках как «боги», «звёздные боги», «звёздные [существа]», «пребывавшие в обители богов», воспринимались в качестве «божественных предков» и позиционировались как реальный род, восходящий к плотскому союзу «дочерей человеческих» и допотопных «стражей» («сынов Божиих», «бодрствующих», Быт. 6:1–4)⁶⁴. По имеющимся сведениям, в Европе восприимчивыми этого культа стали некоторые патрицианские семьи языческого Рима, а впоследствии некоторые представители номинально христианизированной венецианской аристократии⁶⁵.

⁶³ The Immortalization Commission: Science and the Strange Quest to Cheat Death by John Gray — review by Richard Holloway.

⁶⁴ Тантлевский И.Р. Книги Еноха. Сефер Йецира — Книга Созидания. /Пер. с др.-евр., араб. И.Р. Тантлевский. — М.: Мосты культуры/Гешарим, 2002/5763. — 376 с. 2002. С. 265–267, 270. Тантлевский И.Р. Мелхиседек и Метатрон в иудейской мистико-апокалиптической традиции. — СПб, 2007. С. 65–66.

⁶⁵ Дананн, Александр де. Память крови. — Москва-Воронеж: TERRA FOLIATA. 2012.

Согласно Книге Еноха, в преддверии Великого Потопа в наказание за свои беззакония рефаимы были частью истреблены, а частью превращены в злых духов, которые «остаются на Земле и являются источником и причиной продолжающегося присутствия в послепотопном мире зла и греха»⁶⁶. По мнению некоторых исследователей, послепотопная активность рефаимов может быть сопоставлена с допотопной деятельностью «стражей», т.е. речь идёт о «греховном обучении, в рамках которого падшие ангелы открыли людям небесные тайны»⁶⁷.

Отсюда с известной долей осторожности можно предположить, что один из внутренних «окультурных» сценариев развития современных транс- и постгуманистических технологий (в частности, т.н. «загрузка (перенос) сознания» на материальный носитель) предполагает буквальное физическое воплощение «знающих духов» рефаимов в качестве «новых богов» или «божественных предков» гностической «элиты» человечества. Согласно некоторым источникам, попытки трансферта сознания из одного физического тела в другое, равно как и практики «подселения духов», уже давно и неоднократно апробировались в рамках различных закрытых «элитных» сообществ, практикующих особые ритуалы и древние магические методики⁶⁸. Однако по понятным причинам нам практически ничего

С известной долей осторожности можно предположить, что один из внутренних «окультурных» сценариев развития современных транс- и постгуманистических технологий (в частности, т.н. «загрузка (перенос) сознания» на материальный носитель) предполагает буквальное физическое воплощение «знающих духов» рефаимов в качестве «новых богов» или «божественных предков» гностической «элиты» человечества.

неизвестно о результативности подобных манипуляций.

В указанном контексте весьма симптоматично выглядит призыв о необходимости сменить эпоху Антропоцена эпохой Ктуллуцена, озвученный в манифесте «Антропоцен, Капиталоцен, Плантациоцен, Ктуллуцен: создание племени»⁶⁹ таким вполне признанным академическим авторитетом, как почетный профессор факультета феминистских исследований и факультета истории сознания Калифорнийского университета в Санта-Крузе Донна Харауэй. Одна из основоположниц киберфеминизма и «нового материализма», автор «Манифеста киборгов» (1985)⁷⁰ производит название новой постчеловеческой эпохи не из имени «монстра-женоненавистника Ктулху из расовых кошмаров, вышедшего из-под пера писателя-фантаста Лавкрафта», а «в честь многообразных сил, обвивших своими щупальцами

всю Землю и вобравших в себя такие имена как Нага, Гайя, Тангароа (проросший из покрытой водами Папа), Терра, Ханьясу-химэ, Женщина-паук, Пачамама, Ойя, Горго, Равен, А»акуюуюуюси и многие другие». Ктуллуцен Харауэй, по её словам, «охватывает бесчисленное множество временных и пространственных сущностей, мириады совокупностей интраактивных существ, в том числе, сверхчеловеческое противоположное человеческому, сверхчеловеческое и человеческое как гумус». При этом Харауэй многозначительно констатирует, что «Нага, Гайя, Тангароа, Медуза, Женщина-паук и подобные им многие тысячи имён прекрасно чувствуют себя в спекулятивном формате, который не мог и вообразить себе Лавкрафт — во взаимосвязанной сети умозрительных сюжетов, теоретического феминизма, научной фантастики и научного факта»⁷¹.

⁶⁶ Фишелев М.М. Представление об ангелах как об источниках зла в рукописях Мёртвого моря. Диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук. Научный руководитель доктор философских наук, профессор Тантлевский И.Р. СПбГУ, 2012. — 143 с. С. 65.

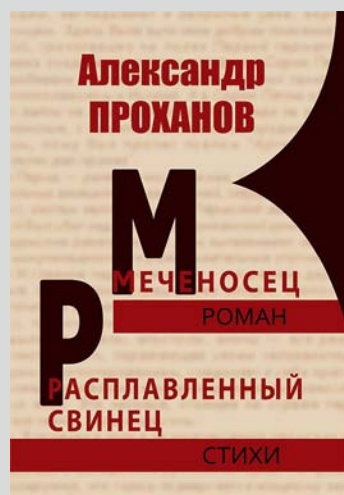
⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Дананн, Александр де. Память крови. Победоносный Г. Инициация и контринициация. // URL: <http://www.proza.ru/2016/07/12/47>

⁶⁹ Donna Haraway Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin. // Environmental Humanities vol. 6, 2015. P. 159–165. // URL: <https://environmentalhumanities.org/arch/vol6/6.7.pdf> Русский пер. М. Мацковской: Харауэй Д. Антропоцен, Капиталоцен, Плантациоцен, Ктуллуцен: создание племени. // Художественный журнал Moscow Art Magazine, № 99. 2016. // URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/39/article/771>

⁷⁰ Donna Haraway Manifesto for Cyborgs: Science, Technology, and Socialist Feminism in the 1980s. // Socialist Review 80 (1985). Pp. 65–108. // URL: https://monoskop.org/images/5/5c/Haraway_Donna_1985_1987_A_Manifesto_for_Cyborgs_Science_Technology_and_Socialist_Feminism_in_the_1980s.pdf

⁷¹ Donna Haraway Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin. // Environmental Humanities vol. 6, 2015. P. 159–165. // URL: <https://environmentalhumanities.org/arch/vol6/6.7.pdf> Русский пер. М. Мацковской: Харауэй Д. Антропоцен, Капиталоцен, Плантациоцен, Ктуллуцен: создание племени. // Художественный журнал Moscow Art Magazine, № 99. 2016. // URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/39/article/771>

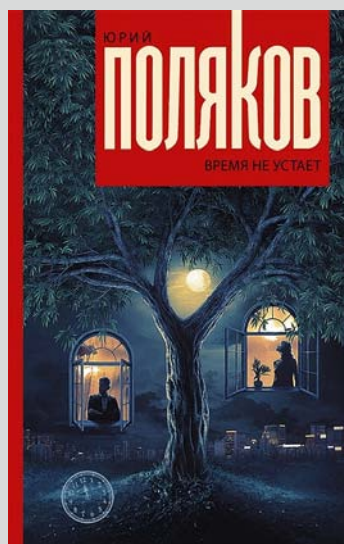

Александр ПРОХАНОВ.
Меченосец. Роман. Расплавленный свинец. Стихи. —
М.: Наше завтра, 2022. — 432 с.

Советский Союз доживает свои последние годы, им правит умирающий генсек Константин Черненко. Развал страны неизбежен, ибо внутри неё действует множество разнообразных организаций и сект, готовящих уничтожение СССР изнутри. Основные из них сосредоточены в Москве, где есть всё: еврейские собрания и православные общины, фашистские объединения и русские националистические общества, комсомольские кооперативы и артели свободных художников. Капитан госбезопасности

Сергей Листовидов получает задание от генерала Клубникова — внедриться во все эти кружки и составить «атлас аномальных явлений» для выявления опасных элементов и спасения государства. Выполняя приказ, Листовидов находит и теряет свою большую любовь, а также неожиданно открывает для себя страшную тайну, меняющую его представление о происходящих в стране процессах.

Также в том вошли новые циклы стихов Проханова.

Юрий ПОЛЯКОВ.
Время не устаёт. —
М.: АСТ, 2022. — 576 с.

Книга «Время не устаёт» — последний, двенадцатый том собрания сочинений известного русского писателя Юрия Полякова, успешно работающего в разных жанрах. В этот том вошли стихи, сочинённые почти за полвека. Среди них — известные строфы, выходившие в периодике и включавшиеся автором в сборники, а также никогда не публиковавшиеся, хранившиеся в архиве и подготовленные специально для данного издания. Не оставят читателей равнодушными острые сатирические стихи на злобу

дня, а также новые произведения, написанные зрелым мастером в последние годы. В книгу также включена известная работа Полякова о фронтовой поэзии «Между двумя морями», посвящённая жизни и творчеству Георгия Суворова (1919–1944). Открывает том искрометное эссе «Как я был поэтом», насыщенное тонкими и остроумными наблюдениями над «высоким ремеслом» стихотворца, а завершают оригинальные статьи о классиках жанра — Пушкине, Есенине, а также о ряде выдающихся советских лириков.

Юрий ТАВРОВСКИЙ.
Китайское чудо. Корни и плоды.
Поднебесная на пути великого возрождения китайской нации. —
М.: Книжный мир, 2022. — 270 с.

Стремительное развитие Китайской Народной Республики в конце XX — начале XXI века подкреплено колоссальным историческим опытом пребывания на международной арене в качестве великой державы в течение двух с половиной тысяч лет. Дружественный нам Китай готов к противостоянию с США и, без сомнения, в союзе с Россией выдержит суровые испытания.

Важные аспекты недавней истории КНР в ракурсе современной международ-

ной ситуации и ключевой роли Китая в её разрешении анализирует в своей новой книге Юрий Вадимович Тавровский — член Изборского клуба, руководитель Экспертного совета Российско-китайского комитета дружбы, мира и развития. В книге подробно проанализированы такие аспекты китайского чуда и китайской мечты, как: исправление политических ошибок, специфика китайского социализма и китайской демократии, значение компартии, роль вождя и другие.

Хронология мероприятий клуба

8 ноября 2022 года

В офисе Изборского клуба на Фрунзенской набережной состоялся круглый стол **«Кризис элит и механизмы кадровой революции»**. В заседании очно и по видеосвязи приняли участие Александр Проханов, Виталий Аверьянов, Вячеслав Штыров, Максим Калашников, Андрей Кобяков, Георгий Малинецкий, Сергей Переслегин, Владимир Лепёхин, Константин Бабкин, Вячеслав Рудников, священник Василий Литвинов, Фёдор Папаяни и др. Речь шла как о сценариях «революции сверху», так и о путях и моделях самоорганизации патриотов снизу.

Материалы круглого стола публикуются на страницах газеты «Завтра», также готовится выпуск нашего журнала по этой теме.

15 ноября 2022 года

В Москве в галерее «Тушино» состоялось торжественное открытие персональной выставки заслуженного художника России, выдающегося графика и живописца, постоянного члена Изборского клуба **Геннадия Животова**. Выставка носит название «Творческий портрет художника», в ней представлены работы разных лет, среди которых и новые циклы автора. Геннадий Васильевич известен широкой аудитории как многолетний художник газеты «Завтра», в том числе в жанре политически заострённой графики. На вечере выступили многие его коллеги по цеху, представители Союза художников. От лица Изборского клуба взяли слово и рассказали о своём видении таланта и личности Геннадия Животова **Александр Проханов и Виталий Аверьянов**.

7 декабря 2022 года

В связи с отмечаемым в 2022 году 10-летним юбилеем Изборского клу-

ба в Центральном доме литераторов в Москве состоялась дружеская встреча членов клуба, на которой участники обменялись своим видением исторического момента, высказались по поводу пути, пройденному Изборским сообществом, обсудили планы на будущее.

7 декабря 2022 года

На телеканале «Россия» в передаче «Жизнь и судьба» в качестве главного героя и гостя студии выступил **Александр Проханов**. Речь в передаче шла о большом пути писателя и одного из самых известных советских военкоров, прошедших в этом качестве несколько десятков войн в горячих точках планеты, начиная с острова Даманский и до военных конфликтов XXI века. Но главной темой стала, как это прозвучало в передаче, «последняя и самая важная война в его жизни», СВО на Украине 2022 года. Александр Проханов рассказал о том, каким он видит значение этой войны для будущего России. Он посвятил ей новые стихи и рисунки, которые цитировались ведущим и показывались на экране.

«Люди Донбасса — это люди, которыми когда-то были мы, — говорит в передаче Проханов. — В них не погас Русский реактор... Донбасский реактор разбудил сегодняшний русский реактор. Не Донбасс присоединяется к России, Россия присоединяется к Донбассу».

17 декабря 2022 года

В гостинце «Измайловская» в конференц-зале «Москва» состоялась научно-общественная конференция **«Колокола истории. Битва за будущее»**, организованная издательством «Наше Завтра» при участии «День-ТВ», газеты «Завтра», магазина «День».

В конференции выступили с лекциями и ответили на вопросы аудитории Александр Проханов, Андрей Фурсов, Михаил Делягин, а также Евгений Спицын, Константин Сивков, Дмитрий Перетолчин, Игорь Шишкин и др. Речь на конференции шла как об исторических предпосылках разгоревшегося ныне мирового противостояния, так и об анализе его хода и попытках заглянуть в будущее. Вёл вечер руководитель «Нашего завтра» и «День-ТВ» Андрей Фёдоров.

19 декабря 2022 года

В офисе Изборского клуба на Ильинке состоялась презентация новой большой разработки группы экспертов клуба под руководством Виталия Аверьянова **«Аркаим XXI век — концепция геостратегического усиления России и её союзников»**. В ходе презентации и дискуссии Виталий Аверьянов в сорокаминутном сообщении развёрнуто изложил главные тезисы этой большой работы. Александр Проханов поведал об истоках этой идеи, связанных с открытием на Южном Урале уникальных городищ древней Синташтинской культуры. Аркаим используется изборцами как эмблема одновременно далекого прошлого и стратегического будущего индоевропейских народов Евразии, среди которых авторы особо выделяют предназначенные к новому союзу Индию, Иран и Россию.

В дискуссии также приняли участие Андрей Кобяков, Сергей Баранов, Вячеслав Штыров, Владимир Лепёхин, Алексей Комогорцев, Каринэ Геворгян, Сергей Магнитов, Игорь Бабичев, посредством видеовыступления — Вардан Багдасарян, другие члены и эксперты клуба.

Новая работа и сопутствующие ей материалы будут опубликованы в ближайшем выпуске нашего журнала. Видеорепортаж с презентации доступен на интернет-ресурсах клуба, в его аккаунтах Телеграм, ВК, Яндекс-Дзен.

70 лет кадету Алёше

**Юбилеяная подборка стихов
Алексея ЯКОВЛЕВА-КОЗЫРЕВА**

Автор и странствия.

Фото сделал верный спутник, неизменный соратник
поэта Василий Александрович ПРОХАНОВ.

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ КОЗЫРЕВА

Творчество Алексея Алексеевича Козырева — это постоянное погружение в какой-то особый, таинственный и зачарованный мир, в котором поэт открывает для себя, своих друзей и читателей новые, неведомые прежде, сверкающие пласты бытия.

С Алексеем мы дружны уже более полувека, со времён обучения в Московском суворовском военном училище, и все эти годы я с большим интересом наблюдаю за его духовным и творческим ростом. Поэтому взял на себя смелость написать его авторский портрет.

Начну с того, чего нельзя не отметить как его отличительную черту, которую можно выразить только такими же, как и его творчество, особенными, высокими словами. Ведь Алексей, несмотря на свой зрелый возраст, по-прежнему умеет с тем же юношеским заворожённым взором и чутким ухом поэта внимать «обжигающему зову» проходящих и бывших времён.

Его можно смело причислить к «бытийным разведчикам», «очарованным странникам». Несмотря на богатый жизненный и духовный опыт, учебу

в Военном институте иностранных языков, из которого выпускников этого престижного вуза забирали в Главное разведывательное управление Генерального штаба, его жизненные принципы остались такими же, как в молодости: полными романтического реализма, кадетской дружбы, веры в идеалы справедливости, любви к России и русскому народу.

За долгие годы настоящего духовного самосовершенствования, поддерживаемый православными старцами — архимандритом Кириллом (Павловым) и иеросхимонахом Моисеем (Боголюбовым), а в творческом отношении — замечательным русским писателем и журналистом Александром Андреевичем Прохановым, он стал одним из самобытнейших и глубоких современных российских поэтов-апокалиптиков.

Помогают Алексею Козыреву в его жизни и творчестве глубочайшая вера в Господа и жизнь в озарении духа через благодарованную, созерцательную молитву, без которых он не видит своего существования.

Представленные в журнале стихи автора — это лишь малая часть его творческого наследия, позволяющая

немного соприкоснуться с внутренним миром этого удивительного человека.

Хочется пожелать дорогому Алексею Алексеевичу успехов в творчестве, реализации всех его планов, пожеланий и устремлений и дальнейшего духовного делания на благо нашего Отечества. Чтобы он так же, как в свои ранние годы, продолжал полноценно жить в своём «Новом Измерении, победно созерцать в себе воскрешённое Прошлое, ставшее Настоящим, и триумфально одолевая неодолимые этапы, периоды и сроки».

Суть произведений А.А. Козырева подтверждает его устремленность к выbranнм ещё в юности идеалам:

«Я когда-то Всевышним на Землю заброшен./Я — разведчик Творца из небесного ГРУ./Я недавно раскрыт, арестован, допрошен./А сегодня — побег из Парижа в Перу.../Расшифруют ли румбу гитарные струны?../Ностальгируя, грезит лазурный аккорд./Возвращается песней цветущая Юность./Мы, как прежде, кадеты!.. Поверьте, милорд...»

Владимир АЗАРОВ

Член Союза писателей России,
кандидат политических наук,
ветеран локальных войн
и военных конфликтов

* * *

Раздвигая хоромы блаженного Мига,
Упорхну в Несказанность, где времени нет...
Унесёт меня в Высь неземная Квадрига.
Улыбнётся грядущему дерзкий корнет...

МССВУ (1968–1971)

Побрели после кросса — безумно усталые.
Галеоны мечты обращаются вспять...
Впереди приключения ждут небывалые.
Но пришла Ностальгия... Её не унять...

Истребляю тарантулов сплина сонетами.
Направляю поэму в крутой Перелёт...
Мы ведь были когда-то лихими кадетами.
Это чудное Время во мне не умрёт...

Наша чёрная форма — лезгинка с кинжалами.
Гимнастёрки ушитые. Брюки клеша...
Разгоняем шпану за чужими кварталами.
Восторгается, грезит, пирует душа...

Разливается песня «Москва златоглавая».
Приголубил братишек «Славянский базар»...¹
Разлетелись кадеты... Рванул за славой я.
На Голанских высотах² взревела Гроза...

Неприметно ушли «гимназистки румяные».
Будто пули, мелькнули сезоны, года...
Угасают, прощаются зори багряные.
А в Сочельник вовек не погаснет Звезда...

Первый отпуск курсанта ВИИЯ (1971–1976) на Западном Кавказе (август 1972-го)

1

В саге торжественной звёздные Шири
Странникам дольним сулят Новоселье...
Гимны слагает воспрянувший лирик.
Пиршество Юности брызжет Весельем...

Метагалактики, кванты, бозоны
Мчатся без хаоса, в полном Порядке...
Вижу во всём этом **Божьи Законы**.
Славлю **Творца**... И уже не украдкой...

Разум, созвездия, атомы, кварки
Нежно пронизаны ласковой Новью...
Вечность безмерную, Миг этот яркий
Бог наполняет великой **Любовью**...

2

В этот утренний час соберу изумлённо
Самоцветы мгновений в бездонной Лазури...
За хребтами Истории гул отдалённый
Говорит о рождении огненной Бури...

Но все беды — лишь после... А ныне Блаженство
Омывает теплом изнутри и снаружи...
Молодецкая удаля своим Совершенством
Отсекает наплывы безжизненной стужи...

Собираю гирлянды из слов благодарных.
Настроение — хочется Космос объять...
Я пронизан каскадом Энергий Нетварных.
Мирозданием правит **Твоя Благодать**...

Самоволка

В городской кутерьме, покидая подножку трамвая,
Устремляюсь, как пума, в проход у железных ворот...
Опоздаешь на лекцию — кара «бездушно тупая»
Приведёт тебя вновь «на губу», в замурованный «грот»...

Метеором рванул на девятый. Пусты коридоры.
Это значит — повторный «залёт». Не уйти от беды...
Перламутровым дивом вздымаются горы Андорры.
Горнолыжница юная мне оставляет следы...

Так чего же грустить? И лечу по следам, будто сокол,
Воспаряя в Бездонность, к лучам золотых Эполет...
Мы — разведчики Неба. Над нами — предвечное Око.
На экзаменах Жизни попался счастливый Билет...

Арабо-израильская война 1973-го

Словно липкий мираж, улетучился каверзный сплин.
Совершилось! Парней ожидает «весёлая сказка»:
Нас бросают в горнило боёв, на защиту Дамаска.
Мы «сидим на казарме» в готовности номер Один...

¹ Примечания: «Славянский базар» — старинный и, по-моему, ещё дореволюционный ресторан в центре Старой Москвы, вблизи Красной площади; летом 1971-го кадеты 3-го взвода 5-й роты отпраздновали свой выпуск из МССВУ в «Славянском базаре».

² На Голанских высотах (Ближний Восток), в разгар Октябрьской арабо-израильской войны (1973), шли беспрецедентные по масштабам танковые бои.

Нам по двадцать. У каждого в сердце — лишь Акварин
Необъятного неба и грёз неземная окраска.
Но «Фантомы» — ракетами... Молнией грянет Развязка...
Взрыв... Рванула из тела душа, как сверкающий Крин...

О разлуке — потом. А сейчас наши лучшие годы
Обещают курсантам Любовь... И какие восходы
Оселяют блаженную Юность на гребне Зари!..

Так могу ли я сгинуть в разрывах слепой круговерти,
Пребывая на Пиршестве Жизни, не ведая смерти?!
За Пальмирой лучится победный Рассвет... Посмотри!..

БПК «Адмирал Виноградов»³

Этот хищный красавец, что тигр саблезубый,
Притаился на время в Янгонском порту.
А глубинные бомбы, торпедные трубы
Охраняют надёжно его красоту...

Орудийные башни и залпы прибоя.
Загорелый, как бронза, плечистый морпех
Нашу сводную группу готовит для боя,
Из титана на грудь надевая доспех...

Поднимаюсь по трапу — не надо оваций.
Мы завяжемся в узел с крутыми парнями.
Приготовим «подарок» из спецопераций.
Он ударит по недругам, будто цунами...

Я на палубе — верь! — на глазах молодею:
Обновляется юнкер, стажёр, офицер.
Уношу в моём сердце твою орхидею,
Воспаряя орлом до сверкающих сфер...

Коды последних времён

Олеандровый невод. Тенета цветущего дрока.
Предзакатная пасека. Лету не будет конца...
Но «Титаник» садится на риф неизбежного Срока.
Улетевшее «завтра» в каюте встречает Гонца...

Мне казалось: Вуаль перемен — (её имя Безмерность) —
Защитит на века от напастей, соблазнов, тревог...
А на деле всё это — секунда, мечта, эфемерность, —
Уколовшая память над вязью забытых дорог...

Не постичь антиномии Сроков. Минувшее мило.
Оно нежно, взволнованно, трепетно плещет в груди...
Парадоксы мгновенности... Красное море штормило,
Приближая — вне времени — Встречу... Она впереди...

Как могучий дружинник, готовый к любому турниру,
Становлюсь воеводой стихов, продвигая анапест...
Штурмовые канцоны найдут благозвучную Лиру.
«Жемчуга»⁴ Гумилёва поспеют на помощь в Анапе...

Инфернально бездушный Гламур завершает карьеру.
Мегаполисы Запада рухнут, как идол Дагона...
Из надмирных Мгновений готовлю ковчег-ноосферу.
Покидая линкор хронологий, взмываю к Эонам...

На подступах к Вечности

Только жемчуг Вершин... Временные торосы
Остаются внизу, среди сочных долин...
Синеву обрамляют альпийские росы.
По розарию кружит счастливый павлин...

Продолжаю подъём на крутые редуты
Обособленных скал... Марсианский ландшафт...
Забираю с собой эти чудо-минуты.
Я — ловец озарений, беглец, хрононавт...

Перламутровый фирн... Неземные красоты
Обрамляют когорты сверкающих гор...
Седовласый кадет из приснившейся роты
Созерцает внутри лучезарный Фавор...

Святая Гора

Я люблю этот сад в апогее июльского зноя.
Убегая от солнца, ныряю под кроны олив.
Отдыхая в тени, засыпаю под арфу прибоя.
И в оазисе грёз напеваю афонский мотив...

Мою грёзу лелеют норд-осты, пассаты, муссоны.
Моя жизнь — это встреча Надежды с улыбкой Весны.
Надеваю имперский мундир... Золотые погоны
Возвращаются явью в мои офицерские сны...

³ В ноябре 2013-го БПК «Адмирал Виноградов» возглавлял боевой отряд кораблей Тихоокеанского флота во время первого за 50 лет дружественного визита в Мьянму.

⁴ «Жемчуга» — стихотворный сборник; автор — Николай Гумилёв — блистательный поэт Серебряного века, путешественник, разведчик, боевой офицер, расстрелянный большевиками в 1921-м.

Прохожу через рифы эпох в нерушимом Покое.
Одолев времена, созерцаю Начало начал.
Над рубиновой далью всё ярче блистает Иное.
И всё ближе к блаженной душе Святогорский Причал...

Из задумчивой Лавры струится малиновый звон.
На закатное вече слетаются райские птицы.
Держит длани на пульсе галактик вечерний Афон.
А над Ним распростёрт Благодатный Покров
Всецарицы...

Так будет...

Отогнав мадригалом эскадру печальных элегий,
Окунаюсь в мажорное соло «Вишнёвого сада»...⁵
Что иуды заморские, каинов ярых набег, —
Если мы победили, и вечная будет Награда?!

Усыпив гравитацию, звёзды, болиды, светила
Подплывают всё ближе... Их можно коснуться рукой...
Мой восторженный дух укрепляет мощнейшая Сила.
По сосудам души разливается светлый Покой...

Часовые незримых порталов, Мгновенья-Гиганты,
Покидают посты у границ, убираются прочь...
На амвоне вселенского Храма поют адаманты.
Над свободным Донбассом ликует медовая ночь...

Песня барда-паломника

Замурована в душах спираль лихолетья.
Уплывает стихов голубая ладья.
Упорхнул менестрель... Но могу ли не петь я,
Неустанно взбираясь на пик Бытия?!

Утопая в снегу, ослеплённый метелью,
Расчищаю проход, разбираю завал...
Будто раненый барс, ухожу по ущелью,
Поднимаясь всё выше, на тот Перевал...

Остаётся лишь Память... Каскады событий
Растворились в бурунах кипящих минут...
Мы когда-то с тобой ликовали на Крите,
Погружаясь в объятия ласковых пут...

А теперь, унесённые огненным бризом,
После пламенных битв, безвозвратных утрат,
Сквозь крошечную темень ползём по карнизу
Обгоревшей надежды... А помнишь Герат?!

«Леонид»⁶ — это ключ к подоплёке конфликтов.
«Политолог» сражает своей прямоотой...
И крадутся сюжеты иных манускриптов —
Хороводы секретов в парче золотой...

Извращенцы скрежещут зубами от злобы.
Их незримо терзает когтистая лапа...
Завывают в змеящейся мгле русофобы.
Обнажает клыки обезумевший Запад...

По траншеям гуляют нейтронные вихри.
Отверзаются пасти вселенского зла...
Бастионы иллюзий сгорают дотла.
Ополчился на Русь коллективный Антихрист...

Затихает во мраке обугленный стон.
Разгорается сеча в глубинах России...
Размахнулся коварнейший Синедрион.
Управляемый хаос — пароль Лжемессии...

Люцифер пожирает масонские кланы.
Обуял глобалистов космический Страх...
Надвигаются «Смерчи», режут «Ураганы».
Расползается ужас в безумных умах...

Поклоняются дьяволу чёрные души.
Пусть опомнится Лондон, поймёт Вашингтон:
Если НАТО — за «Кнопку», в ответ мы обрушим
Термоядерный молот крутых мегатонн...

Смертоносный пластик изрыгают «Химеры»⁷.
Погребальные зори надмирно кровавы...
Но по Киеву наши идут офицеры.
И в Прорыве — Орлы Святорусской Державы...

Отрываются головы дьявольской гидры.
Не спасут эту бестию гады в Госдепе...
Ювелирно работают наши «Калибры»:
В бункер — термобарическим... «Хаймарсы» — в пепел...

В штаб-квартире врага, за обочиной лета,
Камуфлируют саваном замысел гордый...
На незримом ристалище витязи Света
Прожигают молитвой бесовские орды...

Удаляется правда... Её не догнать...
В эпицентре войны еле слышу шаги я...
Уврачует расколы Твоя Благодать.
К изнывающим душам спешит **Панагия**...

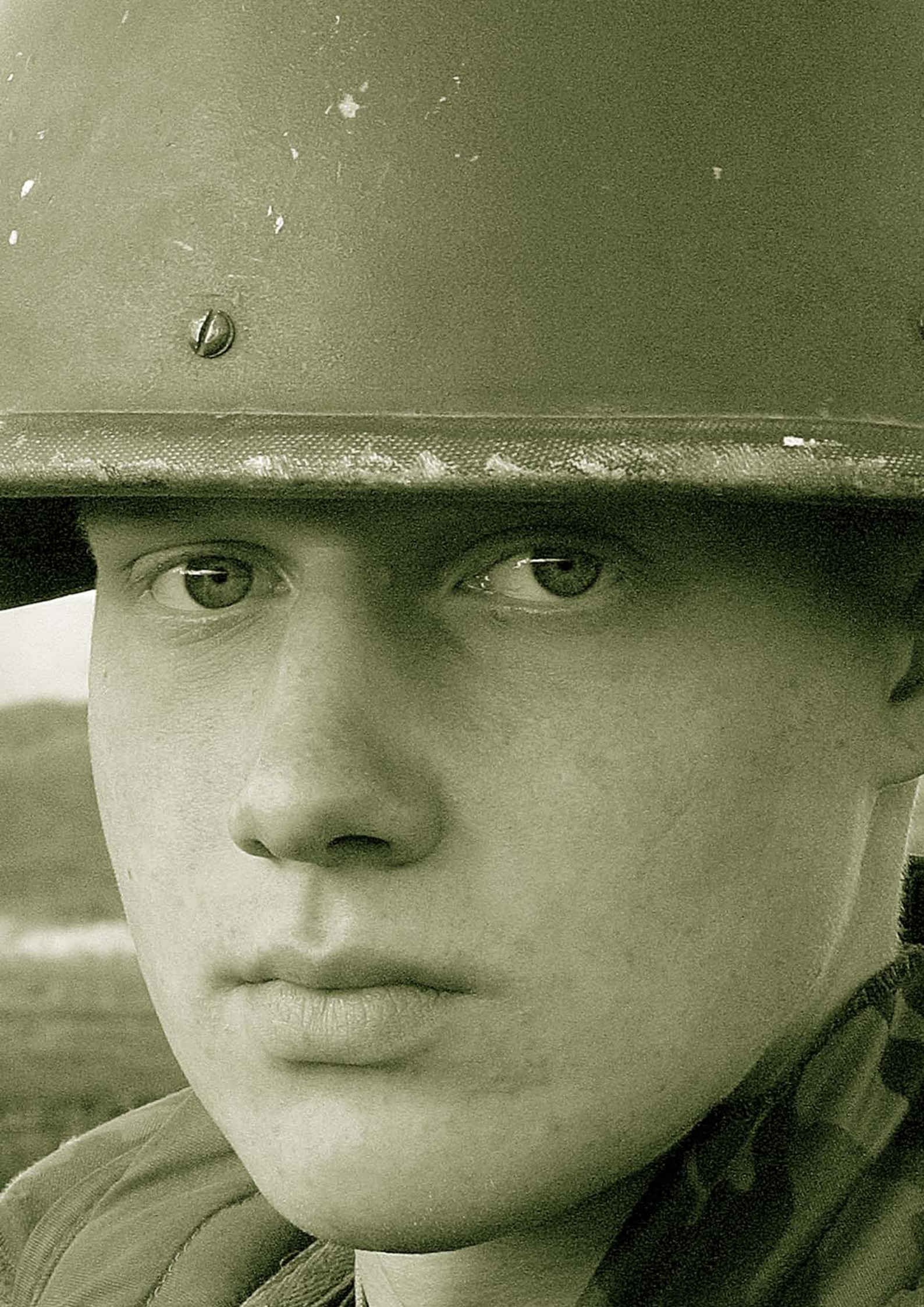
Кровоточит Донбасс и дымится Пальмира.
Апокалипсис грянул... Ступил на порог...
Меж блистающих бездн голубого Эфира,
Изнутри — в Тишине — открывается **Бог**...

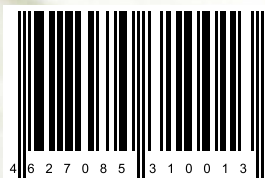
База «N» — Хутор «Z»
Июль 2022 года

⁵ «Вишнёвый сад» — популярнейшая песня и музыкальная композиция для оркестра 50–60-х годов — XX века.

⁶ «Леонид» — роман Александра Проханова о президенте Путине.

⁷ «Химеры» — на современном армейском сленге — американские РСЗО (реактивные системы залпового огня) Highmars («Хаймарсы», «Хаймерсы»).

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3